РУСКАЯ СТАРИНА.

РУСКАЯ СТАРИНА.

КАРМАННАЯ КНИЖКА

для

ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННАГО,

НА 1825 ГОДЪ.

изданная

А. КОРНИЛОВИЧЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1824.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, августа 9 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни объ одномъ изъ нашихъ Государей не писали столько, сколько объ Императорѣ Петрѣ первомъ; но не смотря на это, царствованіе его принадлежитъ къ числу малопзвѣстныхъ въ Руской исторіи. Я старался объяснить, какимъ образомъ онъ вводилъ между предками нашими правила европейскаго общежитія: успѣлъ ли я въ этомъ или нѣтъ, предоставляю на судъ публики.

По желанію Гг. Издателей Полярной Звѣзды написалъ я

для нихъ статью о первыхъ балахъ въ Россіи. Лестный отзывъ о ней особъ, которыхъ мнѣніемъ я дорожу, побудилъ меня къ продолженію начатаго. Въ первомъ отдѣленіи Руской Старины читатели увидятъ плоды сихъ трудовъ. Для повѣрки сказаннаго мною и для облегченія тѣхъ, кои захотѣли бы слѣдовать по тому же пути, означены въ концѣ источники, коими я пользовался.

Второе отдѣленіе написано г. С., воинственнымъ питомцемъ знаменитаго Дона. Оно заключаетъ въ себѣ общежитіе Донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Авторъ пользовался современными актами и отчасти

преданіями, которыя еще свѣжи въ народѣ, сильно привязанномъ къ родинѣ и потому свято сохраняющемъ память о прошедшемъ.

Въ объявленіи о Руской Старинѣ обѣщана была виньетка. Наводненіе, постигшее Петербургъ въ прошломъ мѣсяцѣ, повредивъ домъ гравера, которому поручено было ее сдѣлать, уничтожило его труды и отняло у него возможность начать оный снова. Надѣюсь, что Публика извинитъ меня въ сей невольной неисправности.

Я намѣренъ былъ украсить изданіе это картинками, представить изображенія нѣкоторыхъ лицъ, костюмы ихъ, и пр.; но

время и обстоятельства не позволили мнѣ сего исполнить. Если Руская Старина будетъ принята благосклонно, и ничто не помѣшаетъ мнѣ продолжать сего изданія; то надѣюсь къ будущему году придать этой книгѣ лучшій наружный видъ.

А. К.

С. Петербургъ.
Декабря, 1824.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Нравы Рускихъ при Петрѣ I.

И однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни: все Его началомъ имѣетъ, и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.

Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

РУСКАЯ СТАРИНА.

О частной жизни Императора Петра I.

Вы не разъ удивлялись Петру I, вы слушали со вниманіемъ расказы о подвигахъ его на полѣ брани, о его неутомимости въ дѣлахъ государственныхъ, его постоянной любви къ Россіи. Вы съ равнымъ участіемъ видѣли его въ холстинной курткѣ плотникомъ на Заандамской верфи, потомъ побѣдителемъ подъ Полтавою во время его тріумфальнаго въѣзда въ Москву, и наконецъ, по заключеніи Нейштатскаго мира, торжественно принимающимъ

благодарность народа. Но любопытство ваше завлекло васъ далѣе. Вы сдѣлали мнѣ вопросъ: какая была частная жизнь Петра I? Покажите мнѣ его, говорили вы, не повелителемъ многочисленнаго народа, а гражданиномъ, въ домашнемъ быту, посреди его семейства. Какія были его частныя занятія, его домашнія забавы?

Вотъ мой отвѣтъ.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частныя, которымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда не устающей дѣя-

шельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ [1], и столько отличался ростомъ отъ другихъ что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ *высокаго плотника изъ Московіи* [2]. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшій ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, Королемъ Польскимъ, въ

Биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и бросивъ ее вверхъ, коршикомъ прорубилъ оную на воздухѣ 3). Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобъ лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Впрочемъ, однажды Петръ чуть было не заплатилъ жизнію за подобную самонадѣянность. Это случилось въ 1717 году, въ Утрехтѣ на шелковой фабрикѣ купца фанъ Моллема 4). Дабы узнать быстроту воды, приводившей въ обращеніе колеса фабрики, Государь вздумалъ было во время дѣйствія оныхъ остановить самое боль-

шое колесо; но оно подняло его, и вѣрно Петръ сдѣлался бы жертвою своего любопытства, еслибъ одинъ изъ бывшихъ тутъ работниковъ, схвативъ его обѣими руками, не оторвалъ насильно отъ колеса. Походка его, обыкновенно скорая 5), дѣлалась еще скорѣе когда онъ занятъ былъ какою нибудь мыслію или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при Россійскомъ дворѣ, а именно Цесарскій посолъ Графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у Царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые

давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ 6) черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ 7), вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка

и рукава бѣличьимъ мѣхомъ 8), и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь не охотно разставался съ сею простотою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Лудовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика 9), такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, коротькаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной портупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что,

спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у Парижанъ въ моду подъ названіемъ: habit du tzar или habit du farouche. Случалось иногда, что при аудіенціяхъ или въ большихъ церемоніяхъ онъ являлся въ одеждѣ, болѣе приличной празднуемому торжеству; но всегда при окончаніи онаго тотчасъ ее сбрасывалъ. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ напримѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи Императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою Государынею [18]). Ког-

да она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки, и взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ: « Смотри, Катенька, » сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, « слу- « га смететъ это вмѣстѣ съ соромъ « а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жало- « ванье солдата. »

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно, и могъ ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ неболѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи? [12]) Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшею свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, ма-

сла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно узнавъ *кто* былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки, и угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи Нимвегенскаго трактирщика [13]). «Мнѣ «мотать не изъ чего,» говаривалъ онъ въ другое время; «жалованья за«служеннаго у меня не много, а «съ государственными доходами на«длежитъ поступать осторожно: я «долженъ отдать въ нихъ отчетъ «Богу» [14]). Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье,

и въ 1723 году давалъ Персидскому послу Измаилъ-Бегу отпускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ, съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ 1717 года явился въ первый разъ къ Французскому Королю Лудовику XV [15]).

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь съ двумя деньщиками, однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ 25 мая 1723 года [16]), удивилъ онъ Петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ

ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ на встрѣчу князю Гр. Ѳед. Долгорукому и графу А. Г. Головкину, которые пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ, передо всѣми, изъявивъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Таже простота, какую наблюдалъ Царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. «Если хотите остаться мои-

« ми друзьями, « говорилъ онъ Заандамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году[17]), « то обходитесь со мною не какъ съ « Царемъ; иначе я не буду ученикомъ « вашимъ. Я ищу не почестей, но по- « лезныхъ знаній. Оставьте всѣ це- « ремоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ « милѣе, нежели несносное принужде- « ніе, котораго требуетъ свѣтъ.» Указомъ отъ 30 декабря 1701 года, рабское обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами, было замѣнено поклономъ [18]). Бывало, если на улицѣ кто нибудь изъ проходящихъ, поклонившись останавливался передъ Государемъ, онъ подходилъ къ нему, и взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: « чего ты? » и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его

особѣ: « эхъ братъ, » продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: « у « тебя свои дѣла, у меня мои; за чѣмъ « тратить время по пустому; сту- « пай своей дорогой » [19]). Запрещено было въ письмахъ къ Государю называться словомъ *холопъ*, давать себѣ уменьшительныя имена Ивашки, Митьки и т. п., или снимать шапки предъ царскимъ дворцемъ, какъ сіе водилось въ старину, и теперь еще въ обыкновеніи у насъ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ для крестьянъ, приходящихъ на барскій дворъ. « Какое « различіе между Бога и Царя, когда « воздавать будутъ равное обоимъ по- « чтеніе? » говорилъ онъ при семъ случаѣ [20]). « Къ чему уничижать званіе, « безобразить достоинство человѣка? « оказывать дому моему въ жестокіе « морозы безплодную почесть, обна-

« жая голову, вредно для здоровья, ко-
« торое милѣе мнѣ въ подданномъ вся-
« кихъ пустыхъ поклоновъ. Менѣе ни-
« зости, болѣе усердія къ службѣ и
« вѣрности къ государству и ко мнѣ —
« вотъ почести, которыхъ я хочу. »
Вообще не было человѣка настойчи-
вѣе Петра въ церемоніяльныхъ эти-
кетахъ; но съ другой стороны, не
льзя было обходиться съ людьми от-
кровеннѣе и дружелюбнѣе въ частной
жизни.

Вотъ примѣръ, какъ онъ мало чи-
нился съ особами, которыхъ даже со-
всѣмъ не зналъ. Находясь въ Парижѣ,
онъ хотѣлъ видѣть заведеніе Сенъ
Сиръ для воспитанія дворянскихъ дѣ-
вицъ, и основательницу онаго госпо-
жу Ментенонъ, которая нѣкогда упра-
вляла Лудовикомъ XIV и всею Фран-
ціею, и въ то время проводила послѣд-

ніе годы своей жизни въ сей обители покоя [21]). — Ему сказали, что Г-жа Меншенонъ почла бы за счастіе видѣть его, но что она лежитъ больная, и потому не можетъ принимать никакихъ посѣщеній. « Это немѣшаетъ, » отвѣчалъ Государь; « я ей не буду въ « тягость; мнѣ надобно ее видѣть; она « много принесла услугъ Королю и « Франціи, хотя увлекаясь суевѣріемъ « и дѣлала глупости, гнавъ протес- « стантовъ. » Съ сими словами поѣхалъ онъ въ Сень-Сиръ, вошелъ не сказавшись въ комнату Меншенонъ, отдернулъ занавѣсы ея кроваши, дружески поклонился больной, и сѣвъ на постель у ногъ ея, « извините, » сказалъ онъ ей, » что я пріѣхалъ не « во время и можетъ быть не соблюлъ « всѣхъ формъ приличія, являясь къ вамъ; « но я прибылъ въ вашъ край, чтобъ

« видѣть все замѣчательное въ Парижѣ и « въ Версали: въ такомъ случаѣ могъ ли « уѣхать изъ Франціи, не изъявивъ вамъ « моего уваженія. » За симъ, не давъ ей отвѣчать и не спуская съ нее глазъ, спросилъ у нее: Чѣмъ она нездорова? « Болѣзнь моя есть старость, » отвѣчала встревоженная Ментенонъ слабымъ голосомъ. « Мы всѣ рано или « поздно потерпимъ отъ нее, » сказалъ Монархъ, всталъ, пожелалъ ей выздоровленія, и поклонившись, вышелъ вонъ.

Въ Петербургѣ Царь былъ тоже, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у инаго. Случалось ли ему имѣть къ кому

нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику [22]), онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ *дубинки*, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много, и любилъ изъясняться аллегоріями [23]). Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ, и часто, въ отвѣтъ на длинныя разсужденія, прочитывалъ одну изъ его басень. Отправляясь въ

походъ противъ Турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у Римскаго Императора Карла VI, который подавалъ въ томъ надежду Царю; но не обѣщалъ ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прутомъ былъ конченъ, Императорскій посолъ встрѣтилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего Государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности 24). Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаетъ ли онъ по Латынѣ? и послѣ утвердительнаго отвѣта, взялъ со стола Эзопа, пріискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подалъ ее Посланнику и сказавъ ему: «теперь желаю вамъ доброй ночи» вышелъ изъ комнаты. — Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку

съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ прислушиваясь молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. « За признаніе прощеніе; « за утайку, нѣтъ помилованія, » повторялъ онъ часто [25]); « лучше грѣхъ « явный, нежели тайный. »

Онъ любилъ правду, даже въ такихъ случаяхъ, когда она моглабы другому показаться оскорбительною, и радовался [26]), слушая въ 1697 году въ Англійскомъ парламентѣ пренія оппозиціи и министровъ. « Усматривающій « вредъ и придумывающій добро, объя- « вляти можетъ мнѣ прямо безъ боя- « зни; полезное слушать я радъ и отъ

« послѣдняго; руки, ноги и языкъ не « скованы, а доступъ до меня свобо- « денъ. » Такъ говорилъ онъ не разъ своимъ приближеннымъ 27). « Князь « Яковъ въ Сенатѣ, » отзывался онъ о Долгорукомъ, « прямой помощникъ. « Онъ судитъ дѣльно и мнѣ не пота- « каетъ; безъ краснобайства рѣжетъ « прямо правду, не смотря на лице 28). » Случалось иногда, что въ пылу гнѣва, увлеченный пламеннымъ характеромъ, Петръ обнаруживалъ негодованіе противу тѣхъ, которые безъ покрова открывали ему истину; но за то какое раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ щедро награждалъ потерпѣвшихъ въ такомъ случаѣ отъ его горячности? Я могъ бы насказать множество тому примѣровъ; приведу одинъ: « Ты « хочешь истребить лихоимство, пи- « шешь указы, наказываешь корысто-

« любцевъ, а самъ берешь взятки, » говорилъ Петру Ив. Ив. Бутурлинъ [29]), когда, воротившись изъ втораго путешествія по чужимъ краямъ, онъ повелѣлъ изслѣдовать неустройства, случившіяся въ его отсутствіе. Государь весь измѣнился въ лицѣ. « Не гнѣвай-« ся, а слушай далѣе, » продолжалъ Бутурлинъ: « Когда мы ѣхали черезъ « Тверь, мнѣ отвели квартиру въ до-« мѣ какой-то купчихи. За столомъ « входитъ въ комнату староста и « требуетъ ста рублей въ счетъ сум-« мы, которую городъ опредѣлилъ под-« нести тебѣ въ подарокъ. Не имѣя « денегъ, она проситъ подождать; но « староста настаиваетъ: или тот-« часъ деньги, или въ тюрьму. Она от-« даетъ съ себя жемчугъ; но онъ остает-« ся при своемъ требованіи, и бѣдняж-« ку вѣрно отвели бы, когда бы я не

« ссудилъ ее своими. Вотъ тебѣ до-
« бровольной подарокъ. » — Петръ обнялъ Бутурлина, обдарилъ его, велѣлъ возвратить взятыя деньги и принялъ мѣры, чтобъ впредь не случалось болѣе подобныхъ безпорядковъ.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ 30). Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С. Петербургскія вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по Латынѣ, по Нѣмецки и по Голландски, и понималъ Французскій языкъ, хотя не могъ на немъ изъ-

ясняшься [31]). Остерманъ и Пасторъ Глюкъ переводили съ Нѣмецкаго [32]); Кононъ Зотовъ, Волковъ и Гарлицкій съ Французскаго; Шафировъ и Копіевичь съ Голландскаго, а съ Латынскаго также Копіевичь и Новгородскіе монахи подъ руководствомъ Ѳеофана Прокоповича. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся съ тростію въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиральтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ Брандебургскому посланнику Фонъ Принцу

пріемную аудіенцію въ 4 часа утра [33]. Аудіенція сія была вѣрно единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ явившись во дворецъ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ Рускими министрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ отправиться въ слѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. « Пусть « побезпокоится взойти сюда, если « не умѣлъ найти меня въ назначен- « ный часъ въ аудіенцъ-залѣ, » сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ, по веревочной лѣстницѣ, взбираться на грошъ-мачту, и Государь, сѣвъ на

бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамату и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати [34]), слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель [35]) говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то Государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, писмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе мно-

гословія. 16 Марта 1711 года [36]), отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель [37]). Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ лѣтняго сада, построенной на берегу Невы [38]), или въ хорошую погоду въ главной аллеи. Туда могъ приходить всякій: и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простаго званія. Петръ отбиралъ у просителей прозьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота лѣтняго

сада запирались 39). Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, чрезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ 40). Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному деньщику

вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть передъ Царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ 41).

Петръ не терпѣлъ многочисленной услуги и вообще называлъ лакеевъ шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже расказываютъ слышанное 42). Дежурный деньщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Онъ находился при Царѣ безотлучно днемъ и ночью; былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ имѣлъ слѣдующихъ деньщиковъ 43): Афанасія и Алексѣя Татищевыхъ, Ив. Мих. Орлова, Мурзина, Поспѣлова, Алекс. Борис. Бушурлина, любимца Имп. Елисаветы Петровны; Андрея Конст. Нартова, который училъ его

точить; наконецъ Древника, взятаго въ Гамбургѣ, и Василія Нелюбохтова, который прежде былъ придворнымъ пѣвчимъ. Для дальнихъ посылокъ употребляемы были Шемякинъ и Чеботаевъ, а для спальныхъ услугъ камердинеръ Полубояровъ. Государь столько любилъ деньщиковъ своихъ, что часто въ большихъ собраніяхъ, прервавъ важный разговоръ, обращался къ нимъ и шутилъ съ ними по цѣлымъ часамъ 44). Вообще Петръ ѣлъ мало вдругъ, не былъ разборчивъ въ пищѣ, и не терпѣлъ причудъ въ другихъ. Такимъ образомъ онъ охотно поилъ тѣхъ, кои притворялись, что не могутъ употреблять вина; кормилъ сыромъ, и устрицами особъ, которымъ сіи кушанья были противны; и столько любилъ щекотать боявшихся этого, что многіе притворялись таковыми,

жеманились и смѣялись отъ души, когда ихъ щекотали, чтобъ только угодить Государю 45). Онъ садился за столъ по нѣскольку разъ въ день, и если ему случалось заходить куда нибудь въ послѣ-обѣденное время, то хозяинъ вышедъ къ нему на встрѣчу, приводилъ его прямо въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ съ разными холодными кушаньями. Впрочемъ, пріемъ такого рода дѣлался не для одного Царя, а былъ въ нравахъ тогдашняго времяни.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ Голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С. П. бургскія вѣдомости 46); потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцемъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или

два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ онъ для этого вставалъ изъ застола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія 47). Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ: сюда приходили къ нему по дѣламъ 48) канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ и Т. С. Остерманъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генералъ-полицмейстеръ Девіеръ, или другой кто нибудь изъ его министровъ. Одни только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ Государь всегда провожалъ до двери своего кабинета; всѣ прочіе, даже сама Императрица

Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться 49.) Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и, удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничто не поселитъ въ васъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ Царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его труды. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному вы можете судить сколько занятія сіи были разнообразны: но не смотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну, постоянную, неизмѣнную

цѣль. Хотители знать ее? — « Тру-
« диться надобно, братецъ,» говорилъ
Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опре-
дѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ 50),
« я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозо-
« ли, а все для того, чтобъ показать
« вамъ примѣръ, и хотябъ подъ старость
« увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ
« помощниковъ и слугъ отечеству.»

Площадь, извѣстная нынѣ подъ имени
немъ Царицына луга, усажена была
во время Петра деревьями въ нѣ-
сколько аллей 51). Между деревьями раз-
бросаны были небольшіе домики съ
тесовыми крышками, принадлежав-
шіе собственно Петру. Въ одномъ
изъ нихъ содержался слонъ и два льва,
привезенные въ Петербургъ въ 1714
году изъ Персіи тамошнимъ нашимъ
посланникомъ Волынскимъ; въ дру-
гомъ поставленъ былъ славный Гот-

торпскій глобусъ, имѣвшій до 14 футовъ въ діаметрѣ и подаренный Петру Первому въ 1715 году правителемъ герцогства Голштинскаго; въ третьемъ домикѣ находились математическіе инструменты, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты. Тутъ въ одномъ углу стоялъ токарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ третьемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь, послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, Государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимою стихіею Петра. Одинъ Голландскій шхиперъ сказалъ ему 52), когда Государь объявилъ, что

предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: «нѣтъ, Царь, ты не забудешь, я чаю ты и во снѣ командуешь флотомъ.» Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ, или построены на морскомъ берегу или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лѣкарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, то приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани. Въ Петергофѣ, онъ говаривалъ, что ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на Голландскій образецъ, напоминалъ ему время

его молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшены были картины, работы Адама Сило, учителя его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды Голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ Царь на верфи Остъ-Индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екатерингофскомъ *подзорномъ* дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу; выѣзжалъ на встрѣчу тѣмъ, которые приходили къ Кронштату, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру или по кронѣ 54). Онъ позволялъ иноземнымъ шхипе-

рамъ свободный къ себѣ доступъ; охотно слушалъ расказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю [55]), и не разъ, за кружкою вина, съ глиняною трубкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, Государь свелъ тамъ знакомство со многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, Императрицѣ полотно, и пряники для малолѣтныхъ Великихъ Князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чтобъ имъ въ Петербургѣ доставить все возможное удовольствіе.

Занимаясь утромъ на адмиралтейской верфи практикою кораблестроенія, онъ вечеромъ трудился надъ теоріею: перечитывалъ съ капитанъ-

лейтенантомъ Мухановымъ составленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи; чертилъ на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ; сравнивалъ ихъ размѣры; вычислялъ степень сопротивленія воды и степень глубины, потребной для разнаго рода кораблей. Ѳ. А. Мухановъ учился въ чужихъ краяхъ вмѣстѣ съ Петромъ мореходному искусству и столько успѣлъ въ ономъ что прозванъ былъ Рускимъ Голландцемъ. Петръ говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля; но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступаетъ преимущество Ѳедору. Однажды, когда они перечитывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышелъ у нихъ споръ, который положено было рѣшить на морѣ. Мухановъ командовалъ 50 пушечнымъ фрегатомъ Арондель. Въ назначенный

для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи. Рускій Голландецъ одержалъ верхъ, и Петръ въ благодарность подарилъ корабль образомъ Спаса, а въ память того, что ночевалъ въ тотъ день въ каютѣ Муханова, отдалъ ему съ себя рубашку 56).

Изученіе мореходнаго искуства ознакомило Царя съ астрономіею, механикою и архитектурою. Онъ учился первой изъ сихъ наукъ въ 1697, у извѣстнаго Роттердамскаго астронома Гартзукера, и для наблюденій приказалъ себѣ выстроить небольшую обсерваторію на городскомъ валу въ Амстердамѣ. Въ Петербургѣ Государь весьма часто проводилъ по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ графомъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ въ Готторпскомъ глобусѣ, разсматривая обращеніе

небесныхъ свѣтилъ, изображенныхъ на внутреннихъ онаго стѣнахъ. Въ 1715 году 57), по случаю солнечнаго затмѣнія, онъ для предупрежденія всякихъ толковъ, за мѣсяцъ до затмѣнія, издалъ объ этомъ указъ; построилъ надъ домикомъ, гдѣ былъ глобусъ обсерваторію, и въ день затмѣнія, приказавъ собраться на Царицынъ лугъ сенату, членамъ коллегій, канцелярскимъ служителямъ и особенно духовенству, провелъ тутъ цѣлый день, подводя каждаго къ трубѣ для наблюденій и объясняя причины видѣннаго явленія.

Искусный въ корабельной и въ военной архитектурѣ, Петръ имѣлъ также понятіе о гражданской. Почитаю излишнимъ говорить, сколь много способствовалъ онъ приращенію Петербурга, имъ самимъ основаннаго. Самъ составлялъ и чертилъ планы строи-

мыхъ шутъ домовъ; любилъ, когда его приглашали къ закладкѣ оныхъ, и съ чистымъ, душевнымъ удовольствіемъ осушалъ заздравные кубки въ честь хозяина и архитектора, обыкновенно испиваемые въ такихъ случаяхъ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фанъ-деръ-Гейдена 58); трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ, безъ ропота исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры. Вотъ тому доказательство. Герцогу Марльборугу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Ло въ Ам-

стердамъ и явился для этого къ хозяину, у котораго Царь былъ въ ученіи 59). Домъ сего мастера находился на берегу залива Эй: передъ окнами между плотниками работалъ Петръ. «Я назову его по имени,» сказалъ мастеръ Марльборугу, «онъ оборотится и вы успѣете свободнѣе разсмотрѣть его.» Въ это время нѣсколько человѣкъ пронесли на плечахъ большое бревно. «Петръ изъ Заандама, «чтожъ ты зѣваешь? поди помогать «другимъ,» продолжалъ мастеръ обратясь къ Царю. Государь тотчасъ всталъ, бросилъ топоръ, и подставивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ другими въ надлежащее мѣсто. Въ другой разъ въ Заандамѣ въ сентябрѣ того же года 60) случилось ему проходить мимо пильной мельницы. Петру показалось, что она дѣист-

вуешъ медлѣнно; онъ хотѣлъ что-то въ ней поправить: но отъ того ли, что забылъ опустить щиты и тѣмъ остановить воду, или что захотѣлъ сдѣлать это слишкомъ поспѣшно, чуть было не испортилъ колесъ и самъ не попалъ подъ оныя. «Лучше бы тебѣ «оставаться въ своей Московіи, не«желе пріѣзжать сюда мѣшаться не «въ свое дѣло и причинять убытокъ «честнымъ людямъ,» сказалъ ему подоспѣвшій хозяинъ мельницы. Царь, не отвѣчавъ ни слова, ушелъ съ потупленнымъ взоромъ; но черезъ нѣсколько дней прислалъ мельнику богатый подарокъ съ прозьбою быть къ нему впередъ снисходительнѣе.

Анатомія, медицина, а особенно хирургія и натуральная исторія также занимали досуги Петра. Онъ слушалъ курсъ въ первой изъ сихъ наукъ въ

Амстердамѣ въ 1697 году у извѣстнаго своею ученостію професора Рюйша[61]); для избѣжанія толпы любопытныхъ, собиравшихся на городскихъ улицахъ, чтобъ видѣть его, нанялъ для себя комнату въ гостинницѣ Св. Петра, рядомъ съ домомъ профессора, и приказалъ на свой счетъ сдѣлать между сими двумя зданіями коридоръ, слѣды коего до сихъ поръ еще видны. Онъ купилъ у Рюйша его анатомическій кабинетъ, который вмѣстѣ съ собраніемъ аптекаря Себа составилъ собственный его кабинетъ натуральной исторіи (нынѣшній музей Императорской академіи наукъ): раза два или три въ недѣлю Петръ посѣщалъ оный, пополнялъ тѣлами уродовъ, разными животными и растѣніями, изъ коихъ нѣкоторые находилъ самъ, и всегда присутствовалъ при анато-

мическихъ операціяхъ, дѣланныхъ въ его время въ Петербургѣ.

Любовь Петра къ хирургіи была слѣдствіемъ познаній въ анатоміи. Однажды, гуляя по масляному рынку въ Амстердамѣ, въ 1697 году, остановился онъ у лавки одного шарлатана, который дошелъ до такого совершенства, что рвалъ зубы ручкою чайной ложки, концемъ шпаги, и т. п. Государь призвалъ его къ себѣ 62), велѣлъ ему повторить опыты своего искусства, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ, не уступалъ уже своему учителю. Уроки сіи бралъ онъ въ трактирѣ подъ вывѣскою слона, на площади масляннаго рынка, и вмѣсто того, чтобъ получать по грошу съ тѣхъ, которые приходили къ нему рвать себѣ зубы, какъ это обыкновенно дѣлалось, онъ самъ платилъ имъ по шилингу. Еще и теперь

хранится въ музеумѣ Императорской академіи наукъ цѣлый мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ самимъ Государемъ.

Во второе путешествіе свое по Голландіи, Петръ свелъ знакомство съ Боэргавомъ, который тогда былъ ректоромъ Лейденскаго университета, и почерпалъ отъ него новыя свѣденія въ медицинѣ и ботаникѣ: гербарій Петра существуетъ до сихъ поръ 63): при каждомъ растѣніи Государь отмѣчалъ собственноручно день, въ который оно имъ сорвано, и мѣсто, гдѣ найдено. Онъ всегда носилъ въ карманахъ два футляра 64), одинъ съ математическими, другой съ хирургическими инструментами. Кромѣ того что рвалъ зубы, онъ пускалъ кровь и даже въ 1723 году произвелъ операцію надъ женою Голландскаго купца Борста 65), которая страдала водяною болѣзнію. Когда случа-

лось въ гошпиталяхъ отрѣзывать кому нибудь руку или ногу, онъ всегда при этомъ присутствовалъ и самъ перевязывалъ раны страждущимъ.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I, если бы вздумалъ подробно расказывать какъ онъ шкалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно, ковалъ *желѣзо* на заводѣ Миллера не подалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ и бралъ за пудъ по алтыну; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и т. п. Довольно если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался, или по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, которымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни,

а именно, о токарномъ искуствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искуство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцевъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату Государь называлъ мѣстомъ отдыха, и, чтобъ избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: *кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное* 66). Здѣсь производились всѣ государственныя тайны; здѣсь, вручая инструкціи отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ

милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ проступиться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ Императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ покарной съ веселымъ лицемъ, и Государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ

нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. Петръ работалъ за токарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нартова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ потомству драгоцѣнные плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ изъ кости, заключается въ паникадилахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно любилъ онъ трудиться надъ изображеніемъ святыя Екатерины, котораго до насъ дошло слишкомъ десять экземпляровъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другаго рода. Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, потому

что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно расказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: Англійскимъ, Голландскимъ, Датскимъ и Россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко; тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лице, въ глазахъ блистали радостныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ

просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, тираномъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменьщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣталъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда составлялъ прозрачныя картины фейерверковъ, коими оканчивалъ свои праздники. Картины сіи относились къ политическимъ происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды Россійскаго оружія, или

успѣхи Рускихъ въ просвѣщеніи и гражданской образованности.

Я представилъ одного Петра: въ другое время постараюсь показать нѣкоторыя черты его семейственной жизни.

Объ увеселеніяхъ Рускаго двора при Петрѣ I.

Вѣкъ Петра I есть одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашихъ нравовъ. Царствованіе его представляетъ странную борьбу между обыкновеніями, освященными временемъ, и обычаями прививными, вывезенными изъ за-моря; смѣсь прежнихъ полуазіятскихъ обыкновеній, со вновь вводимыми полуевропейскими. Въ доказательство опишу тогдашнія увеселенія Рускаго двора, имѣвшія непосредственное вліяніе на начало и забавы нашихъ обществъ.

Свѣтскія общества, въ которыхъ участвовали мужчины и женщины,

начались при Петрѣ Великомъ. Государь ввелъ оныя, справедливо полагая, что ничто болѣе обращенія съ женщинами не можетъ благопріятствовать развитію нравственныхъ способностей Рускаго народа. Чтобъ сблизить всѣ состоянія, дворъ давалъ праздники, учреждалъ гулянья, маскарады. Торжественные дни и воспоминанія о побѣдахъ, которыя были часты въ блистательное царствованіе Петра, не рѣдко подавали къ тому поводъ. Въ то время указами предписываемо было участвовать въ забавахъ двора, и такимъ образомъ жители столицы съѣзжались часто, ибо одна только болѣзнь извиняла отсутствующихъ.

Придворные праздники дѣлились на лѣтніе и зимніе. Первые давались въ царскомъ и царицыномъ саду (нынѣ-

шніе лѣтніе — верхній и нижній); послѣдніе сперва въ царской австеріи или гостинницѣ, которая находилась у самаго канала, окружающаго Петропавловскую крѣпость, подлѣ воротъ, не подалеку отъ Троицкаго собора; потомъ въ сенатѣ на Петербургской сторонѣ, или на почтовомъ дворѣ (тамъ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ). Иногда сзывали гостей барабаннымъ боемъ или афишками; иногда, послѣ обѣдни въ соборѣ Св. Троицы, желтый флагъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское), выставленный на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, и пушечные выстрѣлы, возвѣщали жителямъ столицы, что должно собираться послѣ обѣда въ садъ. Чиновныя особы, дворяне,

канцелярскіе служители, корабельные мастера и даже иностранные матросы, имѣли право приходить туда съ женами и дѣтьми. Въ 5 часовъ по полудни являлись въ садъ Государь и вся Императорская фамилія. Въ то время, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится рѣшетка сада, построены были три галлереи: посѣтители пріѣзжали къ саду въ лодкахъ, и привязавъ оныя къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкой тропинкѣ къ средней галлереѣ. Тутъ Государыня и Великія Княжны, держась стариннаго обыкновенія, какъ хозяйки сада, подносили знатнѣйшимъ изъ гостей по чаркѣ водки или по кружкѣ вина. Императоръ же, черпая большими деревянными ковшами изъ ушатовъ, несомыхъ за нимъ двумя гренадерами, угощалъ такимъ образомъ гвардію, полки Преображенскій

и Семеновскій, которые строились на Царицыномъ лугу. Прочимъ посѣтителямъ предоставлено было самимъ черпать изъ бочекъ съ пивомъ, водкою и винами, которыя стояли въ сторонѣ отъ главныхъ аллей. Послѣ того каждый могъ забавляться по произволу. Одни гуляли по саду; другіе оставались въ галлереяхъ, гдѣ былъ приготовленъ полдникъ, въ средней галлереѣ сахарныя закуски для дамъ, въ боковыхъ холодныя блюда для мужчинъ. Иные садились въ разныхъ углахъ сада за круглые столики, на которыхъ находились трубки съ табакомъ и деревянными спичками, или бутылки съ винами. Болѣе всего замѣчательны господствовавшія на сихъ праздникахъ непринужденность и простота въ обращеніи, отличительныя черты обществъ во время Петра I.

Казалось всѣ были заняты однимъ желаніемъ веселиться и забывали о различіи состояній. Самъ Государь, отбросивъ весь этикетъ, обходился со всѣми, какъ съ равными: иногда, сидя съ трубкою за столомъ съ матросами, въ главной аллеѣ, на второй площадкѣ отъ Невы, у большаго фонтана, говорилъ онъ о трудностяхъ морской службы, или ходя съ нѣкоторыми подъ руку по длиннымъ аллеямъ сада, разсказывалъ о своихъ походахъ. Въ другое время разсуждалъ о богословскихъ предметахъ съ духовными, собиравшимися въ дубовой рощѣ подлѣ дворца, или велъ переговоры съ иностранными министрами. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣщался. Начинались танцы въ аллеяхъ, или въ дождливое время, въ галлереяхъ сада. Праздникъ оканчи-

вался фейерверкомъ, или, какъ сіе тогда называли, *огненною потѣхою*, зажигаемою на судахъ, расположенныхъ на Невѣ. Тутъ, между прочимъ, горѣли всякій разъ прозрачныя картины съ аллегорическими изображеніями, приличными предмету празднуемаго торжества. Во все время праздника ворота сада были заперты; никто не смѣлъ уйти отъ онаго прежде Государя, безъ особеннаго на то позволенія.

Главныхъ побѣдныхъ праздниковъ было четыре: 27 іюня въ память Полтавской битвы, 9 августа въ воспоминаніе взятія Нарвы, 28 сентября въ память сраженія подъ Лѣснымъ, и наконецъ 18 октября, въ который торжествовали побѣду подъ Калишемъ. Здѣсь упомяну о двухъ, болѣе достойныхъ вниманія: объ одномъ, который

данъ былъ 27 іюня 1721 года въ воспоминаніе Полтавской побѣды, и другомъ, по случаю заключеннаго въ Нейштатѣ мира. Въ первый служили молебенъ въ открытой палаткѣ, предъ соборомъ Св. Троицы. У входа палатки стоялъ Государь съ эспонтономъ въ одной и простреленною шляпою въ другой рукѣ, и въ томъ же платьѣ, которое носилъ во время сраженія: въ зеленомъ мундирѣ съ небольшими красными обшлагами и старою ладункою чрезъ плечо, и въ зеленыхъ чулкахъ съ башмаками на высокихъ каблукахъ; позади находились подполковники гвардіи: фельдмаршалъ князь Меншиковъ и генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ. Императрица съ Царицею Прасковьею Ѳедоровною и придворными дамами расположилась въ близлежащемъ домѣ на балконѣ. Во весь день

производилась пушечная пальба съ позлащеннаго царскаго фрегата, стоявшаго на Невѣ противъ лѣтняго сада. Въ вечеру послѣ гулянья и танцевъ въ семъ саду, данъ былъ фейерверкъ, въ которомъ аллегорическія картины изображали успѣхи Рускаго оружія противъ Шведовъ.

Праздники 5 сентября и 22 октября 1721 года, данные въ С. Петербургѣ, по случаю Нейштатскаго мира, отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. При полученіи о семъ извѣстія, герольды въ рыцарскомъ одѣяніи съ бѣлыми перевязями черезъ плечо и бѣлыми знаменами, на которыхъ изображена была увѣнчанная лаврами масличная вѣтьвь, и музыканты съ литаврами и трубами, возвѣщали на всѣхъ улицахъ отъ утра до вечера о пред-

стоящемъ торжествѣ. Въ день праздника собрались въ соборѣ Св. Троицы Царь со всею фамиліею и знатнѣйшіе чины; кругомъ церкви выстроены были находившіеся въ Петербургѣ полки, а за ними толпился во множествѣ народъ. Когда кончилась обѣдня, Петръ въ Преображенскомъ мундирѣ съ Андреевскою лентою чрезъ плечо, взошелъ на высокій помостъ передъ церковью, снялъ шляпу, и поклонившись народу, произнесъ громкимъ голосомъ: « Здравствуйте православные! благодарите Бога. Онъ « кончилъ трудную войну, продолжав- « шуюся 21 годъ и даровалъ намъ со « Швеціею вѣчный миръ. » За симъ, велѣвъ подать себѣ ковшъ вина изъ большихъ кадей, которыя стояли передъ помостомъ, и повторивъ: « Здравствуйте любезные! да помо-

« жетъ намъ Богъ подъ сѣнію мира « трудиться для пользы и прибытка « вашего и облегчить тягости, поне- « сенныя вами въ войнѣ; здравствуй- « те, » выпилъ за здоровье народа. Громкія восклицанія признательныхъ Россіянъ служили отвѣтомъ Монарху, который весь тотъ день провелъ на Троицкой площади, участвуя въ народныхъ увеселеніяхъ, и отложивъ торжество мира до 22 октября. Въ сей день, по отпѣтіи божественной литургіи, также въ Троицкомъ соборѣ, прочтена была ратификація мирнаго договора съ Швеціею. Ѳеофанъ произнесъ слово, въ которомъ исчисливъ всѣ дѣла Петровы, его военные подвиги и гражданскія добродѣтели, приглашалъ народъ увѣковѣчить достопамятный тотъ день, изъявивъ Монарху должную при-

знательность. По слову Архипастыря главнѣйшее духовенство, сенатъ и знатнѣйшее дворянство, приблизились къ Петру. Канцлеръ графъ Гаврила Ивановичь Головкинъ, какъ старшій, выступилъ впередъ, благодарилъ Петра отъ имени всѣхъ подданныхъ за дарованное имъ Россіи просвѣщеніе, за распространеніе ея владѣній, за силу и богатство, которымъ онъ положилъ начало, и заключилъ прозьбою всѣхъ, чтобъ онъ принялъ названіе Петра Великаго, Отца отечества, Императора Всероссійскаго, *дабы потомки не упрекали насъ въ равнодушіи къ великимъ подвигамъ ПЕТРА.* Едва онъ кончилъ, какъ громкія восклицанія народа внутри и внѣ церкви, ура! виватъ! да здравствуетъ Императоръ Петръ! раздались въ воздухѣ. Звуки трубъ и литавровъ,

барабанный бой, пальба съ адмиралтейства, крѣпости и 125 галеръ, стоявшихъ на Невѣ, и выстрѣлы 23 полковъ, расположенныхъ на Троицкой площади, какъ будто освятили желаніе народа.

По окончаніи торжества, дворъ, иностранные министры и всѣ знатнѣйшія особы обоего пола отправились въ домъ сената. Мужчины были въ праздничныхъ кафтанахъ, дамы въ платьяхъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, съ великолѣпными головными уборами. Одна только вдовствующая Царица Прасковья, супруга Іоанна Алексѣевича, сохраняла право одѣваться по старинному обыкновенію, т. е., въ черной бархатной шубейкѣ съ мѣховою шапкою на головѣ. Послѣ пышнаго стола, который былъ накрытъ на 1000 кувертовъ, раздавались

золотыя медали, выбитыя по случаю мира изъ Рускаго золота. Праздникъ кончился танцами, за коими послѣдовалъ великолѣпный фейерверкъ. Между прочимъ представлялся тутъ храмъ Януса, освѣщенный 20.000 разноцвѣтныхъ огней, и два воина, которые, затворивъ врата онаго, подали другъ другу руки въ знакъ примиренія. За храмомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видны были на волнахъ синѣющагося моря корабли, надъ коими леталъ голубь съ масличною вѣтвію, а впереди на высокихъ подмосткахъ, лежали для народа жареные быки съ позлащенными рогами; по сторонамъ били фонтаны бѣлаго и краснаго вина.

Въ орденскіе кавалерскіе праздники, одинъ изъ кавалеровъ (обыкновенно Меншиковъ) давалъ обѣдъ; всѣ

же другіе угощали другъ друга тремя кружками вина: одну выпивали за благоденствіе флота и войска, другую за здоровье всѣхъ кавалеровъ, третью за здоровье хозяина. Число кавалеровъ въ столицѣ опредѣляло число кубковъ, осушенныхъ ими въ таковые дни.

Любимою забавою Петра было катанье въ лодкахъ. Катанья дѣлились на лѣтнія и зимнія, на общія и частныя. Извѣстно, что въ Петербургѣ во все время царствованія Петра не было на Невѣ мостовъ. Государь роздалъ всѣмъ для переправы суда, написавъ собственноручно инструкцію для управленія оными. Первокласнымъ вельможамъ подарено было по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ 12, другой въ 4 весла. Прочимъ изъ жителей менѣе, смотря по чинамъ. Каждый

хозяинъ обязанъ былъ содержать суда свои въ цѣлости и отвѣчалъ за нихъ. Въ назначенный для катанья день, выставляли въ четырехъ концахъ города флаги: всѣ суда, подъ опасеніемъ значительнаго штрафа, должны были собраться близь Петропавловской крѣпости у австеріи 4 фрегатовъ, не подалеку отъ Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу флотилія сія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе съ своею яхтою, имѣвшею для отличія красный съ бѣлымъ флагъ. Никто не смѣлъ опередить его или уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала Императорская шлюпка, гдѣ находились Государыня и Великія Княжны, а рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое матросское платье; а за сею шлюпкою прочія безъ разбора. На нѣкоторыхъ

лодкахъ ставились качели; лодки сіи должны были подъѣзжать къ гуляющимъ, спрашивая нѣтъ ли желающихъ позабавиться. Знатные возили съ собою музыку. Сіе множество судовъ, стройно слѣдовавшихъ одно за другимъ, изъ коихъ нѣкоторыя были вызолочены, украшены рѣзьбою и внутри обиты краснымъ или зеленымъ бархатомъ, съ широкими золотыми позументами по краямъ; согласныя усилія гребцовъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, и звуки трубъ, литавровъ и валторнъ, далеко раздававшіеся по волнамъ, очаровывали зрѣніе и слухъ.

Катанья обыкновенно оканчивались у загородныхъ дворцовъ Екатерингофа и Стрѣльны. Тамъ всякій разъ готовы уже были закуски; гуляющіе, вышедъ на берегъ, полдничали, ходили по рощамъ и съ наступленіемъ вечера

возвращались въ городъ въ томъ же порядкѣ. Иногда предпринимались дальнѣйшія поѣздки, т. е., въ Петергофъ, Ораніенбаумъ, принадлежавшій князю Меншикову, въ Кронштатъ и даже въ Ревель. Безпрестанная пальба съ судовъ и громъ музыки оглашали воздухъ во время пути. Иногда сіи забавы имѣли непріятныя слѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли пріучиться къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣніе управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ 21 маія 1714 года. Въ то время пріѣзжалъ въ Петербургъ посланникъ Бухарскаго хана Гаджи-Могамедъ-Багадира. Царь пригласилъ его принять участіе въ предполагаемомъ путешествіи въ Кронштатъ. По неопытности

капитана, шнява, на которой находился посланникъ, канцлеръ графъ Головкинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мѣлей. Пока было тихо, опасность была не велика; но къ 9 часамъ вечера возстала сильная буря: разбило шлюпку, привязанную сзади; оторвало якорь и бросило судно на мѣль; все, казалось, грозило шнявѣ погибелью. Посланникъ, никогда до того невидавшій моря, дрожалъ отъ страха; но видя наконецъ, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шелковое одѣяло, легъ на палубѣ и велѣлъ муллѣ своему, ставъ на колѣна, читать надъ нимъ молитвы изъ корана. Къ утру буря утихла, и присланныя отъ Царя галеры привели шняву въ Кронштатъ.

Зимнія катанья въ лодкахъ были не столько опасны. Отъ дворца до Петро-

павловской крѣпости разбивали на Невѣ ледъ; боты и другія небольшія суда ставили на полозья или на коньки, и натянувъ паруса, пускались по вѣтру въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдался въ лѣтнихъ катаньяхъ. Адмиральская шлюпка указывала путь прочимъ судамъ: соображаясь съ ея движеніями, онѣ лавировали и дѣлали разные маневры по льду, « *для того чтобъ* « *не забыть морскихъ эволюцій,* » говаривалъ Петръ. Сіи катанья продолжались по нѣскольку часовъ. Во время отдыха подносили всѣмъ мужчинамъ, отъ имени Государя, горячій пуншъ, а дамамъ глинтвейнъ.

Въ частныхъ катаньяхъ участвовала одна Императорская фамилія. Государь въ шхиперскомъ платьѣ, управлялъ дѣйствіемъ яхты, въ которой сидѣли Императрица, Великія Княжны Анна

и Елисавета, и Царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, одѣтыя всѣ въ канифасовыхъ кофточкахъ, юпкахъ изъ красной матеріи и небольшихъ шляпкахъ, на подобіе того, какъ и теперь еще одѣваются жены Заандамскихъ корабельщиковъ. Цѣлію катанья былъ обыкновенно Екатерингофъ. Здѣсь иногда, близь пристани, встрѣчалъ высокихъ посѣтителей адмиралъ Апраксинъ съ пушечною пальбою. «Пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобъ «не боялись и полюбили море,» говаривалъ Петръ своимъ приближеннымъ, когда заходилъ разговоръ о таковыхъ прогулкахъ.

Описывая катанья по водѣ, могу ли не упомянуть о закладкѣ и спускахъ кораблей. Петръ, создатель Рускаго флота, не могъ не радоваться успѣхамъ великаго своего предпріятія.

Отъ того всякій подобный случай былъ для него истиннымъ праздникомъ. Наканунѣ извѣщали о семъ происшествіи барабаннымъ боемъ. Въ самый день корабельной закладки или спуска, по пушечному выстрѣлу изъ крѣпости, всѣ отправлялись въ адмиралтейство. Въ первомъ случаѣ, послѣ молебна, главный корабельный мастеръ Головинъ вбивалъ въ киль первый гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлали тоже Царь и прочіе корабельные мастера. Во все время работы производилась изъ адмиралтейства пушечная пальба. По окончаніи закладки, Императоръ со всею фамиліею и всѣми присутствовавшими отправлялся въ флагманскую залу, которой стѣны и потолокъ увѣшены были взятыми отъ Шведовъ знаменами. Тутъ ждалъ посѣтителей сытый обѣдъ, послѣ котораго

всѣ съѣзжались къ генералъ-адмиралу Апраксину, чтобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу.

Во время корабельныхъ спусковъ, по совершеніи молебна на новопостроенномъ суднѣ, Царь, взявъ въ руки топоръ, подрубалъ одну изъ подпорокъ, на которыхъ стоялъ корабль. Звуки трубъ и литавръ, громкія восклицанія народа и пушечные выстрѣлы съ крѣпости и адмиралтейства оглашали воздухъ. Когда якорь былъ брошенъ, Петръ, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ, съ Андреевскою лентою черезъ плечо, всходилъ первый на корабль и привѣтствовалъ всѣхъ, приходившихъ къ нему съ поздравленіями, поцѣлуемъ въ голову. Императрица и Великія Княжны подносили имъ по рюмкѣ вина.

Между тѣмъ въ каютахъ накрыты были столы, въ верхнихъ для дамъ, а въ нижнихъ для мужчинъ. За столъ, гдѣ находился Государь, садились по правую сторону корабельные мастера, плотники и всѣ участвовавшіе въ постройкѣ вновь спущеннаго судна; по лѣвую знатнѣйшія особы. Не было обѣдовъ шумнѣе: самъ Петръ былъ всегда за оными чрезвычайно веселъ. Между гостьми его царствовала совершенная непринужденность: тосты быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, особенно Венгерское, лилось полной чашей. Сіи пирушки на кораблях продолжались отъ 4 часовъ по полудни до 2 часовъ по полуночи, и всякій обязанъ былъ принимать въ оныхъ равное участіе. Въ концѣ обѣда общество пирующихъ представляло странныя группы: такъ напримѣръ,

27 іюля 1721 года, при спускѣ корабля Пантелеймона, видѣли въ одномъ углу Валлахскаго князя Кантемира, борющагося съ оберъ-полицмейстеромъ графомъ Девіеромъ; въ другомъ, старикъ адмиралъ Апраксинъ, со слезами на глазахъ, дрожащею рукою подносилъ послѣдній кубокъ полусоннымъ своимъ пріятелямъ. Вездѣ слышны были чоканья стакановъ и обѣты вѣчной дружбы; изрѣдка шумъ и споры.

Говорить ли вамъ о масляничныхъ маскарадахъ, гдѣ маски, собравшись по пушечному выстрѣлу на площади, противъ собора Св. Троицы, у такъ называемой пирамиды 4 фрегатовъ (*), по сигналу, поданному самимъ Государемъ, который былъ одѣтъ барабан-

(*) Пирамида сія была деревянная и построена въ память первой морской побѣды надъ Шведами при Гангёуддѣ въ 1714 году.

щикомъ, скидали плащи и показывались въ своихъ нарядахъ? Тутъ посреди множества Испанцевъ, Грековъ, Турокъ, Китайцевъ и Индѣйцевъ, являлись карлы съ длинными бородами, возившіе въ телѣжкахъ гайдуковъ Царскихъ, спеленанныхъ какъ дѣти. Говорить ли вамъ о катаньяхъ, гдѣ между множествомъ огромныхъ саней, которыя сдѣланы были на подобіе лодокъ, иныя въ 20 футовъ длины, и въ которыхъ находились въ костюмахъ Царская фамилія, иностранные министры и знатнѣйшія особы обоего пола, видны были: Нептунъ въ раковинѣ съ трезубцемъ, влекомый двумя Сиренами; Бахусъ на бочкѣ, съ кубкомъ въ одной и ливеромъ въ другой рукѣ; Государевъ шутъ, одѣтый медвѣдемъ, въ саняхъ, запряженныхъ шестью медвѣдями же; Камчадалъ и Камчадалка,

ѣхавшіе въ нартѣ на собакахъ, и наконецъ множество арлекиновъ и масокъ, изображавшихъ разныхъ звѣрей и птицъ? Подобные маскарады продолжались цѣлую недѣлю. Участвовавшіе въ оныхъ собирались за нѣсколько дней къ князю Меншикову, который назначалъ каждому его мѣсто во время маскараднаго шествія; всѣ служащіе, должны были подъ опасеніемъ штрафа 50 рублей, ходить во все это время въ костюмахъ и маскахъ, если даже не участвовали въ катаньяхъ. Опасаясь наскучить вамъ подробностями, ограничусь однимъ только замѣчаніемъ, что всѣ масляничные маскарады во время Петра I носили на себѣ отпечатокъ вкуса грубаго, необразованнаго, въ то время еще общаго въ Европѣ.

Качели, составляющія нынѣ главнѣйшее увеселеніе Русскихъ въ масляницу,

были въ употребленіи и при Петрѣ; но съ разницею, что сія забава тогда не исключительно принадлежала простому народу, какъ теперь. Всѣ состоянія принимали въ ней участіе. Въ 1722 году въ Москвѣ, въ понедѣльникъ сырной недѣли, Царь съ офицерами гвардіи открылъ празднество масляницы, на площади у Красныхъ воротъ, нѣсколько разъ провертѣвшись на качеляхъ. За симъ качались солдаты. Петръ между тѣмъ сѣлъ за столъ, приготовленный подъ открытымъ небомъ у самыхъ воротъ, и народъ, признательный за то, что самъ Царь принимаетъ участіе въ его увеселеніяхъ, толпился вокругъ, оглашая воздухъ радостными восклицаніями. Точно тоже было и съ ледяными горами: онѣ обыкновенно были покрыты до вторника масляной недѣли. Въ сей день народъ

собирался на рѣку: по данному знаку шатеръ, подъ которымъ находились горы, раскрывался, и Государь, а за нимъ Императорская фамилія, первые скатывались съ оныхъ.

Я упомяну подробнѣе о музыкѣ въ письмѣ моемъ о Рускихъ ассамблеяхъ. Нѣкоторые вельможи имѣли свои капелли; но между высшимъ сословіемъ, весьма немногіе сами занимались музыкою. По извѣстіямъ современныхъ писателей; изъ Рускихъ дамъ, княгини Кантемиръ и Черкаская и графини Головины, воспитанныя въ Швеціи, гдѣ отцы ихъ, генералъ-лейтенантъ князь Трубецкой и генералъ-адмиралъ Головинъ находились въ плѣну, умѣли только играть на фортопіано. Прочія считали неприличнымъ посвящать часы досуга сему занятію. Концерты были однако же въ модѣ.

Прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ, самъ превосходно игравшій на лютнѣ, не разъ забавлялъ оными Петербургскую публику. Голстинскій министръ графъ Бассевицъ также давалъ музыкальныя собранія. Въ великій постъ 1722 года, вся Москва съѣзжалась къ нему слушать духовныя ораторіи, игранныя музыкантами Голстинскаго герцога Карла Фридриха. Музыканты сіи пользовались большою славою въ Петербургѣ: въ дни новаго года, Свѣтлаго Воскресенья или имянинъ Государыни, Герцогъ до разсвѣта являлся съ ними подъ окнами Императрицы и серенадами приносилъ ей свои поздравленія. — Рюмка вина, подносимая Великою Княжною Анною Петровною Герцогу и всей его свитѣ, была обыкновенно наградою за ихъ вниманіе.

Наконецъ остается мнѣ упомянуть о театрѣ. Театровъ было нѣсколько. Это увеселеніе, кажется, было въ тогдашнее время не во вкусѣ Русскихъ; ибо при всѣхъ стараніяхъ Государя, театры не могли удержаться. Еще въ малолѣтствѣ Петра, семинаристы Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ играли *комидіи духовныя*, какъ Іудиѳь отсѣкла голову Олоферну, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и т. п. Нѣкоторыя изъ комидій сочиняла Царевна Софія Алексѣевна, другія были написаны преосвященнымъ Димитріемъ Ростовскимъ. Піесы послѣдняго были всѣ духовнаго содержанія, и одна изъ нихъ начиналась и оканчивалась двустишіемъ:

Благословенъ Господь отнынѣ и до вѣка,

Отъ всякаго зелія и даже до человѣка.

Свѣтскія комедіи давались на Сухаревой башнѣ и въ гошпиталѣ. Актёрами были ученики математической или хирургической школъ, которыя помѣщались въ сихъ зданіяхъ. Иностранцы: Кунштъ, выписанный изъ Данцига въ 1701 году, Оттофиршпъ и Маннъ были при Петрѣ образователями нашихъ актёровъ, которыхъ выбирали изъ подъячихъ или посадскихъ людей. Государь велѣлъ построить для нихъ въ Москвѣ на Красной площади, противъ гостинаго двора, деревянный домъ, извѣстный въ то время подъ именемъ *комидіяльной храмины.* Представленія давались по понедѣльникамъ и четвергамъ, и дабы заохотить къ посѣщенію комедій, повелѣно было ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ, обыкновенно запираемыя въ 8 часовъ вечера, дер-

жать отворенными до 10 и не брать за это указныхъ пошлинъ съ проѣзжающихъ. Главнѣйшія піесы того времени были:

1). О Франшалитѣ, Королѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его и о прочихъ.

2). О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (герцогъ) Фредерикъ фонъ Поплей.

3). *Тюремной заключникъ или* Принцъ Пикель Гирингъ.

4). О Графинѣ Тріерской Геновевѣ.

5). Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь.

6). Александръ и Дарій Македонскій, комидія въ 18 дѣйствіяхъ.

7). Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ и

8). Докторъ принужденный.

Съ переѣздомъ двора въ Петербургъ прибыли сюда и Рускіе актёры. Ца-

ревна Наталья Алексѣевна, выпросивъ себѣ въ 1716 году большой домъ на Петербургской сторонѣ, въ Никольской улицѣ, устроила въ немъ ложи и родъ партера. Труппа сего театра состояла изъ 10 актёровъ и актрисъ: въ оркестрѣ находилось 16 музыкантовъ, игравшихъ на духовыхъ инструментахъ. Царевна сама сочиняла трагедіи и комедіи, иныя въ 12 дѣйствій и болѣе, заимствовавъ предметы изъ Библіи или изъ свѣтскихъ происшествій. Представленія одной піесы продолжались иногда по нѣскольку вечеровъ сряду. Особенно замѣчательна одна изъ сихъ піесъ, въ которой представлены были, въ иносказательномъ видѣ, возмущеніе стрѣльцовъ, ихъ покушенія на жизнь Царя и наконецъ совершенное уничтоженіе гибельныхъ ихъ замысловъ и постигшая ихъ казнь.

Въ концѣ спектакля являлся одинъ изъ придворныхъ служителей, который пояснялъ публикѣ темныя мѣста въ трагедіи, и указывая на бездушные трупы актёровъ, заключалъ нравоученіемъ, сколько должно уважать существующую власть. Зрѣлища сіи позволено было смотрѣть всякому: приходившимъ подносили по рюмкѣ вина и по кренделю.

Въ это же время явилась въ Петербургѣ Нѣмецкая труппа, дававшая свои представленія на Лиственной, въ домѣ графа Брюса. Дворъ прилежно посѣщалъ оныя. Вообще Нѣмецкая драматическая литтература того времяни состояла большею частію изъ тупыхъ фарсовъ, въ которыхъ площадныя шутки замѣняли остроту; изъ ужасныхъ или сентиментальныхъ трагедій, гдѣ всѣ умирали на сценѣ, или

гдѣ цари говорили языкомъ Аркадскихъ пастушковъ. Петръ, который во всемъ имѣлъ вѣрный вкусъ, обѣщалъ актерамъ богатое награжденіе, если они представятъ піесу трогательную безъ любви и веселую безъ шутокъ, выходящихъ за предѣлы благопристойности. Разумѣется, что они дурно исполнили это порученіе; но Государь, для ободренія, велѣлъ выдать имъ обѣщанное.

По смерти Наталіи, Мекленбургская Герцогиня Екатерина, дочь Царя Іоанна Алексѣевича, приняла на себя управленіе театромъ. Въ Петербургѣ былъ у нея спектакль въ ея домѣ на Васильевскомъ острову, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ музей Императорской академіи наукъ; въ Москвѣ въ селѣ Измайловѣ, принадлежавшемъ ея матери, Царицѣ Прасковьѣ Ѳедоров-

нѣ. Герцогиня сама распоряжала представленіемъ, и потому во время онаго находилась за кулисами. Въ антрѣактахъ являлись старые дураки и дуры, которыя забавляли посѣтителей пляскою подъ звукъ рожка съ припѣвомъ.

Изъ сказаннаго выше вы видите, что всѣ увеселенія временъ Петра I имѣютъ нѣчто отличное, свойственное своему времени. Вы еще болѣе въ томъ удостовѣритесь, взглянувъ на множество карлъ и карлицъ, которыя занимаютъ не маловажное мѣсто въ лѣтописяхъ тогдашнихъ забавъ. Въ концѣ XVII вѣка карлы и шуты были еще въ употребленіи при всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Отъ того вы встрѣтите ихъ во множествѣ и у насъ, какъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ. Государю вздумалось

однажды позабавить Герцога и Герцогиню Курляндскихъ свадьбою карлъ. Петръ велѣлъ одному изъ нихъ выбрать себѣ супругу изъ дѣвушекъ одинакаго съ нимъ роста; 13 ноября 1710 года назначена была свадьба. Созвали на сей праздникъ указомъ 19 августа 1710 года (*) всѣхъ карлъ, находившихся тогда въ Москвѣ и Петербургѣ. Наканунѣ свадьбы двое изъ нихъ, бывшіе шаферами, поѣхали въ колясочкѣ о трехъ колесахъ, въ одну лошадь, убранную разноцвѣтными лен-

(*) « Вотъ указъ сей въ подлинникѣ:

« Карлъ мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ сего августа 25 дня, а въ тотъ отпускъ въ тѣжъ домахъ, въ которыхъ тѣ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дню на нихъ карлъ платье: на.

тами, звать гостей, имѣя впереди верхомъ двухъ офиціантовъ въ ливреѣ. На другой день, когда всѣ гости съѣхались въ назначенный домъ, молодые отправились въ большомъ торжествѣ къ вѣнцу. Впереди шелъ карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, къ концу котораго привязанъ былъ букетъ изъ лентъ. За нимъ женихъ и невѣста съ шаферами; потомъ самъ Царь, множество дамъ, нѣкоторые министры и другія знатнѣйшія особы. Шествіе заключалось 72 карлами и карлицами, первые

мужеской полъ кафтаны и камзолы нарадные цвѣтные, съ прозуменцами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шляпы, и чулки, и башмаки Нѣмецкіе добрые; на дѣвическъ полъ верхнее и исподнее Нѣмецкое платье, и фантажи, и всякой приличной доброй уборъ и въ томъ взяшь тѣхъ домовъ съ стрянчихъ сказки и проч.

въ свѣтлоголубыхъ или розовыхъ Французскихъ кафтанахъ, треугольныхъ шляпахъ и при шпагахъ; послѣднія въ бѣлыхъ платьяхъ съ розовыми лентами. Послѣ церемоніи всѣ отправились къ князю Меншикову, гдѣ ожидалъ молодыхъ богатый обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ: столы жениха и невѣсты были подъ шелковыми балдахинами, а надъ стуломъ невѣсты висѣли три лавровыхъ вѣнка. Маршалъ и 8 шаферовъ имѣли для отличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Кругомъ, вдоль по стѣнамъ залы, сидѣли Царская фамилія и прочіе посѣтители. Праздникъ кончился пляскою, въ коей участвовали одни карлы.

Сей карла, котораго свадьба здѣсь описана, умеръ въ Генварѣ 1724 года. Похороны его также производились

съ отличною церемоніею. Впереди шло человѣкъ 30 пѣвчихъ небольшаго роста; старшему было не болѣе 13 лѣтъ. Гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными позументами и кистями, поставили на построенныя для сего нарочно саночки, запряженныя шестью небольшими жеребятами въ черныхъ попонахъ. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. За гробомъ слѣдовали: сперва карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, который перевитъ былъ чернымъ и бѣлымъ крепомъ, а потомъ 24 другихъ попарно, въ черныхъ платьяхъ, длинныхъ плащахъ и треугольныхъ шляпахъ, завѣшенныхъ флёромъ. За мужчинами шли женщины: впереди, ведшій ихъ маршалъ; потомъ карлица Великихъ Кня-

женъ и другая Герцогини Мекленбургской, которыя, какъ родственницы покойнаго, ведомы были подъ руки каждая двумя карлами, а наконецъ прочія 24, также попарно, съ гирляндами на головахъ и длинными черными покрывалами. По сторонамъ сей процессіи слѣдовали съ факелами Царскій гайдуки и гренадеры. Въ замкѣ находились Государь, Герцогъ Голстинскій, князь Меншиковъ и многіе вельможи, которые провожали покойника отъ дворца до Зеленаго, нынѣшняго Полицейскаго моста. Когда тѣло было предано землѣ, всѣ участвовавшіе въ церемоніи возвратились во дворецъ, гдѣ посадили ихъ за особенные столики, на маленькихъ стульяхъ, и угостили великолѣпнымъ обѣдомъ.

Шуты, или, какъ ихъ тогда называли, дураки, были едва ли не въ большемъ числѣ, нежели карлы. При дворѣ и во всякомъ почти домѣ находились шуты или шутихи. Петръ употреблялъ иногда первыхъ на то, чтобъ въ обществѣ говорить рѣзкія правды вельможамъ, которыми былъ недоволенъ, и когда сіи послѣдніе жаловались на котораго нибудь изъ нихъ Государю: «что вы хотите, чтобъ «я съ ними дѣлалъ,» отвѣтствовалъ Императоръ, «они дураки.» Дура днемъ играла съ барынею въ дураки и не смѣла никогда выиграть; вечеромъ разсказывала ей сказки, чтобъ прогнать ея безсонницу. Въ праздничные дни, или когда случались гости, дура, разряженная какъ 18 лѣтняя дѣвушка, забавляла собраніе прыжками, кривляньемъ и пѣньемъ. Преимуще-

ственно старались выбирать для сего старыхъ женщинъ, полагая, что чѣмъ дура старѣе, тѣмъ она охотнѣе къ расказамъ и тѣмъ забавнѣе въ пляскѣ.

О первыхъ балахъ въ Россіи.

Вы желали знать, какъ веселились наши предки. Я хотѣлъ было описать вамъ великолѣпные обѣды прежнихъ Царей, шумные праздники, на коихъ заграничное вино, вкусныя яства и скоморохи тѣшили пирующихъ. « Но, отвѣчали вы мнѣ: « на сихъ праздникахъ не было женщинъ; а если онѣ и были, то безмолвными свидѣтельницами, и ни кѣмъ невидимыя, съ робостію только поглядывали сквозь длинныя фаты на происходившее.»—Вы хотѣли имѣть описаніе баловъ, собственно такъ называемыхъ; знать, въ какое время исчезла въ Рускихъ грубость

нравовъ, свойственная народу полуобразованному, и когда женскій полъ получилъ право гражданства въ нашихъ обществахъ. Исполняю вашу волю.

Балы введены въ Россію Петромъ Великимъ, по возвращеніи его изъ за границы, въ 1717 году. Парижскія общества, и тогда законодатели моды, вкуса, любезности и свѣтскаго обращенія, были заманчивою новостію для Россійскаго Монарха. Слѣдствіемъ этого былъ указъ 1719 года о неслыханныхъ дотолѣ собраніяхъ обоего пола, названныхъ *ассамблеями*. Вотъ его содержаніе.

1). Желающій имѣть у себя ассамблею долженъ извѣстить о томъ каждаго прибитымъ къ дому билетомъ.

2). Ассамблеи начинать не ранѣе

4 или 5 часовъ по полудни, а оканчивать не позже 10.

3). Хозяинъ не обязанъ ни встрѣчать, ни провожать гостей, или по чему либо для нихъ безпокоиться; но долженъ имѣть на чемъ ихъ посадить, чѣмъ ихъ подчивать и чѣмъ освѣтить комнаты.

4). Каждый можетъ приходить въ ассамблею, въ которомъ часу ему угодно, сидѣть, ходить, танцовать или играть.

5). Въ ассамблеи могутъ приходить: чиновныя особы, всѣ дворяне, извѣстнѣйшіе купцы, корабельные мастера и канцелярскіе служители съ женами и дѣтьми.

6). Слугамъ отвести въ домѣ особыя комнаты, чтобы въ покояхъ ассамблеи было просторнѣе.

7). Преступившій сіи правила подвергается наказанію осушить кубокъ *большаго орла.*

Говорятъ, что указъ сей произвелъ различныя впечатлѣнія. Заключенныя въ высокихъ теремахъ красавицы наши, которыя только по праздникамъ осмѣливались подходить къ косячатымъ окнамъ, чтобъ посмотрѣть на гуляющій по улицамъ народъ, втайнѣ радовались большей свободѣ. Съ другой стороны матушки, воспитанныя по старинѣ, неохотно повиновались волѣ Государевой и жаловались на развращенное время, въ которое дѣвушкамъ позволялось, не краснѣя, разговаривать и даже (чего Боже сохрани) прыгать съ молодыми мужчинами.

Ассамблеи устроены были слѣдующимъ образомъ. Въ одной комнатѣ

танцовали; въ другой находились шахматы и шашки; въ третьей трубки съ деревянными спичками для закуриванія; табакъ, разсыпанный на столахъ, и бутылки съ винами.

Ассамблеи начинались всякую зиму у Государя, а оканчивались у оберъ-полицмейстера. Онъ, по списку, составленному самимъ Государемъ, извѣщалъ за нѣсколько дней особъ, у коихъ надлежало собираться, о наступавшей очереди. Хозяинъ приглашалъ знатнѣйшихъ; прочихъ извѣщали о семъ барабаннымъ боемъ по городу, или, на перекресткахъ улицъ прибивались къ домамъ приглашенія ко всѣмъ проходящимъ, чтобъ пожаловали къ такому-то попрыгать и повеселиться. Въ день ассамблеи являлся къ хозяину въ два часа оберъ-полицмейстеръ съ пятью канцеляристами, которые запи-

сывали пріѣзжающихъ, для того чтобъ потомъ донести о семъ Государю. Въ три начинали съѣзжаться. Обыкновенно, и дамы и мужчины пріѣзжали въ самыхъ богатыхъ нарядахъ; только во время траура при дворѣ, никто, кромѣ Императрицы, не имѣлъ права носить драгоцѣнныхъ камней, золота или серебра. Въ 6 часовъ пріѣзжалъ Императоръ, и немного спустя, Государыня съ Великими Княжнами: ей одной хозяинъ выходилъ на встрѣчу и ее одну провожалъ до кареты. Излишняя учтивость къ прочимъ посѣтителямъ наказывалась осушеніемъ кубка большаго орла. Дамъ угощали чаемъ, кофеемъ, миндальнымъ молокомъ, медомъ и вареньями; мужчинъ: пивомъ, виномъ и трубками. Лимонадъ, оршадъ, а особенно шоколадъ, считались рѣдкостію, и пода-

вались только на ассамблеяхъ у герцога Голштинскаго и министра его Бассевица въ 1723 году.

Въ послѣдствіи, когда любезность утвердила въ нашихъ обществахъ законы приличія, вошелъ въ употребленіе слѣдующій обычай. Хозяинъ во время танцевъ подносилъ букетъ цвѣтовъ дамѣ, которую хотѣлъ отличить. Дама сія становилась царицею бала, распоряжала танцами, и тотъ же букетъ торжественно отдавала другому кавалеру, назначая притомъ день, въ который желала танцовать въ его домѣ. Получившій цвѣты обязанъ былъ слѣпо повиноваться волѣ красавицы. Наканунѣ назначеннаго ею дня посылалъ онъ ей вѣеръ, пару перчатокъ и также цвѣты, съ которыми она являлась въ собраніе, и какъ владѣтельница букета, остава-

лась царицею бала до новаго избранія. Обыкновеніе это, напоминающее времена рыцарскія, въ которыя красота была душею всего великаго, продолжалось до царствованія Императрицы Екатерины II.

Руская пляска, вмѣстѣ съ длинными кафтанами и сарафанами, осталась только въ нижнемъ классѣ народа: замѣнили оную степенный польскій, тихій менуэтъ и рѣзвый Англійскій контрдансъ. Плѣнные Шведскіе офицеры, находившіеся въ Петербургѣ, первые учили танцовать Рускихъ дамъ и кавалеровъ; они долго были единственными танцорами въ ассамблеяхъ. Кромѣ сказанныхъ танцевъ, былъ церемоніяльный, которымъ всегда начинались свадебные и вообще торжественные праздники: становились какъ въ экоссезѣ; при сте-

пенной музыкѣ, мужчина кланялся своей дамѣ и потомъ ближайшему кавалеру; дама его слѣдовала тому же примѣру, и сдѣлавъ кругъ, оба возвращались на свое мѣсто. Сіи поклоны, повторенные всѣми, заключались польскимъ; тогда маршалъ, завѣдывавшій праздникомъ, громко объявлялъ, что церемоніяльные танцы кончились. Наставала шумная веселость: всякій изъ посѣтителей могъ участвовать въ танцахъ. Въ менуэтахъ дамамъ предоставленъ былъ выборъ. Кавалеръ, кончившій танецъ съ выбравшею его дамою, обязанъ былъ въ свою очередь выбрать другую, и протанцовавъ съ нею, перестать; дама же продолжала танцовать съ другимъ кавалеромъ. Такимъ образомъ менуэтъ продолжался, пока музыка не возвѣщала о перемѣнѣ. Польскіе и

контрдансы, похожи были на нынѣшніе, съ тою только разницею, что первые были весьма медленны и продолжительны, а въ послѣднихъ каждая пара дѣлала свои фигуры, повторяемыя прочими. Вообще наши тогдашніе танцовщики, одѣтые по образцу придворныхъ Лудовика XIV, перенимали и въ обращеніи уловки сихъ корифеевъ свѣтской жизни; но подражая, старались иногда превосходить тѣхъ, которыхъ брали за образецъ. Такимъ образомъ мужчина, желавшій танцовать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церемоніяльныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касался пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивалъ, тогда изъявлялъ свою благодарность, поцѣловавъ ей руку. Гордая поступь въ польскомъ, важная осанка и узорчатые па въ

менуэтахъ отличали хорошихъ танцовщиковъ.

Вскорѣ различныя степени образованія раздѣлили общества: собранія не перерывались, но ихъ могли посѣщать только особы, приглашенныя хозяиномъ. Тамъ-то важнѣйшіе въ государствѣ люди забывали на время свое величіе: Императорская фамилія старалась ласковымъ обращеніемъ и участіемъ въ забавахъ не дать замѣтить своего присутствія. Императоръ, Императрица и Великія Княжны всегда много танцовали, особенно послѣднія. Императрица съ супругомъ, или съ герцогомъ Голстинскимъ, или съ княземъ Меншиковымъ, открывала балъ. Всякому свободно было просить Великихъ Княженъ, и какъ многіе искали сей чести, то онѣ не знали

отдыха. Одна только Царевна Прасковья, сестра Императрицы Анны, не любила танцевъ, и не иначе пускалась въ оные, какъ по повелѣнію самаго Государя. Люди преклонныхъ лѣтъ и почтеннаго званія часто также прыгали вмѣстѣ съ другими. Царь забавлялся ихъ усталостію. Такимъ образомъ въ 1721 году, на свадьбѣ генералъ-маіора князя Трубецкаго съ дочерью главнаго корабельнаго строителя Ив. Мих. Головина, подозвавъ къ себѣ генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина, вице-канцлера барона Шафирова, князя Кантемира, двухъ сенаторовъ князей Голицына и Гр. Ѳед. Долгорукаго, П. А. Толстаго и генерала Ив. Ив. Бутурлина, всѣхъ лѣтъ 60 и болѣе, онъ назначилъ каждому молодую даму, и взявъ самъ Императрицу, пошелъ съ ними танцо-

вать родъ нынѣшняго гросфатера. Оный продолжался около часу. Государь, бывшій въ первой парѣ, дѣлалъ самые трудные па, и всякій изъ танцующихъ долженъ былъ слѣпо подражать ему во всемъ, а не исполнившій сего осушалъ въ наказаніе огромный кубокъ орла. Изъ танцующихъ кавалеровъ отличались: самъ Государь, графъ Ягужинскій, Австрійскій посланникъ графъ Кинскій, Голштинскій министръ Бассевицъ, молодые князья Трубецкой и Долгорукій, и графъ Головкинъ. Изъ дамъ первое мѣсто занимала Великая Княжна Елисавета Петровна; отличались также княжны Черкаская, Кантемиръ, графини Головкины и Долгорукая, бывшая въ послѣдствіи невѣстою Императора Петра II.

Ассамблеи давались не въ одномъ Петербургѣ; съ переѣздомъ двора въ Москву въ 1722 году завелись собранія и въ сей столицѣ. Собранія по указу происходили три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Кромѣ того бывали частные балы, гдѣ было посѣтителей менѣе, но болѣе веселости: на сихъ послѣднихъ танцовали иногда до 3 часовъ по полуночи.

Музыка на ассамблеяхъ была большею частію духовая: трубы, фаготы, гобои и литавры. Петръ ввелъ сперва въ употребленіе тарелки, литавры и фаготъ; потомъ появились трубы, валторны и гобои. Государь выписалъ изъ Германіи капельмейстеровъ, съ тѣмъ чтобъ они обучали молодыхъ солдатъ, которые всякій день отъ 11 до 12 играли на адми-

ралтейской башнѣ. Особенно любилъ онъ Польскій рожекъ; всегда имѣлъ при себѣ музыканта, который во время занятій наигрывалъ Государю на семъ инструментѣ Польскія и Малороссійскія пѣсни, и самъ даже въ часы досуга, занимался игрою на рожкѣ. Многіе вельможи имѣли также свои капелли: лучшая принадлежала княгинѣ Черкаской. Герцогъ Голстейнъ-Готторпскій Карлъ Ульрихъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1721 году и послѣ взявшій въ супружество Великую Княжну Анну Петровну, имѣлъ въ своей свитѣ капелль, состоявшую изъ одного фортепіано, нѣсколькихъ скрыпокъ, одной віольдамуръ, одного альта, одного віолончеля, одно контръ-баса, двухъ флейтъ и двухъ валторнъ. Плѣнительная игра сихъ музыкантовъ и новость привезенныхъ инструмен-

шовъ доставляли имъ часто случай показывать свое искуство: говорили, что тотъ праздникъ не въ праздникъ, гдѣ не играли Голстинскіе музыканты.

Охота къ танцамъ часъ отъ часу болѣе распространялась. При Императрицѣ Екатеринѣ I незнаніе танцевъ считалось уже въ дѣвицѣ недостаткомъ воспитанія. Двору не было надобности приказывать ассамблеи: онѣ вскорѣ и совсѣмъ уничтожились; за то частные балы не уставали. Замѣчательно, что около сего времени введены были въ наши общества карты. Петръ Первый не терпѣлъ ихъ и предпочиталъ имъ шашки, а особенно шахматы, игру любимую имъ до чрезвычайности и въ которой онъ почти не находилъ себѣ равнаго.

Императрица Анна, придавшая много великолѣпія двору, любила веселость. Въ ея царствованіе праздники сдѣлались пышнѣе и получили Европейскій видъ. Табачный дымъ и стукъ шашекъ не безпокоилъ уже танцующихъ, и наконецъ совершенно уничтожилось наказаніе осушать кубокъ большаго орла. Въ торжественные дни и при всякомъ необыкновенномъ случаѣ были при дворѣ балы. Современные писатели упоминаютъ между главнѣйшими объ одномъ, данномъ въ генварѣ 1734 года, на который приглашены были съѣхавшіеся тогда въ Петербургѣ посланники: Бухарскій, Турецкій и Китайскій. Торжествовали въ тотъ день вступленіе на престолъ Государыни. Праздникъ открылся въ залѣ, построенной въ Зимнемъ дворцѣ, у нынѣшняго Полицей-

скаго моста. Зала была украшена апельсинными и мирповыми деревьями въ полномъ цвѣту, которыя, образуя по обѣимъ сторонамъ аллеи, оставляли въ серединѣ довольно мѣста для танцевъ. Въ аллеяхъ разбросаны были дерновыя скамейки и боскеты для отдыха гуляющихъ. Живость и разнообразіе сей картины составляли разительную противуположность съ мертвою природою, покрытою снѣгомъ и инеемъ. Благоуханіе искуственной рощи, яркое освѣщеніе, группы гуляющихъ и танцующихъ въ богатыхъ нарядахъ, при звукѣ величественной музыки, представляли нѣчто очаровательное. Императрица Анна спросила у Китайскаго посланника: кто изъ дамъ, находящихся на балѣ, ему болѣе нравится? « Въ звѣздную ночь, отвѣчалъ Китаецъ » трудно рѣ-

шить «которая звѣзда всѣхъ свѣтлѣе.» Но увидѣвъ, что Государыня не довольствуется такимъ отвѣтомъ, онъ подошелъ къ Великой Княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, низко поклонился, и отдавъ ей передъ прочими преимущество, примолвилъ, что «невозможно было бы перенести ея взгляда, еслибъ только глаза ея были поменьше.» Такъ всякій народъ имѣетъ свой вкусъ: большіе глаза, считающіеся у насъ красотою, казались Азіятцу недостаткомъ.

Весьма много шуму надѣлалъ праздникъ, данный въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ саду, по случаю взятія Данцига въ 1735 году. Приглашенные съѣхались въ садъ въ часъ по полудни, дамы въ цвѣтныхъ робахъ съ газовыми накладками, шитыми серебромъ. Длинные ихъ локоны перевиты были

гарляндами изъ цвѣтовъ. Императрица, обошедъ гостей, пригласила ихъ къ столу. Государыня со всею фамиліею обѣдала въ гротѣ, на концѣ большой аллеи сада, въ сторонѣ отъ бассейна. Для прочихъ посѣтителей накрытъ былъ столъ въ 300 кувертовъ подъ навѣсомъ изъ зеленой шелковой ткани, поддерживаемымъ колоннами, которыя покрыты были кисеею и увиты гирляндами изъ натуральныхъ цвѣтовъ. Между колоннами находился буфетъ, по одной сторонѣ съ золотою и серебреною, а по другой съ фарфоровою посудою. Приглашено было 150 кавалеровъ и столько же дамъ, и жребій назначалъ каждой дамѣ ея кавалера. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ перемѣнъ, изъ коихъ въ каждой было по 300 блюдъ, кромѣ десерта. Послѣ обѣда гости раздѣли-

лись на разныя группы; одни гуляли по саду, другіе занимались катаньемъ по бассейну въ раззолоченныхъ яликахъ, принадлежавшихъ Императрицѣ. Съ наступленіемъ вечера открылся балъ подъ тѣмъ же навѣсомъ, гдѣ обѣдали. Разноцвѣтные огни, коими освѣщенъ былъ садъ; поставленныя въ разныхъ мѣстахъ прозрачныя картины и аллегорическія изображенія, приличныя празднуемому торжеству, представляли нѣчто очаровательное. Въ началѣ бала ввели въ палатку двѣнадцать Французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ. Когда каждый изъ нихъ поцѣловалъ у Императрицы руку, Государыня оборотясь къ начальнику ихъ, бригадиру графу де ла Моттъ-Перузу, сказала: « не удивляйтесь, что я выбрала это время для вашей аудіенціи: Французы

дурнымъ обращеніемъ съ Рускими (*), имѣвшими несчастіе попасться въ ихъ руки, даютъ мнѣ право къ отмщенію; но я довольствуюсь учиненною вамъ теперь непріятностію, а какъ народъ вашъ славится любезностію, то надѣюсь, что дамы здѣшнія успѣютъ въ нынѣшній вечеръ истребить изъ памяти вашей тягостное ваше положеніе.» — Съ симъ словомъ 12 фрейлинъ вручили плѣнникамъ ихъ шпаги. «Ваше Величество,» отвѣчалъ графъ де ла Моттъ, «умѣли найти средство побѣдить насъ два раза: въ первый, когда мы, противъ желанія, положили оружіе передъ храбрыми войсками

(*) Французы, не объявивъ войны, овладѣли въ то время однимъ Рускимъ фрегатомъ на Балтійскомъ морѣ и забрали въ плѣнъ весь экипажъ.

вашими, и теперь, когда охотно отдаемъ сердца наши прекраснымъ нашимъ побѣдительницамъ! »

Императрица Анна любила Рускую пляску. Ежегодно на масляницѣ приглашали ко двору унтеръ-офицеровъ гвардіи съ ихъ женами, которыя плясали по Руски. Придворные и даже члены Императорской фамиліи принимали участіе въ этомъ народномъ увеселеніи.

Во времена Елисаветы Петровны балы Рускаго двора славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностію и приличіемъ, какъ въ Россіи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что сама Государыня танцовала превосходно, и особенно отличалась въ менуэтѣ и въ Руской пляскѣ. При ней же

завелись и маскарадные балы, вмѣсто бывшихъ при Петрѣ I масляничныхъ маскарадовъ, которые ограничивались однимъ катаньемъ въ саняхъ. Катанья вошли въ придворный церемоніялъ, но безъ масокъ, а вмѣсто того, имѣвшіе пріѣздъ ко двору пріѣзжали, маскированные, танцовать въ опредѣленные дни во дворецъ. Въ новый годъ всѣ мужчины являлись въ женскомъ, а дамы въ мужскомъ платьяхъ безъ масокъ. Мужской нарядъ весьма шелъ къ лицу Императрицы Елисаветы Петровны. Однажды, помнится 1 генваря 1752 года, на одномъ изъ таковыхъ маскарадовъ, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, справедливо удивленная красотою Государыни, сказала ей: « Il est très heureux, Madame, pour nous autres femmes, que vous n'êtes cavalier que pour ce soir: sans cela

vous seriez trop dangereuse«—En ce cas la, Madame, отвѣчала Императрица, c'est certainement à Vous la première, que j'aurois adressé mes hommages.»

Вотъ вамъ краткій отчетъ о первыхъ балахъ въ Россіи. Остается мнѣ еще упомянуть о нарядахъ, какіе были въ употребленіи у почтенныхъ нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Но вы сами не разъ жаловались на вѣтреность моды, а она точно также распространяла непостоянное владычество на прежніе степенные покрои, какъ на нынѣшнія легкія одежды. Но такъ и быть, чтобъ избѣжать вашего неудовольствія, постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ схватить нѣкоторыя эпохи господствовавшаго въ Россіи вкуса въ нарядахъ.

Заимствовавъ у Французовъ ассамблеи, мы у нихъ же перенялн и бальныя наши

платья. Не думайте, чтобъ то были тѣ легкія, эѳирныя ткани, въ какихъ нынѣ пріѣзжаютъ на балъ наши красавицы. Старики твердятъ, что въ ихъ время молодежь была стеснѣнѣе нынѣшняго. Вообще трудно вѣрить старикамъ, обыкновенно хвалящимъ былое, счастливые годы ихъ славы и побѣдъ, и нарекающимъ на настоящее, когда они принуждены уступать другимъ право плѣнять и быть любезными; но въ семъ случаѣ едва ли они не правы. Представьте себѣ женщину, стянутую узкимъ костянымъ кирасомъ, исчезающую въ огромномъ фишбейнѣ, съ башмаками на каблукахъ въ полтора вершка вышины, и танцующаго съ нею мужчину въ алонжевомъ напудренномъ парикѣ, въ широкомъ матерчатомъ шитомъ кафтанѣ, съ стразовыми пряжками въ четверть на пя-

желыхъ башмакахъ, и посудите, можетъ ли эта пара кружиться, летать по полу въ экосезѣ съ тою легкостію, съ тою быстротою, какую видимъ нынѣ! Робы дѣлались, большею частію изъ одной съ корсетомъ матеріи, съ длинными шлейфами, парчевыя или штофныя, шитыя золотомъ, серебромъ, а иногда унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и обложенныя богатыми кружевами. Головной уборъ былъ также весьма различенъ. Ни надъ чѣмъ, кажется, мода не тиранствовала столько, сколько надъ волосами: каждый годъ, каждое собраніе, то повышали, то понижали прическу, а потому и весьма трудно очертить ее въ нѣсколькихъ словахъ. Волосы покрывали пудрою, или, оставляя въ природномъ видѣ, переплетали ихъ брилліянтами и жемчугомъ.

Вообще пышность въ нарядахъ замѣняла вкусъ. Дамы не одѣвались, какъ теперь, по рисунку Грацій, не знали плѣнительной простоты; въ каждой бездѣлкѣ блистало тяжелое великолѣпіе, а не нынѣшній милый, утонченный вкусъ.

О частной жизни руских при Петрѣ I.

Частная жизнь людей высшаго общества въ царствованіе Петра I такъ разнообразна, что трудно, невозможно почти дать описанію ея надлежащаго единства, сдѣлать изъ онаго нѣчто цѣлое. Но какъ безъ нее не льзя составить себѣ яснаго понятія о Руских нравахъ того времени, то я рѣшился помѣстить здѣсь нѣкоторыя черты изъ тогдашней общественной жизни, предоставляя другимъ умножить собранныя мною свѣденія новыми, и составить изъ нихъ полную картину.

Извѣстно уже, что Петръ, со вступленіемъ на престолъ, рѣшился перообразовать наши нравы, и что сіе намѣреніе усилилось въ немъ съ 1718 года, послѣ втораго путешествія его въ чужіе краи. Желаніе произвести сей переворотъ скорѣе, и если можно, самому видѣть послѣдствія онаго, сродное пылкому характеру и безпокойной дѣятельности сего Монарха, не могло не встрѣтить препятствій въ народѣ полуобразованномъ, свято повиновавшемся обычаямъ старины. Никто не смѣлъ явно противустать волѣ Государевой: но большая часть, состоявшая изъ коренныхъ Рускихъ вельможъ, исполняя оную по наружности, старались удержать что можно было изъ обыкновеній, въ которыхъ они взросли, которыя получили въ наслѣдство отъ

своихъ отцевъ. Другіе, въ угодность ли Монарху, или потому, что понимали высокіе его виды, предупреждали желанія Петра, слѣдуя совершенно вновь вводимымъ перемѣнамъ. Сюда принадлежали особы, приближенныя къ Царю, или тѣ, кои, бывъ отправлены въ началѣ его царствованія въ чужіе краи, возвратились оттуда съ желаніемъ сблизить насъ съ народами просвѣщеннѣйшими и поставить наши общества на Европейскую ногу. Отъ того то вы увидите, въ частной жизни Рускихъ времени Петра I, странную пестроту: борьбу стараго съ новымъ, остатки Рускихъ обычаевъ съ примѣсью обыкновеній Голландскихъ, Французскихъ и Англійскихъ; непринужденность въ обращеніи вмѣстѣ съ мѣлочнымъ этикетомъ; у однихъ Азіятскую пыш-

ность, у другихъ благоразумную умѣренность, не терпящую излишества и не знающую недостатка. Каждая семья представляетъ въ своемъ быту нѣчто отдѣльное, сохраняющее свой особый цвѣтъ. Я изложу вкратцѣ домашнюю жизнь главнѣйшихъ лицъ въ столицѣ и потомъ постараюсь схватить нѣкоторыя черты, которыя при всемъ разнообразіи нравовъ въ частности, были почти общія у всѣхъ.

Главою исключительныхъ любителей старины былъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Связанный съ Государемъ узами родства; любимый и уважаемый Алексѣемъ, Ѳеодоромъ и Петромъ за его испытанную вѣрность, любовь къ правдѣ и проницательный, хотя необразованный умъ; занимая въ государствѣ

важнѣйшую должность, онъ въ домашнемъ кругу являлся совершеннымъ Рускимъ бояриномъ стариннаго покроя. Онъ одинъ осмѣлился противустать точной волѣ Петра касательно перемѣны въ одеждѣ. Никогда не угождалъ прихотямъ господствовавшей въ его время моды; всегда носилъ Руской кафтанъ, отороченный узенькимъ золотымъ или серебрянымъ позументомъ, и черные усы съ просѣдью, которые еще въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича украшали его лице 1). Обыкновенно грубый въ обращеніи, онъ не перемѣнялъ онаго ни съ кѣмъ, и равно принималъ какъ вельможу, такъ и послѣдняго изъ гражданъ. Никто не смѣлъ въѣхать къ нему на дворъ. Самъ Петръ, навѣщая Князя-Кесаря, оставлялъ одноколку свою у тесовыхъ воротъ его,

и пѣшкомъ подходилъ къ его дому 2); никогда не садился въ каретѣ съ нимъ рядомъ, а всегда напереди 3). Въ обществахъ никто не смѣлъ сѣсть передъ нимъ. Приходившіе къ нему, какого бы они званія ни были, должны были прежде поклона хозяину, осушить большой кубокъ простаго вина, приправленнаго перцемъ, поднесеннаго на золотомъ блюдѣ ручнымъ медвѣдемъ. Худо тому, кто вздумалъ бы отказаться! медвѣдь, упустивъ блюдо, вцѣплялся въ парикъ или волосы гостя, и до тѣхъ поръ не давалъ ему покоя, пока сей не соглашался принять чинимаго ему привѣтствія 4). Простые щи, кулебяка съ угремъ, разварная стерлядь и баранья буженина съ чеснокомъ, были главными кушаньями его обѣдовъ. Столѣтніе меды, пива, настоенные ягодами, и изрѣдка маль-

вазія, наполняли золотыя или серебряныя кружки, поставленныя передъ каждымъ приборомъ. Въ осеннее время, когда хлѣбъ былъ убранъ съ полей, отправлялся онъ изъ Москвы, чтобъ въ окрестностяхъ сей столицы, въ рощахъ, прилежащихъ къ селамъ Коломенскому, Измайлову и далѣе, потѣшиться охотою, а особенно соколиною, которую любилъ до страсти. Ни одинъ владѣтельный князь Германіи, можетъ быть, не показывалъ въ подобныхъ случаяхъ такой пышности, какую являлъ сей Рускій вельможа. Въ то время бояре поставляли за славу имѣть во дворѣ многочисленную челядь: одни содержали домовыя войска, родъ тѣлохранителей, состоявшія большею частію изъ дворовыхъ людей, одѣтыхъ въ цвѣта, находившіеся на гербахъ господъ; другіе имѣ-

ли каждый свой дворъ, составленный изъ бѣдныхъ дворянъ на жалованьѣ, и устроенный у однихъ, на подобіе двора древнихъ Рускихъ Царей, у другихъ по образцу Европейскихъ дворовъ 5). Въ день, назначенный княземъ Ромодановскимъ для охоты, множество ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и поддатней въ зеленыхъ чекменяхъ съ золотыми или серебряными нашивками, или опушенныхъ иногда соболями, въ красныхъ шараварахъ и желтыхъ сапогахъ, въ длинныхъ по локоть лосиныхъ рукавицахъ и горностаевыхъ шапкахъ; съ перевязями черезъ плечо, одною изъ серебряной тесьмы, къ которой привѣшена была обшая бархатомъ лядунка, и другою золотою, на коей висѣлъ серебряный рогъ, опоясанные ремнями, которые увѣшены были

кольцами, собравшись у воротъ, ждали повелѣній князя-кесаря. По данному знаку выѣзжали они, при звукахъ роговъ, на горскихъ лошадяхъ въ поле: одни, ведя за собою на смычкахъ своры собакъ, другіе, неся на прикрѣпленныхъ къ пальцамъ стальныхъ клапышахъ (*), обвитыхъ серебряною или золотою проволокою, Сибирскихъ кречетовъ съ привѣшенными къ шейкамъ бубенчиками, подъ бархатными клобучками, шитыми серебромъ, золотомъ или разноцвѣтными шелками 6). Князь-кесарь приглашалъ обыкновенно многихъ вельможъ для раздѣленія сей забавы. Онъ самъ выѣзжалъ на Арабскомъ жеребцѣ. Свита его, простиравшаяся иногда до 500 человѣкъ,

(*) Такъ назывались палочки изъ металла или твердаго дерева, на которыхъ сокольничіе держали кречетовъ.

вся посажена была на лошадяхъ съ его конюшень; большой обозъ со съѣстными припасами и напитками ѣхалъ въ слѣдъ. Во время охоты подсокольничіе подавали князю и гостямъ его кляпыши съ кречетами. Собаки напускались для отысканія добычи; едва она подымалась, державшіе на рукахъ кречетовъ снимали съ нихъ клобучки, и громкіе крики одобренія сопровождали сихъ вѣрныхъ охотниковъ, когда, пустившись стрѣлою на добычу и поразивъ ее, они по свисту сокольничаго, возвращались къ своимъ господамъ. Охота оканчивалась сытымъ обѣдомъ. Тѣ изъ простыхъ ловчихъ или сокольничихъ, которые имѣли случай отличиться, удостоивались чести раздѣлять трапезу князя. За множествомъ блюдъ слѣдовала общая попойка; большія чаши, наполненныя

виномъ, переходили изъ рукъ въ руки, и чѣмъ ловля была успѣшнѣе, тѣмъ пиръ былъ шумнѣе. — Таковыя охоты продолжались иногда по нѣскольку мѣсяцевъ сряду. Петръ не любилъ сего рода забавъ, но снисходилъ къ прихотямъ свояка своего, князя Ѳедора Юрьевича.

Сія священная привязанность къ старинѣ оставалась почти наслѣдственною въ родѣ князей Ромодановскихъ. По смерти князя Ѳедора Юрьевича, сынъ его князь Иванъ Ѳедоровичь, принявъ титулъ отца (*), руководствовался его правилами и въ домашней жизни. Тоже обращеніе со

(*) Титулъ Князя Кесаря, данный Петромъ князю Ѳедору Юрьевичу передъ первымъ отъѣздомъ его въ чужіе краи въ 1697 году.

всѣми, тотъ же этикетъ, тѣ же забавы. Число послѣдователей Ромодановскаго было многочисленно. Иванъ Ивановичь Бутурлинъ, Лопухины, Нарышкины и много другихъ вельможъ, которыхъ имена менѣе извѣстны, старались по возможности соглашать обычаи предковъ своихъ съ тѣми, какіе дворъ вводилъ въ употребленіе.

Графъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, также какъ и князь Ѳедоръ Юрьевичь, былъ сватъ Государю и пользовался отличнымъ уваженіемъ Петра. Домъ его въ два этажа, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зимній дворецъ 7), былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ въ Петербургѣ; при ономъ находился большой садъ, извивавшійся по берегу Невы до нынѣшняго адмиралтейскаго булевара. Убранство комнатъ соотвѣт-

ствовало обширности зданія: вездѣ на стѣнахъ видны были штофные обои, тяжелые столы съ насѣчками изъ кости или разноцвѣтнаго дерева и съ вызолоченными ножками, кресла и стулья съ высокими спинками, обитыя рытымъ бархатомъ. Гостепріимство было одною изъ главныхъ добродѣтелей генералъ-адмирала. Всякій день, въ 4 часа по полудни 8), ставились у него для полдника (лѣтомъ въ аллеяхъ или бесѣдкахъ сада, зимою въ обширныхъ галереяхъ дома) столы, одни съ холодными кушаньями, сахарными закусками и плодами на серебреномъ, вызолоченномъ сервизѣ; другіе съ разнаго рода винами. Апраксинъ, отдохнувъ послѣ обѣда, приходилъ въ залу, гдѣ ждали его собравшіеся гости. При звукахъ духовой музыки, расположенной въ разныхъ

концахъ сада или въ галереяхъ, гости садились за столы, и начиналась пирушка. Одни уходили, другіе приходили; слуги перемѣняли блюда и особенно бутылки, и бесѣда продолжалась до 10 часовъ вечера. По общепринятому въ то время мнѣнію, умѣнье жить состояло въ томъ, чтобъ хорошо накормить и напоить гостя, въ какое бы время онъ ни пришелъ. Отказываться отъ предлагаемаго хозяиномъ, было неучтиво, и молодой человѣкъ, который не выпивалъ столько, сколько пилъ старшій, показывалъ неуваженіе къ хозяину и ко всѣмъ присутствовавшимъ. Добрый адмиралъ имѣлъ особенное дарованіе угощать приходившихъ къ нему: часто видали сего почтеннаго старика съ обнаженною головою, покрытою сѣдинами, стоящаго на колѣнихъ пе-

редъ упрямымъ гостемъ съ прозьбою осушить еще послѣдній кубокъ. Отъ того рѣдко кто уходилъ отъ него не навеселѣ. Носивъ званіе генералъ-адмирала, графъ Апраксинъ составлялъ, послѣ Петра, главное лице при закладкѣ и спускахъ кораблей. Послѣ закладки Императоръ со всею фамиліею и всѣ присутствовавшіе при церемоніи съѣзжались къ нему, чтобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу. Однажды въ 1721 году вздумалъ онъ при подобномъ случаѣ позабавить гостей своихъ травлею. Сія любимая забава прежнихъ нашихъ Царей выходила тогда уже изъ обыкновенія, а отъ того новость сего явленія привлекла толпы любопытныхъ. На площади передъ графскимъ домомъ, нынѣшней Дворцовой, построили родъ полукруглаго

амфитеатра. — Когда посѣтители собрались въ галереяхъ адмиральскаго дома, впустили въ ограду дикаго медвѣдя и льва изъ тѣхъ, которыхъ посланникъ Волынскій привезъ въ 1714 году изъ Персіи. Началась жестокая борьба: разъяренные звѣри быстро бросились другъ на друга; попеременно слышны были то ревъ одного, то рыканіе другаго; наконецъ медвѣдь, изнуривъ противника, началъ брать верхъ: но Царь, опасаясь, чтобъ левъ не сдѣлался жертвою въ сей стычкѣ, приказалъ прекратить травлю. Иногда въ отсутствіе Петра изъ столицы, генералъ-адмиралъ принималъ въ своемъ домѣ посланниковъ: Бухарскихъ, Калмыцкихъ и Хивинскихъ. Въ другое время, командуя на Кронштатской рейдѣ флотомъ, давалъ онъ морскіе празд-

ники 12). Всѣ снасти судовъ украшались разноцвѣтными флагами: въ одномъ мѣстѣ слышны были пѣсельники; въ другомъ звуки духовыхъ инструментовъ; здѣсь матросы, для забавы съѣхавшихся изъ Петербурга гостей, ломались, кривлялись и прыгали; тамъ показывали они ловкость свою, бѣгая по веревкамъ и спускаясь съ мачтъ. Съ наступленіемъ вечера, палуба, мачты, реи и всѣ снасти были освѣщены. Богатый ужинъ, состоявшій какъ обыкновенно изъ множества блюдъ, ждалъ посѣтителей. При каждомъ тостѣ палили изъ пушекъ, и не рѣдко залпъ изо всѣхъ орудій, при послѣднемъ здоровьѣ въ честь основателя Россійкаго флота, заключалъ собраніе. Никто не возвращался домой съ сихъ праздниковъ въ тотъ же день. Генералъ-адмиралъ поставлялъ

въ томъ славу, чтобъ хорошо угостить дорогихъ своихъ посѣтителей, которые расходились не прежде какъ при выстрѣлѣ пушки, возвѣщавшей на другой день утреннюю зорю.

Между боярами, способствовавшими Петру къ переобразованію Россійскихъ нравовъ, первое мѣсто занимаетъ фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ 13). Еще въ малолѣтствѣ Петра употребляемъ онъ былъ въ заграничныхъ посольствахъ. По окончаніи Азовскаго похода, въ которомъ явилъ онъ въ себѣ будущаго героя подъ Полтавой, Шереметевъ, восхищенный устройствомъ видѣнныхъ имъ странъ, рѣшился посѣтить ихъ снова, и въ то время, когда Петръ, съ топоромъ въ рукахъ строилъ суда на Заандамской верфи, ближній бояринъ его искалъ просвѣщенія

на противуположномъ концѣ Европы. Онъ видѣлъ Вѣну и пышный дворъ Леопольда, богатую Венецію и дожа ея во всемъ его великолѣпіи, величественный Римъ съ его развалинами, и наконецъ Мальту, коей воинственные рыцари приняли его въ число своихъ собратій. Возвратившись въ отечество, онъ первый подалъ собою примѣръ той утонченности въ нравахъ, того приличія, которыя послѣ старался распространить между своими соотечественниками. Первый изъ Рускихъ явился передъ Петромъ во Французскомъ кафтанѣ съ Мальтійскимъ крестомъ на груди и въ осыпанной бриліянтами шпагѣ, подаренной ему Императоромъ Леопольдомъ. Онъ любилъ пышность, но не Азіатскую, не ту, которая безъ нужды слѣпитъ глаза, распространяясь на все безъ разбора.

Домъ фельдмаршала, на Фонтанкѣ противъ Лѣтняго сада [14], былъ прибѣжищемъ для всѣхъ неимущихъ: за столъ его, на которомъ не ставилось менѣе 50 приборовъ, даже въ походное время, садился всякій, званый и незваный, знакомый и незнакомый, и только съ условіемъ чтобъ не чиниться передъ хозяиномъ. Обѣды его, приготовленные лучшимъ образомъ, не обращались никогда въ шумные пиры: фельдмаршалъ ненавидѣлъ излишество и не любилъ бесѣдъ, въ то время обыкновенныхъ, въ которыхъ кубки съ виномъ играли главную роль. Самъ Петръ столько уважалъ его, что никогда не принуждалъ пить, и во время праздниковъ Государевыхъ, Шереметевъ и князь Михайла Михайловичь Голицынъ одни освобождены были отъ наказанія, состоявшаго въ

осушенiи кубковъ *большаго орла.* Общество его состояло изъ людей самыхъ образованныхъ: генералъ-фельдцейгмейстера Брюса, Англiйскаго посланника лорда Витворша, Прусскаго Мардефельда и другихъ иностранныхъ министровъ и ученыхъ, находившихся тогда въ Россiи, и, не смотря на малое просвѣщенiе того времени, молодые люди считали за честь и славу, если могли попасть въ вечернiя собранiя фельдмаршала. Не было, можетъ быть, человѣка вѣжливѣе и ласковѣе въ обращенiи. Часто, разъѣзжая по Москвѣ, окруженный множествомъ скороходовъ, бѣгуновъ и домовыми войсками, останавливался онъ на улицѣ и выходилъ изъ кареты, чтобъ подать руку старому сослуживцу Послѣднiе годы жизни своей посвятилъ онъ благотворительности.

Онъ умеръ въ 1719 году, любимый войскомъ и народомъ. Петръ уважалъ его чрезвычайно, называлъ его своимъ Баярдомъ и Тюренемъ, всегда встрѣчалъ и провожалъ его до двери своего кабинета, и поставилъ бы ему монументъ въ Невскомъ монастырѣ, еслибъ смерть не помѣшала Государю въ исполненіи сего намѣренія [15]).

Но никто изъ приближенныхъ къ особѣ Петра не жилъ великолѣпнѣе любимца его, князя Меншикова. Зная, что Государь, сохранявшій простоту во всемъ, лично до него касавшемся, любилъ, вышедъ изъ частнаго быту, окружать себя блескомъ, Меншиковъ, въ угодность ли Монарху, или по собственной склонности, показывалъ въ частной жизни пышность, соотвѣтственную высокому званію владѣтельнаго князя Ижорскаго и

Ингерманландскаго. Онъ имѣлъ своихъ каммергеровъ, каммеръ-юнкеровъ и пажей 16). Домъ его на Васильевскомъ острову, на самомъ берегу Невы, тамъ гдѣ нынѣ I кадетскій корпусъ, былъ въ тогдашнее время обширнѣйшимъ и красивѣйшимъ зданіемъ въ Петербургѣ 17). Обои штофные и гобеленевые, подаренные Петру I въ Парижѣ, большіе бронзовые часы съ боемъ и курантами, люстра изъ цвѣтнаго хрусталя съ золотыми или серебряными вѣтьвями, большія венеціянскія зеркала въ зеркальныхъ рамахъ съ позолоченными обручиками, столы на толстыхъ, вызолоченныхъ ножкахъ съ выкладками изъ разноцвѣтнаго дерева, представлявшими всякаго рода звѣрей и птицъ, диваны и стулья, обитыя шелковыми тканями, съ высокими спинками, на которыхъ изображенъ былъ гербъ

хозяина съ княжескою короною, и Персидскіе ковры на полу, служили украшеніемъ комнатъ. За домомъ простирался обширный садъ, лучшій въ Петербургѣ послѣ Царскаго, съ оранжереями, сараями фруктовыхъ деревьевъ, птичниками и небольшимъ звѣринцемъ [18]. Въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ, Петръ часто давалъ въ семъ жителямъ столицы домѣ пиры, на которые отпускалъ князю по тысячѣ рублей [19]. Иногда принималъ здѣсь иностранныхъ пословъ въ устроенной для сего нарочно тронной залѣ, подлѣ которой была гардеробная Государя [20]. Онъ пріѣзжалъ къ Меншикову запросто: передъ началомъ аудіенціи выходилъ изъ гардеробной въ тронную въ парадномъ кафтанѣ, и по окончаніи оной, сбросивъ тягостную для себя церемоніяль-

ную одежду, уходилъ отъ своего любимца.

Роскошные праздники князя Меншикова болѣе всего походили на Европейскіе. Князь, столько способствовавшій Петру I въ произведенныхъ имъ перемѣнахъ, поставлялъ въ томъ славу, чтобъ сколько можно приблизиться къ обычаямъ, какіе въ то время наблюдаемы были при образованнѣйшихъ дворахъ Европы: ибо зналъ, что ничѣмъ лучше не угодитъ Петру. Гости пріѣзжали къ нему въ лодкахъ: на берегу рѣки, у крыльца, на лѣстницѣ и у всѣхъ дверей встрѣчали ихъ, при звукѣ трубъ и литавръ, пажи, каммеръ-юнкеры и каммергеры князева двора, въ синихъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и въ цвѣтныхъ шелковыхъ чулкахъ съ золотыми или

серебряными стрѣлками. Обѣды его, приготовленные лучшими выписанными изъ Парижа поварами [21]), состояли иногда изъ 200 блюдъ и подавались на золотомъ сервизѣ: погреба наполнены были лучшими винами. Народъ толпился на улицахъ, чтобъ посмотрѣть на князя, когда онъ въ торжественные дни ѣхалъ во дворецъ. Въ тогдашнее время многочисленная услуга и пышность въ экипажахъ составляли необходимость для людей хорошаго тона. Баринъ или барыня не могли выѣхать изъ дому, въ саняхъ ли или въ каретѣ, безъ того чтобъ, кромѣ слугъ позади, не имѣть впереди себя нѣсколькихъ верховыхъ, которые днемъ разгоняли на улицахъ народъ, а ночью, неся въ рукахъ длинные факелы, указывали и освѣщали дорогу [22]). Въ большіе праздники любимецъ Петра,

переѣхавъ черезъ Неву на выложенной зеленымъ бархатомъ внутри и раззолоченной снаружи лодкѣ, выходилъ у своей австеріи, находившейся на Исакіевской площади, тамъ гдѣ нынѣ сенатъ. Отсюда начиналось торжественное его шествіе: впереди шли скороходы и служители дома въ богатой ливреѣ, потомъ ѣхали музыканты и пажи верхомъ, въ синихъ суконныхъ и бархатныхъ кафтанахъ съ золотыми позументами по швамъ; за ними самъ князь въ каретѣ, сдѣланной на подобіе вѣера, на низкихъ колесахъ, съ золотымъ гербомъ на дверцахъ и большою княжескою короною изъ того же металла на имперіялѣ, и запряженной шестью лошадьми въ уборѣ изъ малиноваго бархата съ золотыми или серебряными украшеніями. По сторонамъ шло по три каммеръ-

юнкера, изъ коихъ одинъ держался за ручку каретныхъ дверецъ, и наконецъ небольшой отрядъ драгунъ князева полка заключалъ шествіе.

Не буду говорить о гостепріимствѣ Шафирова, въ домѣ котораго на Петербургской сторонѣ неподалеку отъ Сампсоньева моста [23]), была обширнѣйшая въ Петербургѣ зала, и коего погребъ заключалъ въ себѣ лучшія вина; о жившемъ подлѣ графѣ Головкинѣ [24]), коего бережливость обратилась въ пословицу и котораго дочери по образованію, любезности и красотѣ были въ числѣ первыхъ дѣвицъ въ столицѣ [25]); объ ученомъ и веселомъ князѣ Кантемирѣ, коего супруга, урожденная княжна Трубецкая, слыла первою красавицею въ Петербургѣ; о племянницѣ ея, милой княжнѣ Черкасской; объ Измайловѣ, посланникѣ нашемъ въ

Пекинѣ въ 1720 году, коего домъ былъ весь меблированъ въ китайскомъ вкусѣ; наконецъ о баронѣ Строгоновѣ, на роскошныхъ пирахъ котораго являлось до 20 дѣвицъ, игрою на арфѣ и пѣніемъ восхищавшихъ зрѣніе и слухъ посѣтителей. Описаніе ихъ образа жизни наскучитъ однообразіемъ. Перейду къ обыкновеніямъ, которыя были почти общими въ то время всѣмъ, составлявшимъ высшее общество.

Примѣръ двора, всячески старавшагося сблизить всѣ состоянія и распространить общественную жизнь между Рускими, скоро подѣйствовалъ на людей, у которыхъ гостепріимство было врожденною добродѣтелію. Тогда этикетъ не раздѣлялъ еще состояній столько, сколько теперь; зазывныхъ билетовъ не знали; приглашали только самыхъ знатныхъ;

прочіе, знакомые и незнакомые, приходили въ назначенный часъ, садились за столъ, и покушавъ хлѣба-соли, уходили, часто не заботясь о хозяинѣ. Хозяинъ или хозяйка встрѣчали гостей въ дверяхъ, при звукѣ трубъ и литавръ, поклономъ и рюмкою водки или вина. Обѣды, начинавшіеся въ 12 часовъ, были продолжительны и состояли изъ множества блюдъ. Въ частныхъ собраніяхъ, когда съѣзжались одни короткіе знакомые, жребій назначалъ дамѣ кавалера, который долженъ былъ ее вести къ столу, садиться рядомъ съ нею и услуживать за обѣдомъ. Во время стола доморощенный музыкантъ забавлялъ гостей игрою на гусляхъ. Въ торжественные дни вмѣсто гуслей слышны были духовые инструменты: дамы находились въ одной, а кавалеры въ дру-

гой комнатѣ. Въ концѣ обѣда подносили первымъ сахарныя закуски, къ мужчинамъ же приносили ящики съ винами: Венгерскимъ, Рейнскими и нѣкоторыми Французскими. Начинались тосты: обыкновенно предлагалъ оные самъ хозяинъ. Когда случалось, что Государь находился въ числѣ пирующихъ, то первымъ тостомъ было всегда призваніе Божіей милости, а вторымъ благоденствіе семейству Ивана Михайловича Головина, то есть, флоту (*). Петръ считалъ сей тостъ

(*) Генералъ-маіоръ Головинъ отправленъ былъ Петромъ I въ концѣ XVII вѣка въ Венецію выучиться Италіянскому языку и строенію кораблей, а особенно галеръ; но сіи занятія были не по его вкусу. Четыре года пробылъ онъ въ Венеціи, и одинъ только разъ былъ на тамошней верфи. Когда онъ воротился, Царь для испытанія повелъ его въ адмиралтейство;

столь важнымъ, что обѣщалъ шуту своему Португальцу Лакосту 100.000 рублей, если бы случилось когда нибудь пропустить оный. Во время стола Государь уходилъ отдыхать и черезъ часъ возвращался. Послѣ обѣда гости переходили въ другую комнату къ дамамъ, гдѣ ждали ихъ чай, кофе и лимонадъ. Если общество было не

но первые отвѣты Головина показали, что онъ не имѣлъ понятія о кораблестроеніи. Выучился ли ты хоть по Италіянски? спросилъ Петръ. — Очень мало, Государь. — Чтоже ты дѣлалъ? — Курилъ табакъ, пилъ вино, и игралъ на басу, отвѣчалъ Головинъ. — Сей лаконизмъ и откровенность понравились Петру, и Государь, какъ будто въ шутку, сдѣлалъ его адмиралтейскимъ совѣтникомъ и главнымъ надзирателемъ С. Петербургской корабельной верфи. Петръ любилъ Головина за его прямодушіе, испытанную вѣрность и за оказанное въ сраженіяхъ мужество.

многочисленно, и не льзя было танцовать, то призывали домашняго козака, который тѣшилъ посѣтителей пляскою съ припѣвомъ и игрою на торбанѣ, или на балалайкѣ. Въ другое время, когда не случалось гостей, передъ коими надлежало чиниться, садились играть: мужчины между собою въ косци, шахматы или шашки; замужнія дамы съ нѣкоторыми кавалерами въ короли, марьяжъ, ломберъ, ламушь или лантре; дѣвушки съ молодыми мужчинами забавлялись игрою въ фанты, или въ кошку и мышку, или въ жгуты, и тому подобное.

Общества наши того времени представляли странную противуположность: совершенную непринужденность между мужчинами и самый строгій этикетъ въ обращеніи съ женщинами. Простое обхожденіе Петра

служило примѣромъ для подданныхъ. Въ собраніяхъ одни лѣта давали право на отличіе: часто вельможа, занимавшій важнѣйшее мѣсто въ государствѣ, вставалъ передъ человѣкомъ низшаго званія, покрытымъ сѣдинами. Особенно старшіе въ семьяхъ пользовались у младшихъ уваженіемъ, котораго слѣды и теперь примѣтны въ коренныхъ Рускихъ фамиліяхъ: такъ напримѣръ, герой Финляндіи, князь Михайла Михайловичь Голицынъ, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду, не смѣлъ никогда садиться при братѣ своемъ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ, который былъ нѣсколькими годами старѣе. Семейственная жизнь Рускихъ бояръ представляла нѣчто патріархальное. Родственныя связи уважались гораздо болѣе нынѣшняго. Въ семейственный праздникъ всѣ родные съѣзжались

къ дававшему оный. Старшій занималъ почетное мѣсто; прочіе, мужчины и женщины, составивъ около него большой кругъ, ждали позволенія сѣсть. Когда всѣ занимали свои мѣста, онъ начиналъ разговоръ, входилъ въ обстоятельства каждой семьи: однимъ давалъ совѣты, другимъ дѣлалъ замѣчанія, и словомъ, распоряжалъ дѣлами каждаго. Никто изъ присутствовавшихъ самъ собою не могъ заговаривать съ старшимъ или обращаться къ другимъ во время его разговоровъ; все дѣлалось по его волѣ; всѣ старались о томъ только, чтобъ ему угодить.

Нѣсколько сотъ лошадей на конюшнѣ, множество каретъ, колясокъ, фаэтоновъ и колымагъ въ сараяхъ, и многочисленная дворня составляли принадлежность всякаго дворянскаго

дома. Между слугами нѣкоторые пользовались преимущественно отличіемъ передъ прочими. Няня завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ; шутъ или дуракъ садился иногда за столъ съ господиномъ и имѣлъ позволеніе говорить, что ни приходило ему на умъ; сказочникъ находился при баринѣ, когда онъ ложился спать, и обязанъ былъ, сидя у ногъ его на постели, разсказывать всякій день что нибудь новое до тѣхъ поръ, пока господинъ не уснетъ крѣпкимъ сномъ. За обѣдомъ слуга, отличавшійся долговременною службою въ домѣ, имѣлъ право, стоя за стуломъ, вмѣшиваться въ разговоръ господъ своихъ. Въ большіе праздники всѣ толпою приходили поздравлять своего господина или госпожу, которые подносили имъ по рюмкѣ вина. Для обѣдовъ каждый день накрывались длин-

ные столы, покрытые множествомъ разнаго рода блюдъ, если даже садилось за столъ не болѣе двухъ человѣкъ. Когда не случалось постороннихъ, баринъ, вѣроятно по примѣру прежнихъ царей, которые свои столъ посылали на домъ къ подданнымъ, коихъ хотѣли отличить, разсылалъ съ своего стола блюда, или, какъ ихъ называли, *подачи*: нянѣ, дворецкому, конюшему, сказочнику и другимъ изъ служителей, пользовавшихся его милостію.

Женщины не имѣли въ то время такаго вліянія на общества, какимъ пользуются нынѣ. До Петра показывались онѣ между мужчинами рѣдко, и то на нѣсколько минутъ. Къ концу обѣда, за хлѣбеннымъ, входила въ комнату, гдѣ сидѣли за столомъ мужчины гости, нарумяненная хозяйка въ кокошникѣ,

бархатной, обложенной соболемъ шѣлогрѣйкѣ, и башмакахъ съ высокими каблуками. За нею дочери, съ повязками на головахъ, въ цвѣтныхъ сарафанахъ и башмакахъ такихъ же какъ у матери. Осѣнивъ себя три раза крестомъ передъ стоявшею въ углу иконою и поклонившись гостямъ, онѣ, не говоря ни слова, подносили каждому по четыре кубка: съ водкою, виномъ, пивомъ и медомъ. Каждый гость долженъ былъ осушить кубки за здоровье красавицъ, и въ благодарность получалъ отъ нихъ поцѣлуй въ щеку. — Симъ ограничивалось участіе женщинъ въ обществахъ, пока указы Петра не дали имъ правъ, равныхъ съ правами мужчинъ. Одѣтыя въ европейскія платья, выученныя танцовать и говорить по Нѣмецки, онѣ перестали замѣнять природный румянецъ под-

дѣльнымъ, чернить зубы и брови; радовались большей свободѣ; но, не смотря на всѣ старанія Государя, по привычкѣ, или слѣдуя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую дикость, поддерживаемую господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ. Дѣвушка въ обществѣ, чтобъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на всѣ вопросы самымъ короткимъ образомъ, и если можно не болѣе какъ *да-съ* и *нѣтъ-съ*; не могла два или три раза танцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ. Замужнія пользовались большею свободою, но и эта свобода была гораздо ограниченнѣе нынѣшней.

При такой застѣнчивости женщины не могли имѣть большаго вліянія на мужчинъ. Однакоже оно существовало. Желаніе нравиться, почти врожденное всѣмъ людямъ, занимало тотъ и другой полъ. Костюмы сдѣлались щеголеватѣе, или лучше сказать, пышнѣе прежняго. У женщинъ появились платья, шитыя золотомъ, серебромъ, или унизанныя жемчугомъ; у мужчинъ цвѣтные бархатные кафтаны съ пуговицами изъ золота или драгоцѣнныхъ камней; прически à la Vallière и длинные алонжевые парики. Обращеніе съ женщинами сдѣлалось принужденнѣе. Между мужчинами родилась услужливость къ дамамъ, которая еще носила примѣты своего младенчества. Такъ напримѣръ, однажды въ 1721 году, чтобъ почтить красоту княгини Кантемиръ,

гости, собравшись послѣ обѣда у нее въ спальнѣ, пили ея здоровье изъ вещицъ, принадлежавшихъ къ ея туалету: стеклянныхъ башмаковъ, сапожковъ и проч. Въ обществѣ учтивый кавалеръ долженъ былъ поднести дамамъ, которыхъ хотѣлъ отличить, букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. На улицѣ, встрѣчался ли ѣхавшій мужчина съ знакомою дамою въ каретѣ, оба экипажа съ многочисленною ихъ свитою останавливались; кавалеръ, не взирая на погоду, выходилъ изъ своего, и съ обнаженною головою, держа шляпу въ рукахъ, подходилъ къ каретѣ красавицы, чтобъ имѣть удовольствіе привѣтствовать ее поцѣлуемъ руки.

Таковы были обыкновенія въ высшемъ классѣ обществъ при Петрѣ I. Въ простомъ народѣ оставались съ Рускою одеждою и обычаи старинные.

Они также измѣнялись, но весьма мало, и теперь еще являются наблюдателю почти въ первоначальной своей простотѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Общежитіе Донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

РОДИНѢ МОЕЙ.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

Общежитіе Донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Въ отечественную войну 1812 года Донское войско показало свѣту свои чувства: всѣ казаки, и старцы и юноши, взялись за оружіе, подвизались за вѣру и отечество.

При первомъ звукѣ воинской трубы старый Донской воинъ Побѣдинъ, секундъ-маіоръ прошедшаго столѣтія, выслалъ своего послѣдняго сына и внука въ полкъ, въ которомъ старшій его сынъ служилъ есауломъ; когда же образовалось ополченіе, самъ ста-

рикъ, снявъ со стѣны дѣдовскую саблю, пошелъ къ Москвѣ — умереть подъ стѣнами ея или торжествовать побѣду съ братьями.

Между тѣмъ многочисленныя полчища Наполеона, опустошая Россію, приближались къ древней столицѣ. Есаулъ Побѣдинъ, проходя съ отрядомъ, чрезъ деревню Гжи Б., отбилъ шайку мародёровъ, готовившихся расхитить ея имущество. Казаки прогнали непріятеля, но дорого заплатили за сей успѣхъ: есаулъ былъ убитъ; съ нимъ вмѣстѣ пали братъ и сынъ его. Донскіе воины, оплакавъ смерть своего начальника, погребли его въ одной могилѣ съ его родными; Гжа Б. и признательные поселяне оросили слезами смиренный крестъ, воздвигнутый надъ прахомъ храбрыхъ защитниковъ отечества.

Старикъ Побѣдинъ получилъ роковую вѣсть о сей потерѣ подъ Москвою; общія несчастія отечества заглушили въ душѣ его голосъ скорби. Дѣти мои умерли, какъ должно Рускимъ воинамъ, думалъ онъ; грѣшно сокрушаться о нихъ. Святая Русь мать моя; родимый Донъ мое семейство; я еще не сирота. Царь призритъ старость мою, Господь Богъ низпошлетъ утѣшеніе.

Побѣдинъ кончилъ кампанію, былъ два раза во Франціи, и осенью 1815 года возвращался домой, украшенный орденами и ранами. Въ пылу сраженіи, въ торжествѣ побѣдъ, онъ помышлялъ единственно объ отечествѣ и не чувствовалъ грусти; но она отозвалась въ душѣ его въ тишинѣ мира. « Другіе возвращаются на радость въ домы, а я поѣду поплакать на могилѣ.

родныхъ,» сказалъ онъ; взялъ отпускъ, и полетѣлъ на то мѣсто, гдѣ навѣки погребено было его семейственное счастіе.

Надъ прахомъ дѣтей своихъ Побѣдинъ нашелъ памятникъ, воздвигнутый Гжею Б. Не взирая на твердость старика, грусть, потрясшая его душу, раскрыла его раны, и чрезъ нѣсколько дней онъ слегъ въ постелю; искуство медика, при искреннемъ участіи Гжи Б., скоро возвратило его къ жизни, но не къ счастію.

У Гжи Б. уже все было готово къ отъѣзду въ Москву; она убѣдила Побѣдина сопутствовать ей, съ тѣмъ, чтобы оттуда не прежде отправиться на свою родину, какъ по совершенномъ выздоровленіи.

Въ домѣ Гжи Б. въ Москвѣ собиралось отличное общество; всѣ, кто

къ ней ѣздили, принимали истинное участіе въ положеніи Побѣдина. Взирая съ особеннымъ уваженіемъ на защитниковъ отечества, всякій разъ осыпали Побѣдина вопросами о его родинѣ и образѣ жизни его земляковъ, о ихъ обычаяхъ, увеселеніяхъ и проч.

Отвѣты его подавали поводъ къ новымъ вопросамъ. Онъ говорилъ о началѣ казаковъ, о первыхъ ихъ подвигахъ, о частной ихъ жизни: его-то расказы рѣшился я здѣсь представить публикѣ.

Рыцарская жизнь казаковъ.

Казаки въ первобытномъ состояніи вели жизнь полудикую, своевольную, почти кочевую, и безпрестанно искали приключеній или добычи на водахъ и степяхъ Украины. Составленныя изъ пришлецовъ разныхъ земель и областей, сіи разноплеменныя толпы не знали утонченностей общежитія, жили въ шалашахъ, питались плодами, рыбою и дичиною; все наслажденіе полагали въ войнѣ и набѣгахъ.

Только въ XVII столѣтіи гражданская жизнь казаковъ приняла видъ образованности; отсюда я начну свой рас-

казъ. Но и въ это время не найдете разнообразія свѣтской жизни среди жилищъ казачьихъ: тогдашній Донецъ въ занятіяхъ, въ отдыхѣ, въ забавахъ, является всегда воиномъ. Во снѣ и на яву одна мысль занимаетъ его: оружіе, слава и добыча; война его стихія, его радость. Древность наша заключается въ *Рыцарской жизни казаковъ*, въ которой вы не встрѣтите ничего похожаго на нынѣшнее.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣчки Аксая до нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ, между непроходимыми болотами, были разсѣяны небольшія крѣпостцы, единственныя ихъ жилища, извѣстныя тогда подъ имянемъ *городковъ*. Въ сихъ городкахъ, гдѣ едва помѣщалось нѣсколько бѣдныхъ избъ, или землянокъ, казаки, имѣя въ сосѣдствѣ без-

покойныхъ враговъ, проводили всю свою жизнь, точно какъ на бивакахъ; не могли по этому заботиться ни о красотѣ, ни объ удобности домовъ своихъ; старались только имѣть пріютъ и защиту отъ непогоды, полагая, что нарядныя строенія привлекутъ къ нимъ жадныхъ непріятелей. « Пускай, говорили они, пламя набѣговъ сожжетъ городки наши: черезъ « недѣлю заплетемъ новые плетни, « набьемъ ихъ землею, покроемъ избы, « и городокъ готовъ; скорѣе врагъ « устанетъ сожигать наши жилища, « нежели мы возобновлять ихъ. »

Казаки рѣдко живали и въ своихъ городкахъ, а собирались всегда въ нижней части Дона въ *главное войско* (главный городокъ), откуда расходились уже въ походы. Сначала Раздоры, потомъ Монастырскій, и наконецъ

Черкасскій, одинъ послѣ другаго были главными городками. Сіе *главное войско* представляло истинный воинскій станъ, въ которомъ нѣсколько тысячь человѣкъ, всегда вооруженныхъ, жили подъ открытымъ небомъ. Множество различныхъ племенъ составляли это общество. На казакѣ видали смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ: Ногайское *или* Черкесское *сѣдло*; Крымская *или* Турецкая попона; Черкесская епанча; Руская пищаль, оправленная по турецки, и при ней рогъ и вязни; Персидская сабля; на поясѣ булатный ножъ съ черенками рыбьяго зуба; Турецкій сайдакъ (лукъ), ружье, рогатина, составляли богатство и украшеніе тогдашнихъ казаковъ. Каждый день собирались они на площадь судить въ *кругу* своемъ о дѣлахъ общихъ и частныхъ; случалось ли вести

судъ о какомъ либо предложеніи отъ Рускаго Государя, или о другомъ важномъ дѣлѣ, выносили на середину *круга* жалованное Царемъ *знамя*. *Порочныхъ* или *пенныхъ* въ *кругъ* не пускали; имъ прощали вины при трудномъ какомъ либо предпріятіи, подъ условіемъ заслужить дарованную милость храбростію; въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ грамотахъ по городкамъ: « Собирайтесь въ войско всѣ атаманы молодцы, *пенные и непенные;* а вины ихъ имъ отдадутся; ослушники же да лишатся расправы въ войскѣ. » Или « и на томъ (ослушникѣ) наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, и суда ему въ войскѣ не будетъ.». Сіе послѣднее означало лишеніе гражданства.

Строгая осторожность наблюдалась въ *главномъ войскѣ*. Кромѣ того, что

самый городокъ обнесенъ былъ стѣною, двойная, а иногда тройная цѣпь пикетовъ охраняла станъ; учреждались ближніе и дальніе конные разъѣзды; военныя суда, покрывавшія берега Дона и протоки, были прикованы цѣпьми или затоплены; стада и табуны стерегались на островахъ, или между лѣсомъ и болотами, куда почти не было пути. Казаки гордились своею бѣдностію, и однажды, подобно Скиѳамъ, они отвѣчали Крымскому Хану на письмо, въ коемъ онъ угрожалъ притти самъ для опустошенія ихъ жилищъ: «Донскіе казаки угрозъ твоихъ «не боятся: хотя ихъ городки некорыстны, оплетены плетнями и обвѣшены шерномъ, но доставать ихъ «надлежитъ твердыми головами; стадъ «же и табуновъ у насъ мало: напрасно забьешься ты въ такую даль.»

Въ *главномъ войскѣ* рѣшались всѣ распоряженія о войнѣ и набѣгахъ; здѣсь кипѣла вѣчная дѣятельность: одни возвращались изъ похода, другіе отправлялись на поиски. Вотъ получена вѣсть, что Татары хлынули на разореніе Украины: нѣсколько сотъ отважныхъ наѣздниковъ тотчасъ бросаются на перевозы и броды, засѣдаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ, и выждавъ непріятеля, отмщаютъ ему кровію за раны отечества; плѣнники и сокровища враговъ награждаютъ мужество храбрыхъ.

Иногда они вихремъ неслись въ области Тавриды, или въ кочевья Ногайцевъ: сокрытые отъ проницательныхъ взоровъ непріятеля темнотою ночи, или мракомъ суроваго ненастья, они нападали на противниковъ въ расплохъ; пользуясь ихъ смятеніемъ протекали, подобно молніи, улусы мусуль-

манскіе, прежде нежели устрашенный врагъ могъ опомниться, и возвращались въ войско съ табунами Татарскихъ коней и прелестными плѣнницами.

Еще чаще небольшія партіи охотниковъ, отъ 5 до 50 человѣкъ, пускались доставать вѣстей и плѣнныхъ, или къ Азову, или къ Ногайцамъ на Куму, Кубу и далѣе, или наконецъ въ Тавриду. Удальцы рыскали по степямъ, ища *сакмы* (*) непріятельской; слѣ-

---

(*) *Сакма*, Татарское слово, сдѣлавшееся у казаковъ техническимъ, означаетъ лошадиный слѣдъ на травѣ. Казаки были столь опытны въ своихъ наблюденіяхъ, что узнавали по сакмѣ, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда имѣлъ направленіе, когда именно прошелъ, сего дня, вчера, третьяго дня и т. д.

дили враговъ, и настигнувъ брали плѣнныхъ или быстрымъ нападеніемъ, или подкравшись въ темнотѣ ночной къ стану, или воспользовавшись оплошностію отсталыхъ. Когда не было *сакмы*, то наѣздники подбѣгали къ самымъ улусамъ, и тутъ различными военными хитростями забирали добычу. Нерѣдко удавалось имъ отбивать цѣлые табуны, тысячи по двѣ и болѣе лошадей. Вообще въ этихъ поискахъ казакъ *шелъ въ травѣ съ травою равенъ*: высокій ковыль, кустикъ, пень, деревцо, ямка, заборъ, все способствовало къ удачѣ всаднику невидимкѣ. Овраги, горы, рѣки ставились ни во что: воины и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Предъ ними широкая рѣка; въ нѣсколько минутъ у каждаго казака явится понтонъ своего покроя: нѣсколько пуковъ камыша

плотно связанныхъ; на нихъ перевозишъ онъ сѣдло и вьюкъ, а самъ съ конемъ пускается вплавь. Это называлось у казаковъ *переправляться на салахъ*, и было перенято отъ Азіятцевъ.

Гораздо важнѣе были поиски морскіе. Въ малыхъ ладьяхъ, изъ которыхъ каждая едва помѣщала отъ 30 до 80 человѣкъ, казаки безстрашно носились по морямъ Азовскому и Черному до Константинополя и древней Колхиды; брали корабли, каторги, комяги Турецкія; собирали дань съ Колхидцевъ, разоряли селенія, приступали къ городамъ. Соль и оружіе, рыба и серебро, одежда и золото, товары и драгоцѣнныя каменья, все было ихъ добычею. Также какъ по степямъ, часто и на моряхъ удальцы отправлялись малыми партіями искать добычи, или,

какъ они говорили, *зипуны доставать*, отъ чего сами назывались *зипунниками*. Во время бури это морское войско на малыхъ судахъ своихъ претерпѣвало величайшія бѣдствія. Однажды, когда Государь, въ 1646 году, хотѣлъ было отправить на морской казачій поискъ своего дворянина, казаки писали: «Государь! надобно быть тверду « и привычну, чтобы переносить на« ши походы: часто бури такъ разно« сятъ насъ, что не взвѣдаемъ другъ « друга: одни въ глазахъ нашихъ то« нутъ, другіе разбиваются о камни « и скалы; часто по нѣскольку дней « остаемся мы безъ запасу и воды.» Но тѣ, кои спасались отъ разбитія и потопленія, еще съ большимъ трудомъ избѣгали отъ рукъ враговъ своихъ, нарочно послѣ всякой бури разъѣзжавшихъ по морю для нападенія на казаковъ.

Отплытіе на поиски всегда сопровождалось нѣкоторымъ благоговѣйнымъ торжествомъ; возвращеніе праздновалось съ шумною веселостію. Въ первомъ случаѣ весь народъ стекался къ часовнѣ (послѣ къ церкви, когда оныя были построены); вмѣстѣ съ походнымъ войскомъ слушали обѣдню и молебны, молили угодника Николая о покровительствѣ подвизавшихся на брань, и вышедъ на площадь, гдѣ приготовлено было вино и медъ, пили прощальный ковшъ. Потомъ провожали походное войско до судовъ; на берегу еще запивали взаимное прощаніе, и оставались тутъ до тѣхъ поръ, пока веселые ратники, напѣвая дружнымъ хоромъ: «*ты прости, ты прощай*, «*тихій Донъ Ивановичъ*,» терялись изъ виду. Тогда остальные возвращались на площадь, и желая, какъ они

говорили, *погладить дорожку* своимъ походнымъ собратамъ, доканчивали недопитое съ громкими желаніями успѣховъ и побѣдъ отплывшимъ.

Если поиски казаковъ были удачны, тогда день возвращенія ихъ праздновали съ особеннымъ торжествомъ. Проѣхавъ благополучно чрезъ устья Дона, походный атаманъ посылалъ въ *главное войско* легкій стружокъ съ извѣстіемъ о своемъ пріѣздѣ; всѣ, бывшіе тутъ на то время, старый и младый, стекались на берегъ. Побѣдители, одѣтые въ лучшія изъ добычныхъ одеждъ, съ распущенными знаменами, съ пѣснями, при звукахъ литавръ, торжественно проѣзжали мимо стоявшей толпы, привѣтствовали съ судовъ родные берега пушечными и ружейными залпами, и взаимно принимали отъ встрѣчающихъ радостныя

поздравленія. Предки наши, равно какъ и нынѣшніе Донцы, всякій успѣхъ дѣла приписывали волѣ Божіей. Отъ того всегда постоянно сохраняется у насъ обрядъ, что войско, возвращающееся изъ похода, идетъ прямо къ церкви. По этому обычаю, суда всякій разъ останавливались противъ часовни, и не прежде какъ по отпѣтіи благодарныхъ молебновъ, воины выходили на площадь для свиданія съ родными и товарищами. Поздравительные ковши съ виномъ и медомъ быстро переходили изъ рукъ въ руки; ратники хвалились добычею, дѣлали подарки, и усѣвшись въ кружки, за дружескою чарою расказывали жаднымъ слушателямъ о своихъ подвигахъ.

Древніе Донцы хорошо понимали ремесло свое, и принимаясь за дѣло, исполняли его съ воинскою точно-

стію. У нихъ постановлено было правиломъ, чтобы ни одинъ воинъ не смѣлъ брать съ собою въ походъ ни какихъ хмѣльныхъ напитковъ; отправляясь на поискъ, всякій одѣвался въ старую вешошь, и кромѣ сухарей, муки, пшена, сушенаго мяса и рыбы, не смѣлъ брать ни какихъ другихъ припасовъ. Они всегда твердили: « Зачѣмъ подавать непріятелю надежду, « что онъ можетъ отъ насъ чѣмъ нибудь поживиться; пускай достанемся « ему въ плѣнъ: мы больше у него « съѣдимъ, нежели онъ пріобрѣтетъ « отъ насъ. » Даже самое оружіе, съ которымъ казаки выходили на брань, имѣло бѣдную наружность: ни на саблях, ни на ружьяхъ, ни на лукахъ не было ни какихъ украшеній; если кто бралъ новое полированное ружье, то непремѣнно сма-

чивалъ его разсоломъ, чтобъ позаржавѣло: на ясномъ желѣзѣ *играетъ глазъ*, говорили они. Никогда преждевременно не объявляли, куда предназначался походъ, но по большей части рѣшали это въ морѣ или въ полѣ. Въ войсковомъ же *кругу* назначалось просто: пиши на море, пиши въ Ногайскую землю, въ Тавриду и тому подобное. Всякія вѣсти у плѣнныхъ и у своихъ посыльныхъ распрашивали въ *кругу*, особо одни старшины и лучшіе казаки; молодыхъ же казаковъ и новыхъ пришельцевъ никогда къ тому не допускали. Старики придумывали все, что могло помогать успѣху ихъ оружія.

Отправлявшаяся въ походъ флотилія состояла вся изъ судовъ одномачтовыхъ, не болѣе 5 и 8 саженъ длиною, въ 16 или 40 веселъ, съ *рейнымъ* па-

русомъ (*), съ брустверами по бокамъ, связанными изъ камыша, въ сажень и больше толщины, коими прикрывались казаки отъ непріятельской стрѣльбы; нѣсколько небольшихъ пушекъ и фалконетовъ составляли все ихъ вооруженіе. Выждавъ удобный случай, ночью или въ туманную погоду, сія флотилія быстро устремляется на корабли и каторги непріятельскія, настигаетъ ихъ прежде, нежели они успѣютъ приготовиться къ защитѣ, и битва всегда оканчивается абордажемъ и побѣдою. Послѣ того суда пристаютъ къ берегу для нападенія на городъ или селеніе. Вы подумаете, что тамъ уже провѣдали о казакахъ, и при-

(*) Такъ называли паруса, прикрѣпленные къ реямъ судовъ.

готовились къ оборонѣ: нѣтъ, удальцы останавливаются въ мѣстахъ самыхъ скрытыхъ и почти неприступныхъ, и вышедъ изъ судовъ, бѣгутъ опрометью до назначеннаго мѣста, застаютъ непріятеля въ безпечности и побѣждаютъ его. Случается ли, что и на нихъ нападаетъ многочисленнѣйшій врагъ: они спѣшатъ къ устью какой нибудь рѣки или къ морскому берегу, затопляютъ всѣ свои суда и разсыпаются врознь. Прошла опасность, и они снова собираются къ судамъ, выливаютъ изъ нихъ воду, приправляютъ весла и по прежнему пускаются въ море на поиски.

Ужасъ, который распространили казаки своими морскими походами по всему поморью, едва вѣроятенъ: иногда, по одному слуху о ихъ приближеніи, жители бросали домы, разбѣгались по

лѣсамъ, и на нѣсколько сотъ верстъ кругомъ не льзя было встрѣтить человѣка ни въ селеніяхъ, ни въ городахъ. Казаки брали здѣсь все, что было лучше, цѣннѣе и нужнѣе для нихъ.

Наполнивъ суда свои добычнымъ грузомъ и плѣнными, они спѣшили во свояси, и остановясь на Дону въ нѣкоторомъ разстояніи отъ *главнаго войска*, дѣлили между собою поровну добычу, что называлось у нихъ *дуванъ дуванить*. Плѣнники поступали въ *дуванъ* точно также, какъ всѣ другія вещи. Сего непріятельскаго *ясыря* собиралось иногда на Дону тысячь до двухъ и болѣе. Казаки старались забирать преимущественно знатныхъ людей для полученія выкупа. Цѣна окупа доходила до 30 тысячь злотыхъ, а особенно за Турецкихъ пашей. Рядовыхъ воиновъ и простолюдиновъ вымѣни-

вали на Руских невольников, многими сотнями привозимых в Азов, для чего близь *нижних юрт* находился *окупный яр*, или размѣнное мѣсто, гдѣ производился выкуп *ясыря*. Еще болѣе казаки брали в плѣн женщин, коих собиралось иногда на Дону тысячь до трех. Жен знатных мурз также отдавали на окуп, прочих же привѣтливым обхожденіем приохочивали ко всегдашнему у себя жительству и обыкновенно женились на них; иногда жены Донских старшин брали их к себѣ в домы для хозяйства или в собесѣдницы. У казаков существовал обычай, чтобы всѣх тѣх, кои попадутся в плѣн *на самом острову*, т. е., в Монастырском, или Черкасском городках, неминуемо казнить смертію, какого бы званія кто ни был.

Мы имѣемъ много пѣсень *о дуванахъ;* для примѣра, повторю одну изъ нихъ.

ПѢСНЯ.

Какъ со славной со восточной со сторонушки,
Протекала быстрая рѣчушка славный тихій Довъ;
Онъ прорылъ, прокопалъ младецъ горы крутыя,
А по правую-то сторонушку лѣса темные.
На Дону-то все живутъ братцы люди вольные,
Люди вольные живутъ то Донскіе казаки.
Собирались казаки други во единый кругъ,
Они стали межь собою да все *дуванъ* дѣлить:
Какъ на первый ашъ пай они клали пять сотъ рублей,
На другой-то пай они клали всю тысячу,
А на третій становили красную дѣвицу;
Какъ растужится, какъ расплачется добрый молодецъ:
Голова ль ты моя головушка несчастливая,
Ко бою-то, ко батальицѣ ты найпервая,
На паю-то, на дуванѣ ты послѣдняя.
Какъ возговоритъ красна дѣвица добру молодцу:
Ахъ! не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодецъ,
Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей,
А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу;
А третій-то коверъ я сотку, что и смѣть мѣтъ.

Донцы любили въ старину славить дѣла свои въ народныхъ пѣсняхъ. На всякое замѣчательное происшествіе, даже на каждый важный подвигъ своего собрата, они тотчасъ сочиняли новыя пѣсни, которыя всѣ имѣютъ свой собственный характеръ.

Изъ приведенной мною вы видите, что красавица заставила молодца кручиниться, и нечему дивиться: Донцы во время рыцарской своей жизни, посвятивъ ее единственно войнѣ и набѣгамъ, опасались знакомить сердце съ прелестію любви. Юноша, побѣжденный нѣжною страстію (рѣдкій примѣръ), былъ чуждъ ихъ общества и преслѣдуемъ даже въ самомъ кругу своихъ товарищей обидными упреками. Сія общая черта въ народномъ духѣ препятствовала прелестному полу имѣть вліяніе на общежитіе

нашихъ предковъ; въ то время женщины были ограничены кругомъ своей семьи и немногими знакомствами съ сосѣдками.

Но казаки, а особливо *Низовые*, всегда были разборчивы въ красотѣ, выбирая себѣ женъ изъ прелестнѣйшихъ плѣнницъ: Черкешенокъ, Турчанокъ и Татарокъ. Обидное чувство ревности было имъ незнакомо. Нѣкоторые вѣнчались по уставу церкви, другіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Сей послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщій у казаковъ, и даже тѣ, кои сочетались по правиламъ церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить. Совершался онъ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ со-

браніе народа (въ кругъ) на площадь, или въ *становую избу*. Помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ: «*ты будь мнѣ жена.*» Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала, также называя по имени: «*а ты будь* «*мнѣ мужъ.*» Послѣ сихъ словъ вступившіе въ бракъ цѣловали другъ друга, и принимали отъ всего собранія поздравленія. Этимъ оканчивался весь обрядъ, и утвержденное такимъ образомъ супружество почиталось законнымъ. Въ самомъ этомъ обрядѣ вы видите, какое преимущество имѣлъ мужъ предъ женою: дѣйствительно власть его была почти неограниченна.

Сколь легко было, по обычаямъ казаковъ, заключать супружество, столько же легко и разорвать оное: мужъ могъ сдѣлать это во всякое время, даже

подъ тѣмъ предлогомъ, что жена ему *не нравилась.* Для разводовъ существовалъ особенный обрядъ, который всѣми постоянно былъ наблюдаемъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ: « *Атаманы молодцы! она* « *была мнѣ услужливая и вѣрная су-* « *пруга; теперь она мнѣ не жена, а* « *я ей не мужъ.* » *Отказанную* жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего платья, и точно съ тѣмъ же объявленіемъ предъ всѣмъ народомъ: « *ты будь мнѣ жена* и проч. » Прикрытіе полою казаки почитали весьма важнымъ символомъ: оно значило снять съ отказанной жены безчестіе развода. Впрочемъ, встарину большая часть казаковъ оставались холостыми, такъ, что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Но семеиственная

жизнь имъ нравилась до такой степени, что дѣтей у женатаго нянчили всѣ его станичники, и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ наперерывъ смотрѣли его съ восторгомъ.

Не подумайте, чтобы эти странности брачныхъ обрядовъ происходили отъ неуваженія религіи; нѣтъ, казаки всегда были набожны. Они имѣли два собственные монастыря: одинъ Никольскій ниже Воронежа, въ Борщевѣ, другой Рожественскій Черніевъ въ Шацкѣ. Многіе казаки, потерявшіе силу воевать, по обѣщанію посвящались здѣсь въ монахи, или просто оставались для того, чтобы въ богомольѣ провести остатокъ жизни. Здѣсь, точно какъ въ инвалидномъ домѣ, или богадѣльнѣ, всякій дряхлый, увѣчный, раненый казакъ могъ прію-

тишься, и находилъ покой и содержаніе. Донцы ничего не жалѣли къ обогащенію своихъ монастырей: случалось ли получать знатную добычу на войнѣ, они почитали святымъ долгомъ жертвовать частію оной святынѣ; отнимали ли отъ непріятеля испорченныя пушки, тотчасъ отсылали ихъ въ монастыри на колокола; серебро, золото, жемчугъ, каменья, блистая въ ризницахъ и церквахъ, свидѣтельствовали объ усердной вѣрѣ нашихъ прадѣдовъ. Въ сихъ же монастыряхъ сохранялись и частные пожитки многихъ казаковъ, особенно дорогія вещи, которыхъ они не оставляли въ своихъ городкахъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ непріятельскихъ.

Казаки въ то время почти со всѣхъ сторонъ были окружены непріятелями; но Азовцы, ближайшіе ихъ сосѣди

и самые неугомонные враги, были имъ всѣхъ несноснѣе. Раздѣленные 50 верстами пустаго пространства, они по нѣскольку разъ въ году заключали между собою миръ и столько же разъ оный разрывали. Мирное время считали днями, а войну мѣсяцами. Нерѣдко случалось, что перемиріе прерывалось въ тотъ самый день, когда было заключено: обѣ стороны старались пользоваться малѣйшимъ на то поводомъ; даже частная ссора, или драка одного казака съ жителями Азова могла возродить войну. Особенно казаки личное оскорбленіе товарищей своихъ принимали безчестіемъ цѣлому народу. Войну почитали забавою: «Дѣ-«ло наше казачье не великое, гово-«рили они, случится которому ка-«заку поѣхать Дономъ на низъ за сѣ-«номъ, или за дровами, и Азовцы

« успѣютъ его схватить: намъ ли про-
« стить это? мы поймаемъ у нихъ
« двухъ, трехъ, и война возгорится;
« послѣ сошлемся, помиримся, и плѣн-
« ныхъ на обѣ стороны возвратимъ.»
Донцы негодовали на Азовцевъ за то,
что они не умѣли держать ни своего
слова, ни мирныхъ договоровъ, и во-
преки постановленіямъ всегда ихъ за-
дирали: « Какъ же намъ не стоять
« за себя? доколѣ въ силахъ держать
« саблю, живые не дадимся въ руки.»
Еще болѣе мстили они Азовцамъ за
ихъ насмѣшки и говорили въ оправданіе
свое: « не дозволимъ никому оскорб-
« лять себя; сіи невѣрные вздумали
« ругаться надъ нами: поймавъ на
« промыслахъ казаковъ, остригаютъ
« у нихъ бороды и усы.» Казаки по-
читали безчестьемъ просить у нихъ
мира, и установили правило никогда

даже не начинать первыхъ переговоровъ о перемиріи, говоря: « мы даемъ миръ, а просить его намъ непригоже. »

Впрочемъ, они долгое время не могли жить въ покоѣ и потому, что въ войнѣ заключался источникъ ихъ довольства и богатства; иногда только, по настояніямъ Рускихъ Государей, и то весьма рѣдко, они сносили мѣсяцъ, или болѣе, наглости Азовцевъ, не разрывая съ ними мира; но считали это важнымъ пожертвованіемъ, и всегда старались поставить на видъ Государю: что для него *терпятъ* миръ съ Азовцами, для него прекратили морскіе походы, *что онъ взялъ за себя всю волю ихъ* на водѣ и на сушѣ; *а у нихъ то и лучшій зипунъ былъ, чтобъ по вся дни подъ Азовъ и на море ходить*, и что содержа долго-

временный миръ, они останутся босы и голодны.

Всякій мирный договоръ казаковъ съ Азовцами былъ сопровождаемъ извѣстными обрядами и утверждался обоюдною клятвою. Дѣло обыкновенно начиналось тѣмъ, что изъ Азова пріѣзжали въ *главное войско* мировщики склонять казаковъ къ прекращенію войны, и когда ласками и угощеніемъ успѣвали въ своемъ намѣреніи, то на вторичномъ съѣздѣ довѣренные обѣихъ сторонъ поставляли условія договора, который вслѣдъ за тѣмъ утверждался со стороны казаковъ присягою *лучшихъ атамановъ*, а со стороны Азовцевъ *шертованіемъ* князя и старѣйшинъ города. Тогда войско размѣнивало аманатовъ, угощало у себя мировщиковъ и довѣренныхъ, и одаривъ ихъ запасомъ, виномъ и ме-

домъ, отпускало обратно. Существовалъ постоянный обычай, утвержденный *указомъ Турецкаго* султана, что Азовъ каждый разъ, при заключеніи мира, обязанъ былъ давать *на войско* извѣстное число котловъ, соли, сѣтей и тысячу злотыхъ.

Въ мирныя условія обыкновенно было включаемо, чтобы казакамъ *трезъ замирныя мѣста* не ходить на море, а Азовцамъ на Рускую украйну и казачьи городки. Иногда еще *выговаривали* Азовцы, чтобы казаки извѣщали ихъ о томъ, что будетъ писано въ грамотахъ Рускаго Царя на Донъ, обязываясь взаимно увѣдомлять *войско* о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Порты и Тавриды. Но казаки никогда не объявляли ни слова о содержаніи своихъ грамотъ, хотя изъ Азова

получали подробныя извѣстія. За это обыкновенно возобновлялись ссоры и война, а наконецъ подобныя статьи вовсе перестали вносить въ договоры. При разрывѣ мира, та сторона, которая начинала войну, посылала другой *размирную*. Не послать же оной былъ поступокъ безчестный; но Азовцы часто это дѣлали, и въ такихъ случаяхъ казаки уже поступали съ ними безъ пощады.

Хотите ли узнать, какъ писывались эти *размирныя?* я одну изъ нихъ помню: « Отъ Донскаго атамана и « всего войска Азовскому Сулейманъ « нашѣ проздравленіе. Для дѣлъ великаго « нашего Государя мы были съ вами въ « миру; нынѣ все войско приговорили « съ вами миръ нарушить; вы бойтеся « насъ, а мы васъ станемъ остере-

« гаться. А се письмо и печать войсковыя ».

Зная характеръ Азовцевъ, казаки не дорожили ихъ дружбою; ибо и во время мира должны были соблюдать точно тѣже осторожности, какъ и во время войны. Миръ и размирье для нихъ было одно и то же, даже послѣднее предпочитали, потому что не нарушая правилъ чести, могли свободно *залегать* по перелазкамъ и воевать на морѣ. Однако же въ мирное время оба народа соблюдали наружные признаки дружбы, торговали другъ съ другомъ, ѣзжали въ гости и проч. — но дружба эта и союзъ никогда не возрастали до такой степени, чтобы вмѣстѣ ходить на поиски или на войну; казаки почитали это безчестіемъ, и когда одинъ разъ Царь настоятельно того требовалъ (1630),

они отвѣтствовали: « Ради умереть « за тебя, Государь; но не хотимъ « служить съ бусурманами: какой « союзъ можемъ имѣть съ людьми, ко- « торыхъ презираемъ, и которые видятъ « въ насъ прямыхъ враговъ своихъ? »

Казаки вели себя такимъ образомъ съ Азовцами не потому, что находили ихъ слабыми или трусами; напротивъ, сіи противники были дерзки, мужественны, неутомимы и всегда подкрѣпляемы толпами Крымцевъ, Ногайцевъ, Черкесъ, которые почти постоянно у нихъ проживали и ходили вмѣстѣ воевать на украйну. Въ Азовѣ бывали наѣздники удивительной храбрости; объ одномъ изъ нихъ *лежала* въ окрестныхъ странахъ пословица: « легче взять городъ, не- « жели одолѣть Резепу (имя его). »

Резепа, бывъ 80 лѣтъ, еще приводилъ въ стыдъ всѣхъ юношей своею бодростію и проворствомъ. Казаки на одномъ бою взяли его въ плѣнъ; но, уваживъ чудесную его славу, выдали на окупъ за 8 тысячь кумачей.

Кажется, Донцы всегда умѣли перехищрять Азовцевъ. Кто подумаетъ, напримѣръ, чтобы они могли найти доброжелателей въ самомъ Азовѣ, которые бывъ подкуплены деньгами, или ласками, сообщали имъ всѣ вѣсти о предпріятіяхъ и намѣреніяхъ своихъ соотечественниковъ? Людей сихъ въ *войскѣ* никогда не безчестили укоризнительнымъ наименованіемъ шпіоновъ, или перемѣтчиковъ; но принимали какъ *добрыхъ своихъ пріятелей* и обыкновенно называли: *наши прикормленные люди.* Притомъ же, имѣя всегда непріятельскихъ плѣнныхъ, казаки знали

все, что замышляли Турки, Крымцы, Азовцы и Ногайцы, однимъ словомъ *войско* представляло тогда живую газету всѣхъ новостей о южныхъ сосѣдахъ Россіи, и сюда присылали за вѣстьми изъ украинныхъ городовъ, изъ Астрахани и Царицына; сами казаки съ своей стороны посылали по нѣскольку разъ въ годъ *вѣстовыя станицы* въ Москву. Особенно они знали все, что дѣлалось и думалось въ Азовѣ; это родило у насъ народную пословицу, которую и теперь услышите даже отъ дитяти въ такомъ случаѣ, если кто расказываетъ небылицу съ намѣреніемъ обмануть, или дѣло давно извѣстное за новость: «*разсказывай Донскому казаку Азовскія вѣсти!*»

Ногайцы, а въ послѣдствіи времени Калмыки, столько же были непостоянны въ исполненіи мирныхъ до-

говоровъ. Не смотря на то, казаки иногда давали симъ народамъ позволеніе кочевать вдоль по Дону, почти въ виду своихъ городковъ. Ихъ не останавливало предательство враговъ; казалось они произвольно подвергали себя очевиднымъ опасностямъ, какъ бы страшась упасть духомъ въ бездѣйствіи. Часто сіе вѣроломные Азіятцы въ то самое время, какъ заключали договоръ съ *войскомъ*, тайно условливались съ Азовцами о совокупномъ нападеніи на казаковъ. За подобное коварство казаки уже мстили варварски: въ глазахъ мурзъ и тайшей они терзали плѣнныхъ, привязавъ ихъ къ хвостамъ лошадей.

Для стадъ своихъ и табуновъ, Донцы готовили на зиму сѣно, которое всегда оставалось въ лугахъ; ибо въ городкѣ было тѣсно и опасно отъ

огня. Дабы оно уцѣлѣло при набѣгахъ непріятельскихъ, казаки со всѣми сосѣдами своими установили правило, чтобы сѣна ни въ какомъ случаѣ не жечь: разоряй и сожигай городки, бей людей, дѣлай всѣ варварства, но сѣна не трогай.

Вы видите, что у древнихъ Донцевъ война была забавою, любимымъ упражненіемъ. Самые разбои ихъ по Волгѣ, столько всѣми порицаемые, иногда носили отпечатокъ особенной характерности; такъ напримѣръ: однажды (1660 года) шайка подобныхъ бродягъ, прибывъ на одинъ Астраханскій учугъ, и нашедъ его пустымъ, писала къ владѣльцу онаго: « Были мы атаманы « молодцы на твоемъ учугѣ и не на« шли въ немъ ничего; приказываемъ: « вышли туда 50 ведеръ вина, 10 пудъ « патоки, 50 мѣшковъ пшеничной муки,

« да земли и опоки что серебро льютъ.
« Если ослушаешься, атаманы молод-
« цы выжгутъ твои учуги; а буде,
« сверхъ чаянія, станешь жаловаться
« воеводѣ, тогда не пеняй на насъ. »

Древнихъ Донцовъ всѣ упрекаютъ страстію къ корысти; но я разскажу случаи, которые сему противурѣчатъ. Однажды Султанъ, доведенный до крайности казачьими набѣгами, придумалъ было купить дружбу *войска* дачею ежегоднаго жалованья; но посолъ его Кантакузинъ, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, не могъ въ томъ успѣть. Это случилось въ 1627 году. Кантакузинъ и на Дону, и на пути къ Москвѣ, и въ самой Москвѣ всячески ласкалъ казаковъ, поилъ виномъ и медомъ, даже нарочно дѣлалъ для нихъ въ Москвѣ пышное угощеніе; но они смѣялись всѣмъ его затѣямъ, и прежде нежели проводили

его отъ себя, учинили новый набѣгъ на Турецкія области. Послѣ того Порта, дабы склонить казаковъ къ миролюбію, однажды прислала съ тѣмъ же посломъ въ подарокъ войску четыре *золотые* кафтана. Казаки, отвергнувъ даръ сей, отвѣтствовали, что «у «Донскаго войска и однимъ Государевымъ жалованьемъ всего много, а «султанскіе подарки имъ ненадобны.» Потомъ, хотя и приняли кафтаны по настоятельному убѣжденію Кантакузина, но такъ мало ихъ цѣнили, что черезъ нѣсколько дней пошли на приступъ къ Азову и самого его посла казнили.

Турки употребляли не однѣ деньги для удержанія казаковъ отъ морскихъ походовъ. На двухъ протокахъ (Каланчѣ и Мертвомъ Донцѣ), которыми можно было проходить въ море, они

поставили крѣпостцы съ башнями, наполнили оныя гарнизономъ, а черезъ рѣку перетянули цѣпи. Казаки, въ насмѣшку, пускали ночью внизъ по рѣкѣ бревна, кои ударяя въ цѣпи, содержали въ безпрестанной тревогѣ Турецкій гарнизонъ, и не рѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнями; тогда Донцы, пользуясь симъ временемъ, переплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море. Они и въ большихъ ладьяхъ, вопреки всѣмъ осторожностямъ Турокъ, производили свои любимые поиски, потому что ладьи сіи были весьма легки, и казаки перетаскивали оныя сухимъ путемъ съ одной рѣки на другую. Такимъ образомъ, или прямо съ Дона, или поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои струги на Міусъ и сею рѣчкою выходили

въ море. Возвратившись къ ней послѣ похода они затопляли ладьи, что бы при новомъ поискѣ опять ими воспользоваться. Наконецъ, наскучивъ сими усиліями, они сами между Каланчею и Мертвымъ Донцемъ прорыли свой *казачій ерикъ* (каналъ), которымъ уже свободно проходили въ море.

Казаки наводили такой ужасъ на Турокъ и Крымцевъ, что когда однажды Азовцамъ удалось плѣнить нашего атамана Павла Федорова, то они голову его немедленно отправили къ Крымскому Хану, а Ханъ поспѣшилъ представить оную въ Царьградъ Султану, какъ лучшій трофей своего оружія.

Я столько насказалъ вамъ о войнѣ и набѣгахъ моихъ земляковъ, что вы спросите: что спасало самихъ казаковъ отъ взаимныхъ набѣговъ непрія-

тельскихъ? Вопервыхъ, безпрестанная осторожность. Я уже упомянулъ выше, что старинные городки наши всегда были окружены пикетами и разъѣздами и что казаки весьма вѣрно знали намѣренія своихъ враговъ. Такимъ образомъ, коль скоро доходила къ нимъ вѣсть, что непріятель хочетъ напасть на ихъ жилища, немедленно отправлялись *посыльные* по всѣмъ городкамъ съ грамотами, чтобы Донцы собирались въ *главное войско*; оставшіеся съ женами и дѣтьми, сходились городковъ изъ 5 или 6 въ одно мѣсто и укрѣплялись для защиты. Имущества тогда укрывали въ займищѣ (*), гдѣ на таковые случаи были сдѣланы ямы на подобіе

(*) Займищемъ у казаковъ называется лугъ, прилегающій къ рѣкѣ, который понимается

погребовъ. Вѣстовая пушка подавала знакъ къ тревогѣ; при ея выстрѣлѣ, всякій съ оружіемъ въ рукахъ бѣжалъ на площадь. Въ послѣдствіи, вмѣсто пушки, казаки завели вѣстовый колоколъ, разсчитывая, что палить изъ пушки убыточно.

Вовторыхъ, казаки тщательно старались скрывать отъ непріятелей *настоящее свое положеніе и географію* своей страны. Для того Крымскихъ посланниковъ и всякихъ плѣнныхъ, коихъ должно было доставлять въ Москву или обратно, они не иначе провозили Дономъ, какъ подъ палубою своихъ струговъ, или закрывъ ихъ на судахъ инымъ способомъ, дабы, какъ

весенними разливами воды; на немъ обыкновенно растетъ камышъ, осока и болотный лѣсъ; бываютъ также сѣнокосы.

говорили казаки, *не знали они дороги по Дону и не высматривали какъ стоятъ наши городки.* Турки съ удивленіемъ говорили: « всякій годъ на морѣ по-« бываютъ казаковъ много, но число « ихъ не уменьшается, а напротивъ, « сколько бы въ одинъ годъ ихъ не по-« били, на слѣдующій прибудетъ еще « болѣе. »

Въ то время всѣ казаки: Волжскіе, Терекскіе и Яикскіе, составляли какой-то союзъ съ Донскими, и коль скоро послѣднимъ угрожала опасность, или предстоялъ важный походъ, они давали вѣсть на Волгу, Терекъ и Уралъ, и охотники стекались толпами на Донъ.

Общее мнѣніе сильно дѣйствовало на поддержаніе мужества и геройскаго духа въ народѣ. Храбрѣйшіе пользовались уваженіемъ всѣхъ собратій,

и въ ознаменованіе онаго наряжались въ *легкія и зимовыя станицы* въ Москву, что почиталось тогда важною наградою. Станицами назывались посольства отъ Донскихъ воиновъ къ Россійскому Самодержцу, отправлявшіяся не менѣе 5 разъ въ годъ, съ извѣстіемъ ли, или съ представленіемъ нуждъ народныхъ, или для принятія жалованья. Въ Москвѣ пословъ Донскихъ принимали съ особенными почестями и обрядами: дьякъ, или бояринъ, держа скрытно въ рукѣ листокъ съ описаніемъ предстоящаго церемоніяла, выступалъ впередъ и докладывалъ: « *Вамъ, великому Государю, Вашему Царскому Величеству Донскіе казаки, станичный атаманъ такой-то съ товарищи челомъ ударили.* » За симъ, обратясь къ казакамъ, продолжалъ: « *Великій Государь, Его*

Царское Величество, жалуетъ тебя атамана съ товарищи къ своей Государской рукѣ.» По совершеніи сего обряда Царь приказывалъ привѣтствовать отъ себя *войско* и представляющій возглашалъ: «*Великій Государь, Его Царское Величество жалуетъ атамановъ и казаковъ такого-то* (имя войсковаго атамана) *и все великое войско Донское, велѣлъ спросить о здоровьѣ и службу вашу милостиво похваляетъ.*» Послѣ представленія вся станица приглашалась къ Царскому столу во дворецъ, гдѣ была угощаема съ *удовольствомъ и подчивана романеею.* Тутъ подносили атаману, есаулу и каждому казаку порознь подарки: деньги, камку, тафту, сукно, соболи и серебряный ковшъ атаману. Всей станицѣ выдавались на столъ ежедневно деньги, вино, медъ и пиво.

Для ѣзды въ Москвѣ отпускались атаману изъ Государевой конюшни лошади и экипажъ. На отпускѣ всѣ казаки тѣмъ же порядкомъ представлялись Государю, угощались Царскимъ столомъ и получали новые подарки. Такимъ образомъ каждая станица обласканная, щедро одаренная и удостоенная чести *узрѣть свѣтлые Царскія очи*, радостно возвращалась на Донъ и всякій разъ приносила всему войску Царское жалованное слово и похвалу.

Разсказы объ однихъ военныхъ подвигахъ утомятъ ваше вниманіе; перейду къ мирной жизни казаковъ; она была въ то время весьма однообразна.

Въ главномъ войскѣ или въ городкахъ, казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площадь, или къ *становой избѣ*. Здѣсь, сидя въ кружку,

они вязали сѣти, шенеша, дѣлали разсохи, слушали во время работы разсказы одного изъ своихъ собратій о молодецкихъ его походахъ и воспламеняясь славными подвигами товарищей, пѣли объ нихъ богатырскія пѣсни, начиная каждую напѣвомъ: « *Да вздунай най дунана вздунай дунай.* » Жили они истинно по братски; всякій открывалъ чистосердечно что намѣренъ дѣлать завтра, послѣ завтра и т. д. Набьетъ ли кто дичины, наловитъ ли рыбы, отвѣдывали ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищества казаковъ раздѣлялись по *сумамъ*, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по *казанамъ* (*), или, какъ нынѣ

(*) *Казанъ*, то же, что котелъ, слово Татарское.

у насъ въ походахъ, по *кашамъ* (артелямъ). Человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей, имѣли общую суму, въ которой хранили свой запасъ и все добычное; потому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга: *односумъ*. Въ *становой избѣ*, или на *майданѣ* (*) старики играли въ шахматы или въ зерны; молодые же на площади близь *майдана*, въ *кости* или бабки. Сія послѣдняя игра была общая и любимая у казаковъ, и посредствомъ оной, они пріобрѣтали такую мѣткость, что пуская изъ рукъ каменья, убивали птицъ и зайцевъ.

Природа надѣлила землю ихъ изобиліемъ; богатый Донъ, (казаки гово-

---

(*) *Майданъ*, Татарское слово означаетъ площадь. Нынѣ на Дону называются такъ станичныя избы.

рили, что у него *золотое дно*), лѣса, степи, были для нихъ естественными хранилищами жизненныхъ потребностей: въ первомъ рыба, въ послѣднихъ звѣри, птицы, плоды, водились и росли въ такомъ множествѣ, что изобиліе оныхъ вошло въ пословицу. Наши предки говаривали: « кормитъ « насъ молодцовъ Богъ: подобно пти- « цамъ, мы не сѣемъ и не собираемъ « хлѣба въ житницы, но всегда сыты. » Въ старину казаки не знали хлѣбопашества, къ которому не прежде начали привыкать, какъ въ исходѣ XVII столѣтія.

Любимыми ихъ занятіями были охота, которую они называли *гульбой*, и рыбная ловля. *Гулебщики* ѣзжали иногда большими отрядами, человѣкъ по сту, на Задонскихъ степяхъ и даже по Кумѣ для ловли звѣрей; мѣсяца по два и

болѣе, а иногда всю зиму занимались они охотою, и къ веснѣ только приходили на Донъ для поисковъ. На рѣку Медвѣдицу, гдѣ бывали лучшіе звѣриные промыслы, часто пріѣзжали по 10 и болѣе *кошей* (*) *гулебщиковъ* изъ нижнихъ юртъ и обыкновенно проводили здѣсь зиму. Другіе, *камышники*, съ капканами и тенетами живали по камышамъ близь своихъ городковъ.

Сія привольная и братская жизнь сильно привязывала казаковъ къ родинѣ; они славили свой *тихій Донъ* называя его: *кормилецъ родимый*. Въ плѣну и на одрѣ смертномъ, казакъ прощаясь мысленно со всѣмъ, что имѣлъ драгоцѣннаго въ жизни, всегда обращался къ Дону: « Прости тихій

(*) *Кошъ*, означаетъ тоже, что станъ; въ переносномъ смыслѣ онъ значитъ *ватага*.

« Донъ Ивановичь! мнѣ по тебѣ не « ѣздити, дикаго звѣря не стрѣливать, « вкусной рыбы не лавливать. » Во всѣхъ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, даже въ самыхъ офиціяльныхъ бумагахъ, вы найдете отпечатокъ сей страстной народной любви; напримѣръ, войсковой атаманъ письма свои къ постороннимъ особамъ обыкновенно начиналъ такъ: « Князь такой-то, « здравствуй на многія лѣта, и буди « покровенъ десницею Вышняго; а я, « *при милости Донскаго войска*, въ « Черкаскомъ городкѣ, на Дону, по « волѣ Божіей, живъ. »

Въ нижнихъ юртахъ всегда было большое стеченіе народа; здѣсь царствовало веселіе. Кромѣ казаковъ, обыкновенно собиравшихся въ *главное войско*, можно было найти тутъ множество постороннихъ во всякое вре-

ня, а особенно весною и лѣтомъ. Торговые люди изъ украинныхъ городовъ, покрывавшіе рѣку своими судами; съ царскимъ жалованьемъ прибывшіи воевода съ провожатыми, коихъ всегда бывало отъ 50 до 100 человѣкъ; послы въ Турцію или изъ Турціи и многочисленная ихъ свита, обязанные всякій разъ непремѣнно останавливаться въ *главномъ войскѣ*, чтобы учредить дальнѣйшій путь; высылаемые къ нимъ изъ Москвы на встрѣчу или для провѣдыванія чиновники, раза по три въ годъ, также съ провожатыми; Астраханскіе и другихъ украинныхъ городовъ посыльщики для узнанія на Дону вѣстей; Запорожцы, страстные къ веселію, кои большими отрядами всегда проживали на Дону, пріѣзжая вмѣстѣ съ казаками съ морскихъ походовъ, разнообразили кар-

шину военнаго стана, которую представляло *главное войско.* Все это собраніе не рѣдко стекалось въ одно время и оставалось въ главномъ войскѣ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Сверхъ того, въ мирное время Азовцы, Ногайцы, а послѣ и Калмыки, безпрерывно живали въ Черкаскѣ, пріѣзжая на Донъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погулять съ своими знакомцами. Калмыцкіе посланники ежегодно приходили въ Черкаскъ, и для угощенія ихъ казаки не жалѣли ни вина, ни меду, имѣя на то отъ Государя въ числѣ своего жалованья особую дачу. Калмыкамъ столько нравилась жизнь казачья, что они охотно поступали въ ихъ общество и заключали съ нашими предками *союзы и договоры о вѣчномъ совмѣстномъ житіи и служеніи.*

Старые Донцы въ свободное время любили повеселиться въ дружескихъ бесѣдахъ. Иногда въ присутствіи Рускихъ дворянъ, своихъ пріятелей, чтобъ блеснуть, являлся одинъ старикъ въ лазоревомъ атласномъ кафтанѣ съ частыми серебряными нашивками и съ жемчужнымъ ожерельемъ; другой въ камчатномъ или бархатномъ полукафтанѣ безъ рукавовъ, и въ темногвоздичномъ зипунѣ, опушенномъ голубою камкою съ шелковою гвоздичнаго цвѣта нашивкою; третій, въ камчатномъ кафтанѣ съ золотыми Турецкими пуговками, съ серебряными позлащенными застежками и въ лазоревомъ *настрафильномъ* зипунѣ. У всѣхъ шелковые Турецкіе кушаки, и на нихъ булатные ножи съ черенками рыбьяго зуба, въ черныхъ ножнахъ, оправленныхъ серебромъ; красные или желтые

сафьянные сапоги и куньи шапка съ бархатнымъ верхомъ. Другіе одѣвались въ богатыя Турецкія, Черкескія или Калмыцкія одежды. Разстилали узорчатый коверъ, и клали подушки, шитыя золотомъ и серебромъ по червчатому атласу. Становили серебряныя чаши съ виномъ и медомъ, изъ коихъ черпали серебряными чарками и ковшами. Въ кругу своихъ товарищей, наши прадѣды любили наряжаться въ тафтяныя рубашки, или въ бархатные и камчатные кафтаны. Но если при постороннихъ хотѣли повеличаться, то показывали пренебреженіе къ своему богатому наряду, и въ бархатѣ или въ атласѣ также спокойно садились посреди грязной улицы, какъ на мягкомъ коврѣ. Можетъ быть отъ сего родилась молва, что казаки на Дону забогатѣли и въ кругу

своихъ семействъ, съ женами и дѣтьми, наслаждались довольствомъ и избыткомъ. Накормить и напоить пріѣзжаго почиталось обязанностію; кромѣ вина и меду, другихъ напитковъ не имѣли, и особенно уважали первое такъ, что всякое угощеніе почитали за ничто, если при ономъ не подчивали ихъ виномъ. Отъ того изстари ведется у насъ, что если казакъ хочетъ изъяснить, что совершенно доволенъ кѣмъ либо, то всегда говоритъ: «я у него былъ и вино пилъ.» Были и между ними *бражники* и *пропойцы*, кои все что доставали на войнѣ, проигрывали въ зерны, или пропивали.

Казаки радовались, когда торговые люди изъ украинныхъ городовъ: Воронежа, Бѣлгорода, Валуекъ, Ливенъ, Ельца, Оскола и другихъ, покрывали

Донъ своими судами и привозили къ нимъ хлѣбъ, вино, медъ, огнестрѣльные снаряды. Въ то время кипѣла въ Черкаскѣ торговая дѣятельность; избытки казачей добычи: лошади, скотъ, Персидскіе и Турецкіе товары, шли въ мѣну. Часто Рускіе, продавъ здѣсь товары, хаживали съ казаками въ походы, и потомъ, полюбивъ или получивъ навыкъ къ казачьему ремеслу, оставались жить на Дону.

Таковыя связи, и особенно непосредственное сообщеніе съ Москвою, годъ отъ году совершенствовали наше общеніе; но болѣе примѣтная перемѣна въ ономъ произошла послѣ покоренія Азова. Въ семъ торговомъ городѣ были порядочныя строенія; казаки тотчасъ подѣлили ихъ между собою, и проживъ тутъ болѣе 5 лѣтъ, безъ сомнѣнія узнали преимущество

домовъ, выстроенныхъ по правиламъ архитектуры, предъ своими землянками; они весьма рачительно заботились объ исправленіи оныхъ, а еще болѣе объ изобиліи всѣхъ жизненныхъ потребностей въ новомъ своемъ пріобрѣтеніи, и даже объ учрежденіи запасовъ на будущее время. Были довольны собою и обстоятельствами, проводили время весело, собираясь всегда на *майданъ*, гдѣ всѣмъ обществомъ распивали Государево вино; бѣднымъ товарищамъ своимъ и Рускимъ плѣннымъ давали общественный запасъ; ласкою и кротостію хотѣли возстановить прежнюю торговлю города, поощряя всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ чужихъ городовъ и земель. Здѣсь Персіянинъ и Калмыкъ, Турокъ и Грекъ, Черкесъ и Запорожецъ, Ногаецъ и Рускій, толпились на ули-

цахъ и площадяхъ, всегда дружественные съ казаками и ласково ими принятые; многіе даже постоянно жили въ Азовѣ. Купеческіе корабли изъ Кафы, Керчи, Тамани, безбоязненно входили въ заливъ морской и доставляли изобиліе городу. Въ одномъ углу расположены были шелкъ и бумажные товары; въ другомъ юфта и сафьянъ; въ третьемъ арака, ягоды, овощи; въ иномъ лукъ, чеснокъ, соль. Въ это время болѣе всего развилась у казаковъ гражданская жизнь; они чувствовали и достоинство, и славу свою; гордились своимъ именемъ, называя себя *казачество Донское вольное безстрашное*; хвалились, что взяли Азовъ своимъ *дородствомъ и разумомъ* и не отдадутъ его врагамъ пока живы; что ихъ казачьему житью завидуютъ всѣ земли, и имя ихъ пребудетъ вѣч-

нымъ; а въ грамотахъ по своимъ городкамъ писывали: « Станемъ смѣлымъ « сердцемъ за честь; поддержимъ свою « атаманскую и молодецкую славу; « донынѣ еще никто даромъ зипу- « новъ съ насъ не снималъ. »

Турки и Крымцы ихъ боялись; Султанъ опасался, что не уцѣлѣть ему въ Царьградѣ, а дворъ его откровенно сознавался, что казачій Азовъ сдѣлался для нихъ *пуще и тошнѣе Багдада.* Усиливаясь годъ отъ году, казаки брали укрѣпленные города: Керчь, Кефу, Синопъ, Трапезондъ, Ризу, Перекопъ, Карасу, и наконецъ уже методически вели войну съ Турціею и Тавридою.

Съ этого времени лучшіе атаманы Донскіе, пріохоченные ласковымъ пріемомъ Московскаго двора и почестями, часто живали въ Москвѣ, и при-

смотрѣвшись къ жизни бояръ Рускихъ, не стали чуждаться пышности, и непримѣтно удаляясь отъ старинныхъ привычекъ, исподволь вводили у себя разныя новости. Въ *послѣдней половинѣ* XVII вѣка въ Черкаскомъ городкѣ было уже построено нѣсколько порядочныхъ домовъ.

Атаманы Наумъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ, Лукьянъ Максимовъ, Корнелій Яковлевъ особенно извѣстны введеніемъ новостей въ общежитіи; но атаманъ Фролъ Минаевъ первый, кажется, переступилъ за предѣлы простой жизни, и съ его времени, т. е. съ 1680 года, начинается новый періодъ нашего общежитія, описаніе коего помѣщаю въ *слѣдующей статьѣ*.

Частная жизнь Донцовъ въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Донскіе атаманы, вводя новости въ своемъ общежитіи, всегда умѣли удерживать старинную простоту, которая господствовала у ихъ предковъ. Фролъ Минаевъ, жившій въ послѣдней половинѣ XVII вѣка, поступалъ не иначе.

Мы уважаемъ память сего героя; предки же наши, его современники, еще болѣе чтили его заслуги. Около сорока лѣтъ предводительствуя полками храбрыхъ, бывъ не менѣе двад-

цати разъ избираемъ въ войсковые атаманы, онъ наконецъ управлялъ мнѣніями и сердцами народа. Пятьдесятъ лѣтъ дѣятельной, военной жизни, доставили ему значительное богатство. Бывъ часто въ Москвѣ въ посольствахъ ко двору, проведши тамъ въ началѣ царствованія Петра I довольно долгое время, уважаемый Государемъ и боярами, онъ присмотрѣлся къ образу жизни тогдашнихъ вельможъ Русскихъ, и въ старости своей любилъ иногда показывать у себя заимствованную отъ нихъ пышность.

Обширный домъ его, лучшій въ Черкаскѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ. Плѣнные Татары и Турки составляли его прислугу: они смотрѣли за конюшнею, за псовою охотой, за чистотою и порядкомъ двора; въ праздное время были обыкновенными его собе-

сѣдниками. Фролъ обращался съ ними какъ товарищъ, братски; въ военное время они сопутствовали ему въ походахъ, любили старика искренно и называли обыкновенно: *бачка*. Безъ гостей они обѣдали и ужинали съ нимъ вмѣстѣ; при гостяхъ, служили ему за столомъ. За большими обѣдами, или когда атаманъ угощалъ особъ, къ которымъ хотѣлъ показать особенное вниманіе, служили ему кромѣ плѣнныхъ, три сына его, герои въ битвахъ, не разъ уже предводительствовавшіе полками казаковъ.

Минаевъ съ дѣтства привыкъ провождать время въ бесѣдахъ казачьихъ, и тутъ не требуя для себя никакого предпочтенія, даже самъ вставалъ предъ стариками. Всякій казакъ называлъ его просто: *ты Фролъ Минаичъ*, или, *твоя милость*. Лѣтомъ каждый день, предъ закатомъ солнца,

видали его въ кругу старыхъ воиновъ, кои, собравшись къ дому его *побесѣдовать о житьѣ-бытьѣ*, располагались на скамьяхъ подъ навѣсами крылецъ. Сюда приходилъ всякъ кто хотѣлъ, безъ зову. Старики разсказывали о своихъ походахъ, о дѣлахъ предковъ; молодые, почтительно стоя въ сторонкѣ безъ шапокъ, со вниманіемъ слушали отцовскія повѣсти, изъ которыхъ учились военному дѣлу. Часто разсказы сіи, столь близкіе къ сердцу каждаго казака, воспламеняли души стариковъ, а особливо когда напоминали объ отличномъ подвигѣ котораго нибудь изъ собратій. Лице Фрола Минаевича блистало тогда радостію: « Это важный слуга, говорилъ онъ, и стоитъ, чтобъ въ честь его выпить. » Тотчасъ являлась *стойка* пѣнистаго меда, и сыновья Фрола под-

носили старикамъ заздравныя кружки. Изъ молодыхъ казаковъ, развѣ отличнѣйшіе храбростію удостоивались иногда получать изъ рукъ Минаева кружку меду, и это почиталось весьма важною наградою. Случалось, въ веселомъ расположеніи духа, воспоминать такимъ образомъ многихъ *важныхъ слугъ*, достойныхъ почетной чары; тогда простой разговоръ становился недостаточенъ для прославленія ихъ подвиговъ; воспламененные старцы запѣвали свои *богатырскія* пѣсни.

ПѢСНЯ.

У насъ братцы на Дону, во Черкаскомъ городу,
Проявилась у насъ братцы, прирожоная *тума*,
Онъ изъ тумъ братцы, тума, Сенька Маноцковъ злодѣй;
Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думывалъ;
Думывалъ крѣпкую онъ думушку, съ ярыжками:
Перекинулся собака, ко Азовскому пашѣ
А Азовскій-то паша сталъ его спрашивати:

Ты скажи, скажи пріятель, правду истинную:
Что-то думаютъ у васъ, во Черкаскомъ городу?
« Да у насъ-то на Дону, во Черкаскомъ городу
« Старики-то пьютъ гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
« По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
« Ой не дай Боже Азовцамъ ума, разума того:
« Не поставилибъ они башенки на устъ-рѣчки Каланчи,
« Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,
« Не подвели бы они струны ко звонкимъ колоколамъ.
« Ужъ нельзя намъ бранцы будетъ во синеморе пройтить,
« По синю морю гулять, зипуновъ-то доставать. »
Какъ у насъ было на Дону, во Черкаскомъ городу,
Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ;
Какъ со вечеру соколъ нашъ роговыя проплывалъ,
Ко бѣлу свѣту соколъ нашъ по синю морю гулялъ,
По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

Часто Фролъ Минаевичь приглашалъ къ себѣ гостей; для встрѣчи приходившихъ къ нему выходилъ самъ съ женою и дѣтьми на крыльцо, и взявъ гостя подъ руки, вводилъ въ комнату, прося милости, въ его родительскомъ дому хлѣба - соли покушать. Угощеніе его доказывало избытокъ: каждому

посѣтителю подносили медъ изъ жалованнаго Царскаго ковша, которыхъ Минаевъ имѣлъ болѣе 20. Никто изъ приглашенныхъ не могъ уйти прежде другаго; но всѣ вмѣстѣ оставляли бесѣду, въ которой часто заставало ихъ утро.

Съ особенною пышностію угощалъ атаманъ Рускихъ дворянъ, Азовскаго агу, Турецкихъ пашей, Горскихъ князей, знатныхъ Татарскихъ мурзъ. Всѣ эти Азіятцы, находившіеся съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, часто нарочно пріѣзжали въ Черкаскъ для свиданія съ Фроломъ Минаевичемъ; онъ принималъ ихъ въ комнатѣ, устланной богатыми Персидскими коврами; вдоль по стѣнамъ съ одной стороны были лавки, а съ другой простаго дерева раздвижныя стулья, на кои клались, собственно для сего случая, шелко-

выя подушки, шитыя золотомъ. На стѣнахъ висѣли оружіе и збруя: пищали, ружья, фузеи, сабли, шашки, кинжалы, шебалташи (*), рога, луки, колчаны съ стрѣлами, чеканы, ронзыки (**) и проч. Это вооруженіе, все оправленное серебромъ, развѣшено было съ такимъ вкусомъ и въ такомъ порядкѣ, что, составляя для глазъ пріятную

(*) Такъ назывался поясъ изъ ремня съ пряжкою, украшенный серебряными бляхами съ чернію, на которомъ висѣлъ большой рогъ для пороха, также обложенный серебромъ, стальной *мусатъ*, (огниво) съ отворкою, и сафьянный *гаманъ* (мешечикъ) для пуль, обшитый серебрянымъ Черкескимъ *гайтаномъ* (снуркомъ).

(**) *Ронзыками* у казаковъ называется конская збруя: узда, нагрудникъ и пафы, на Турецкій образецъ сдѣланныя и украшенныя серебромъ и шелковыми кистями, иногда съ позолотой и каменьями.

картину, оживляло въ душѣ воиновъ величественныя воспоминанія. За столомъ, отъ стакановъ до чашъ и блюдъ, все было изъ серебра. Хозяинѣ не запрещалось показываться гостямъ, и Фролъ Минаевичь, кажется былъ первый на Дону, у котораго общества украсились присутствіемъ женщинъ.

Любя и уважая почтеннаго старца, многіе Донскіе старшины ему подражали. Поздѣевы, Кумшацковы, Серебряковы, Кутейниковы, Машлыкины, отличались умѣньемъ жить, ласково принимать и угощать *бесѣду*.

Но общежитіе наше гораздо примѣтнѣе начало совершенствоваться съ наступленіемъ XVIII столѣтія. Кромѣ тѣхъ причинъ, кои въ сіе время распространяли въ Россіи свѣтскую жизнь, были еще нѣкоторыя обстоятельства, болѣе къ тому способство-

вавшія на Дону. Азовъ былъ отнятъ у Турокъ. Правительство запретило казакамъ производить морскіе и сухопутные набѣги, и врожденная ихъ дѣятельность, не находя для себя пищи въ немногихъ военныхъ занятіяхъ внѣ жилищъ, обратилась на житейскій кругъ. Старики охотно перенимали новости, кои не нарушали ихъ коренныхъ обычаевъ, и Рускія обыкновенія вводились почти непримѣтно. Петръ Великій, предписавъ въ Россіи повсемѣстное употребленіе нѣмецкаго платья и запретивъ бороды, не налагалъ подобныхъ обязанностей на Донцовъ. Казаки, радуясь сему изъятію, прислали въ Москву атамановъ съ изъясненіемъ благодарности Монарху: «Мы взы-
«сканы, говорили они, твоею милостію
«паче всѣхъ подданныхъ; до насъ не
«коснулся твой указъ о платьѣ и

« бородахъ; мы живемъ по древнему на-
« шему обычаю: всякій одѣвается
« какъ ему угодно: одинъ Черкесомъ,
« другой по Калмыцки, иной въ Руское
« платье стараго покроя: мы это лю-
« бимъ; нѣмецкаго же платья никто
« у насъ не носитъ, и охоты къ нему
« вовсе не имѣемъ. » Казаки не измѣни-
ли сему обычаю даже до конца XVIII
столѣтія; но держась строго своихъ
старыхъ привычекъ, они между тѣмъ
распространяли кругъ своихъ занятій
и увеселеній, кои придали жизни ихъ
много разнообразія.

Важнѣйшее измѣненіе старины со-
стояло въ томъ, что браки казаковъ,
въ первой половинѣ XVIII столѣтія
воспріяли всю силу свою по уста-
вамъ церкви. Казакъ не могъ уже раз-
вестись съ женою, сказавъ на *сборѣ*:
она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.

Въ слѣдъ за симъ женщины получили право гражданства въ нашихъ обществахъ. Хозяйки, и особенно пожилыя, уже свободно могли показываться въ собраніяхъ мужчинъ; но все еще не скоро привыкли вмѣшиваться въ общій разговоръ и одушевлять бесѣды своимъ вліяніемъ, хотя впрочемъ жены старшинъ любили повеселиться въ кругу своихъ сосѣдокъ, которыхъ часто приглашали къ себѣ. Въ женскихъ собраніяхъ плѣнная Турчанка подносила госпьямъ на большомъ подносѣ сладкій медъ, а хозяйка держа въ одной рукѣ стаканъ, а другою взявшись подъ бокъ, въ желтыхъ туфляхъ, приступывала каблуками, припѣвая: « *туфли къ милому* « *глядятъ, полюбить его хотятъ.* »

Дѣвицы пользовались еще меньшею свободою: едва которой изъ нихъ

совершалось 13 лѣтъ, и воля ея ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ. Дѣвушки на однихъ только свадебныхъ празднествахъ могли быть вмѣстѣ съ мужчинами, и обыкновенно проводили время или въ домашнемъ одиночествѣ, или въ кругу подругъ своихъ. Дома, всѣ занятія ихъ ограничивались шитьемъ и смотрѣніемъ за кухнею; особенно же прилѣжали къ шитью, дабы получить названіе *чеберки*, которое давалось досужимъ мастерицамъ сего дѣла. Искуство шитья было тогда у насъ довольно однообразно: сшить *кубилекъ*, *выстегать узорами* одѣяло, или кафтанъ, *выстрочить ожерелокъ кривымъ танкомъ*, *бурсачками*, *разводами* и проч., все выученное отъ Татарокъ или Турчанокъ. Весьма немногія обучались читать акафисты и каноны; писать же красавицъ

нашихъ въ то время не учили вовсе, опасаясь, что грамотныя заведутъ переписку съ мужчинами. Каждое воскресенье и каждый праздникъ ходили онѣ въ нарядномъ платьѣ, вмѣстѣ съ бабушками, или няньюшками, къ заутренѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ; ввечеру сидѣли или расхаживали на крыльцахъ домовъ своихъ, скрываясь всякій разъ, какъ скоро завидятъ проходящаго молодаго мужчину. Когда собиралось ихъ нѣсколько вмѣстѣ, играли въ *кремешки* (*), въ *жмурки*, въ *лан-*

(*) *Кремешками* называются у насъ круглые гладкіе камешки, величиною съ голубиное яйцо; для игры употребляется шесть таковыхъ камешковъ: играющія садятся на полъ, который покрытъ ковромъ, кладутъ пять *кремешковъ* на коверъ кучкою, шестой бросаютъ вверхъ не много выше головъ, и должны успѣть взять камешекъ съ ковра и поймать падающій съ

ту (*), пѣли и плясали подъ пѣсни, подъ *варганъ*, или подъ *гребешокъ*. Собственная ихъ пляска была во всемъ сходна съ Рускою. Иногда подъ надзоромъ же бабушекъ и нянюшекъ вы-

---

верху. Каждая изъ играющихъ продолжаетъ такимъ образомъ брать съ ковра по одиночкѣ всѣ камни порознь, потомъ всю кучку вмѣстѣ; послѣ перекладываетъ ихъ съ одного мѣста на другое, захватываетъ между пальцевъ, прокатываетъ подъ пальцами и проч. продолжая одна играть до толѣ, пока уронитъ бросаемый кремешекъ; въ то время передаетъ другой, которая точно тоже дѣлаетъ и т. д. Сія игра перешла къ намъ отъ Татаръ.

(*) Въ игрѣ сей одной дѣвушкѣ завязывали глаза, другія составляли кругъ; первая, расхаживая въ кругу, должна была узнать у кого находился жгутъ; ежели указывала не на ту, то имѣющая жгутъ, ударивъ ее, передавала жгутъ другой. Когда же узнавали, то сей узнанной завязывали глаза.

ходили онѣ на улицу для хороводовъ; мужчины стоя поодаль могли только въ нѣкоторомъ разстояніи любоваться сими играми. Зимою дозволялось дѣвушкамъ *кататься на каталкахъ*, т. е., на гладкомъ льду, на которомъ скользили просто на ногахъ съ разбѣгу. Взрослымъ нельзя было оставаться до поздняго вечера ни въ хороводѣ, ни на *каталкахъ*, и если бы которая хотя немного запоздала, то бабушка нѣсколько дней сряду твердила бы ей: « не стыдно ли дѣвушка, « допоздна таскаться; что женихи « скажутъ? » Хотите ли знать наружность нашихъ женщинъ? Представьте красавицъ роскошной Азіи, смѣшанныя вмѣстѣ черты Черкешенокъ, Турчанокъ, Татарокъ, Рускихъ, и тогда получите общее понятіе о красотѣ обитательницъ Дона; пла-

менные черные глаза, щеки полныя свѣжей жизни, величайшая опрятность и чистота въ одеждѣ, составляютъ собственность нашихъ дѣвушекъ. Онѣ, какъ и всѣ женщины, любили наряды, и также какъ и Рускія барыни того времени, румянились, когда выходили въ церковь или въ гости.

Но строгое одиночество женщинъ мало по малу ослабѣвало: отъ каталокъ и хороводовъ онѣ непримѣтно присвоили себѣ свободу выходить на улицу просто, для того, чтобъ погулять или *посидѣть* подлѣ *рундука* (помостъ, отъ котораго начиналась лѣстница). Главный городъ на Дону, Черкаскъ, былъ построенъ такъ тѣсно и неправильно, что не льзя было найти порядочнаго мѣста для гулянья. Почти ни одинъ домъ не имѣлъ двора. Всѣ строенія были весьма однообразны:

снаружи высокая лѣстница вела на *галдарею* (*), отъ которой кругомъ всего дома шло высокое крыльцо; изъ галдареи ходъ въ сѣни.

Взойдите въ средину дома: главная комната или зала всегда прибрана и готова для пріема чужихъ; въ переднемъ углу на божницѣ стоитъ рядъ образовъ въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ, надъ коими виситъ зазженная лампада, а съ божницы спускается *пелена;* по божницѣ и между образами висятъ въ пучечкахъ засохшіе цвѣты и разныя изображенія, сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги и волосьевъ. Въ углу, подъ святыми,

---

(*) Галдарея, родъ закрытаго со всѣхъ сторонъ балкона, который дѣлался передъ дверью, ведущею въ сѣни; самые же домы строились на высокихъ столбахъ по образцу Азіятскому.

столъ, покрытый чистою скатертью. Около стѣнъ лавки, а въ богатыхъ домахъ на одной сторонѣ нѣсколько стульевъ, или раздвижныхъ простаго дерева, или рѣзныхъ съ высокими спинками. Всѣ стѣны увѣшены оружіемъ, и збруею. Подлѣ двери поставчикъ, сдѣланный на подобіе шкапа со стеклянными дверцами, изъ за которыхъ видна разложенная въ порядкѣ серебряная посуда. Изъ залы дверь въ спальню, а изъ сей послѣдней въ спрятную. Изъ сѣней ходъ на чердакъ, гдѣ жили младшіе въ семействѣ. Хозяика содержала весь домъ въ удивительной чистотѣ: недовольно того, что каждую недѣлю по одному и по два раза мыли полы, еще нѣсколько разъ въ году обмывали всѣ наружныя и внутреннія стѣны и потолки. Сія заботливость о чистотѣ составляетъ до

сихъ поръ отличительную черту въ характерѣ Донскаго народа.

Самое большое развитіе стариннаго нашего общежитія послѣдовало при атаманѣ Данилѣ Ефремовичѣ Ефремовѣ, который утвержденъ въ семъ званіи въ 1738 году Сей умный вождь казаковъ, имѣя по тогдашнему времени прекрасный вкусъ и значительное богатство, самъ любилъ жить весело и поощрялъ къ тому своихъ подчиненныхъ. Въ его время въ праздничные дни на всѣхъ улицахъ толпился народъ: въ одномъ мѣстѣ молодежь занималась борьбою, бѣганьемъ, игрою въ мячи, въ чехарду, въ бабки или въ *айданчики* (*). Въ другомъ, казаки, собравшись въ кружокъ, напѣвали бога-

(*) *Айданчиками* называются маленькія кости изъ бараньихъ ножекъ.

шырскія пѣсни. Тамъ стройный юноша, бросивъ небрежно шапку на бекрень, выступалъ изсреди товарищей, и съ первымъ звукомъ балалайки, пускался плясать казачка быстро, живо, присвистывая и прищелкивая языкомъ. Здѣсь, подлѣ *рундука*, сидятъ чинно пожилые воины: посреди ихъ *ендова* (*) *переварнаго* меда (**); старцы воспоминая о прежнихъ подвигахъ, осушали кружки прохладительнаго напитка. Подлѣ другаго *рундука*, на раскинутомъ коврѣ, расположилась бесѣда старушекъ: это жены старѣйшинъ нашихъ; онѣ сдѣлали общую складку, и *ясырка* (***) на собран-

(*) *Татарскій мѣдный сосудъ*, родъ большой чаши.

(**) Старики любили *переварный* медъ по его крѣпости и хорошему вкусу.

(***) Въ лучшихъ домахъ нашихъ женщины

ныя деньги принесла имъ сладкаго меду; передавая изъ рукъ въ руки кружку, онѣ выхваляютъ старину и поютъ духовные псалмы и пѣсни о подвигахъ своихъ мужей и отцовъ. Проходитъ ли мимо ихъ знакомый или незнакомый мужчина, онѣ, привѣтливо поклонившись, приглашаютъ его: *подойди къ намъ родниинькой*, и потчуютъ медомъ, а тотъ, въ благодарность, кладетъ имъ на подносъ деньги. За собранное отъ проходящихъ посылали въ другой разъ за медомъ, или замѣняли этимъ сборомъ складку будущаго воскресенья. Въ таковыхъ бесѣдахъ наши прабабушки любили го-

---

имѣли для услугъ плѣнныхъ Татарокъ и Турчанокъ, кои назывались *ясырками*. Еще и нынѣ нѣкоторыя старушки называютъ горничныхъ дѣвушекъ *ясырками*.

ворить между собою по Татарски, что въ то время было въ большой модѣ. Въ другомъ мѣстѣ видали кругъ молодыхъ женщинъ въ праздничныхъ кубилькахъ: онѣ только что сошли съ ближняго крыльца, гдѣ хозяйка потчивала ихъ плодами, закусками, *сѣмечками* (*); теперь вышли онѣ на улицу *посидѣть* и *полюбоваться общимъ веселіемъ народа*. Онѣ также, подражая старухамъ, поютъ пѣсни и псалмы. Вотъ идетъ мимо казакъ пожилыхъ лѣтъ: не допуская его до себя на нѣсколько шаговъ, всѣ встаютъ,

---

(*) *Сѣмечки*, т. е., сѣмена арбузныя или тыквенныя, были во всеобщемъ употребленіи на Дону: ихъ жарили (сушили) на сковородѣ; каждая женщина и дѣвица почти всегда носила порядочный запасъ ихъ въ карманѣ для безпрерывнаго употребленія. Это было въ обычаяхъ тогдашняго времени.

почтительно кланяются и садятся уже тогда, когда онъ удалился отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе. Это уваженіе къ старшимъ съ малолѣтства укоренялось въ дѣтяхъ нашихъ и наставленіями и примѣрами: молодые люди стыдились сдѣлать при старикѣ малѣйшую непристойность, иначе всякій старецъ могъ не только напомнить юношѣ о его обязанностяхъ, но и наказать его, не опасаясь гнѣва родителей. Женщины обязаны были отдавать первенство всѣмъ мужчинамъ, а особенно когда сіи послѣдніе являлись въ доспѣхахъ воинскихъ: случалось ли вооруженному казаку встрѣтиться съ женщиною на узкихъ помостахъ грязной улицы, она, не смотря на грязь, должна была уступать мѣсто воину.

Но улицы города были тѣсны для вмѣщенія всей толпы веселаго

и дѣятельнаго народа; для того многія *компаніи* молодыхъ людей, и особенно дѣти, выходили за городъ къ *полисаднику*, которымъ обнесенъ былъ весь городъ, или въ *сады*. Здѣсь молодежь, одни съ ружьями, другіе съ луками и стрѣлами, размѣривъ мѣсто, поставили цѣли и вотъ: первая стрѣла вонзилась надъ кругомъ, вторая вошла въ кругъ, третья въ самую средину онаго. Пули одна другой мѣтчѣ, рѣдкая возвысится или понизится на палецъ. Яйцо служитъ мѣтой, и ни одинъ выстрѣлъ не пролетаетъ мимо. Въ сихъ забавахъ воинственные юноши проводили большую часть дня; безпрерывное упражненіе въ стрѣляніи доставило имъ удивительную мѣткость: были между казаками такіе стрѣлки, которые на довольномъ разстояніи выбивали пулею изъ рукъ

монету, положенную между пальцами, не зацѣпивъ держащаго ее. Разсказываютъ анекдотъ, что Государь Петръ первый, во время похода къ Азову, остановившись въ Верхне-Курмоярской станицѣ, и увидѣвъ какъ-то подъ противоположнымъ берегомъ Дона плавающую утку, спросилъ: нѣтъ ли тутъ казака, которой застрѣлилъ бы ее? Вызвался молодой воинъ *Пядухъ*, поднялъ пищаль и убилъ утку не цѣлившись. « *Исполать казакъ*! сказалъ Государь, *и я убью, но только поцѣлюсь.* »

Въ другомъ мѣстѣ около полисадника большая толпа малютокъ, раздѣленная на двѣ партіи, разбила лагерь изъ камыша; всѣ въ воинскихъ доспѣхахъ: въ бумажныхъ шапкахъ и лядункахъ, съ лубочными саблями, съ маленькими деревянными пиками; въ каждой партіи свой предводитель;

знамена изъ окрашенной бумаги, трещотки, бубны и тарелки для торжественныхъ пѣсней. По данному знаку обѣ партіи снимаются съ лагеря, сходятся, сражаются: побѣдители преслѣдуютъ побѣжденныхъ, отбиваютъ знамена, берутъ въ плѣнъ людей, и торжественно съ трофеями своихъ подвиговъ, при звукѣ бубновъ и тарелокъ, входятъ въ городъ, чтобы принять отъ стариковъ похвалу. Казакъ *раждался* воиномъ; съ появленіемъ на свѣтъ младенца, начиналась его военная школа: новорожденному, всѣ родные и знакомые отца, приносили въ даръ на *зубокъ*: стрѣлу, патронъ пороха, пулю, лукъ, ружье и т. п.; дареныя вещи развѣшивались на стѣнѣ той горницы, гдѣ лежала родильница съ младенцемъ. Когда, по истеченіи сорока дней, мать, взявъ въ

церкви очистительную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него какъ нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ, и возвращая сына матери, поздравлялъ ее съ *казакомъ*. Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ и мать посадивъ его на лошадь, возили въ церковь служить молебенъ Іоанну воину о томъ, чтобъ сынъ ихъ былъ *храбрымъ казакомъ*. Первыя слова, произносимыя малюткою, были: *гу* и *пу* (*). Трехлѣтніе уже сами ѣздили на лошадяхъ по двору, а въ пять лѣтъ безстрашно скакали по улицамъ и участвовали въ дѣтскихъ манёврахъ.

(*) *Гу* выражаетъ ѣхать верхомъ, а *пу* стрѣлять.

И старики не всѣ помѣщались въ бесѣдахъ, подлѣ *рундуковъ:* нѣкоторые собирались въ *станичные домы*, которыхъ по числу станицъ города Черкаска, было девять (*). Домы сіи были построены на берегу Дона въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; двѣ или три станицы пускали по рѣкѣ деревянный поплавокъ, прикрѣпивъ къ нему маленькую цѣль; пространство размѣряли такъ, чтобы отъ каждаго станичнаго дома цѣль отстояла на ружейный выстрѣлъ; начиналась стрѣльба со всѣхъ станичныхъ домовъ, и которая станица прежде успѣвала сбить цѣль, ту побѣжденныя обязаны были угощать *тройнымъ касильчатымъ* (**)

(*) За исключеніемъ Татарской станицы.

(**) Подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ крѣпкій и весьма хорошій медъ.

медомъ. Другія *компаніи* стариковъ *собирались* на *голубцахъ* (*) (на кладбищѣ), гдѣ усѣвшись кружками, каждый поочередно приносилъ *ендову* крѣпкаго меда, и разнося кружки за упокой усопшихъ и въ честь живущихъ, начиналъ любимыя богатырскія пѣсни, повторяемыя всею бесѣдою:

I.

На зарѣ-то было на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго:
Не буйные вѣтры подымалися,
Не синее море всколыхалося,
Не фузеюшка въ полѣ прогрянула,
Не люта змѣя въ полѣ просвиснула,
Просвиснула пулечка свинчатая;
Она падала пулька не на землю,
Не на землю пуля и не на воду,
Она падала пуля въ казачій кругъ,

(*) *Голубцами* называются у насъ могильные памятники.

На урочную-то на головушку,
Что да на перваго есаулушку;
Попадала пулечка промежъ бровей,
Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей;
Упалъ младецъ коню на черну гриву.

2.

Не травушка, не ковылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шаталася, волочилася удалъ добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ,
Что во той-то было во кармазинной черкесочкѣ;
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
И камчатны ево полочки назадъ застегнуты,
Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.
Онъ идетъ удалъ добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючею онъ слезою обливается.
Онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается;
Позолотушка съ туга лука долой летитъ.
Какъ никто-то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается;
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родная матушка:
Ахъ ты чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ такъ мое чадушко напивалешься?
До сырой-то ты до земли все приклоняешься,

И за травушку, за кавылушку все хватаешься.
Какъ возговоришъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
« Я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся,
« Напоилъ-то меня Турецкій царь тремя пойлами,
« Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
« Какъ и первое-то ево пойло — сабля острая,
« А другое ево пойло — копье мѣткое было,
« Ево третіе-то пойло — пуля свинчатая.

3.

Какъ ты батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
Рѣчь взговорилъ славный тихій Донъ:
Ужь какъ-то мнѣ все смутну не быть,
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои крутыя бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

4.

Не великой тамъ огонюшекъ горитъ,
То-то въ полѣ кипарисный гробъ стоитъ;
Во гробу лежитъ удалый молодецъ:
Во рѣзвыхъ ногахъ ему чуденъ крестъ,
У буйной головушки душа добрый конь.
Какъ и долго ли въ рѣзвыхъ ногахъ стоять,
Какъ и долго ли желты пески глодать?
Выбилъ яму по колѣно онъ.
Конь мой, конь, товарищъ вѣрный мой!
Ты веселіе мое въ чистомъ полѣ!
Бѣги мой конь ты къ моему двору,
Бѣги ты конь мой, все не стежкою,
Ты не стежкою, не дорожкою;
Бѣги мой конь тропинкою,
Ты тропинкою все звѣриною,
Куда травушка ковылушка лежитъ,
Тамъ холодная креничинька бѣжитъ.
Злодѣй Турчинъ не поймаетъ тебя,
И Татаринъ не осѣдлаетъ тебя.
Прибѣгижь конь къ моему ты ко двору,
Вдарь копытомъ у веречки;
Выдетъ къ тебѣ старая вдова,
Старая вдова, родная мать моя;
Станетъ тебя про сына спрашивати:

« Не убилъ, не утопилъ ли ты его, »
« Въ чистомъ полѣ положилъ-то я его »
Ты скажи: « твой сынъ жениться захотѣлъ,
« Обнимаетъ поле чистое теперь. »

Послѣ каждой пѣсни, растроганные старцы съ чувствомъ восклицали: « Да! заслужили наши казаки Богу, Государю и великому войску Донскому. » Случалась ли въ бесѣдахъ сихъ какая ссора, старики тотчасъ мирили ее, или заставляли обидчика итти по утру въ домъ къ обиженному, чтобы поклономъ въ ноги испросить прощеніе. Вообще всѣ казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ станицахъ, поставляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и даже тяжбы. Тамъ атаманъ и старики сами кланялись въ ноги тяжущимся, чтобъ они помирились и не ѣздили судиться въ Черкаскъ, гдѣ было главное

правленіе. Если враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное войско на судъ; но часто на пути, за крѣпительной чарой вина, будто неумышленно заводили между собою разговоръ и забывали о своей враждѣ. Нѣтъ нужды, что назадъ до станицы надлежало тянуться противу воды, иногда верстъ сто и двѣстѣ: пріятно то, что атаманъ и старики встрѣчая ихъ, поздравляли съ миромъ.

Въ маѣ *главное войско* разсматривало дѣла станицъ и распредѣляло казаковъ. Для сего атаманъ со всѣми старшинами, составлявшими правительство, извѣстное въ народѣ подъ именемъ *всевеликаго войска Донскаго*, выходилъ за городъ на возвышенныя мѣста, кои не потопляемы бываю-

щими въ семъ мѣсяцѣ разливами Дона, и тамъ разбивъ лагерь, творили судъ. Являлись челобитчики съ прозьбами о поновленіи границъ, о которыхъ вышелъ между станицами споръ, и сонмъ старѣйшинъ или поручалъ одному изъ среды своей разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ тяжущихся къ согласію на *общую правду*, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, который, поклявшись на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу. За симъ подходили изувѣченные на войнѣ казаки: войско снабжало ихъ отставными листами и награждало достойнѣйшихъ. Выступали частные челобитчики: *всевеликое войско* удовлетворяло каждаго; ни одинъ не отхо-

дилъ недовольнымъ. Старѣйшины Дона занимались такимъ образомъ дѣлами только до полудня, а остатокъ дня проводили въ забавахъ. Забавы сіи имѣли общій характеръ, свойственный народу воинственному. Иногда располагались всѣ большимъ кругомъ, посреди лагеря: вводили въ кругъ двухъ могучихъ борцовъ, полунагихъ калмыковъ, у которыхъ все тѣло было вымазано жиромъ. Поединщики осматривали другъ друга, сходились, расходились, примѣривались какъ ловчѣе схватиться, и вдругъ сцѣпились: руки ихъ скользятъ по тѣлу; борцы упираются ногами въ землю, жмутъ одинъ другаго, крутятся, сплетаются ногами и вотъ сильный розмахъ повергаетъ одного на землю; крикъ со всѣхъ сторонъ: *славно! богатырь!* награждаетъ побѣдителя. Побѣдитель

противника значило повергнуть его лицомъ вверхъ. За симъ собраніе дѣлилось на ряды, чтобъ стрѣлять въ цѣль изъ ружей и луковъ; поодаль манёврировали толпы мальчиковъ, заводя противную партію въ засады, или стараясь схватить удобный случай для нечаяннаго нападенія; старѣйшины торжественно отдавали первенство той или другой сторонѣ. Непримѣтно вечеръ заставалъ собраніе въ сихъ играхъ.

Случалось ли войсковому атаману обозрѣвать верховыя станицы для переписи *малолѣтковъ* (*): онъ назначалъ удобное мѣсто, куда собирались изъ 20, 30 и болѣе станицъ, атаманы со стариками и всѣ малолѣтки на

(*) Девятнадцати-лѣтнихъ казаковъ, которые съ сего возраста записывались въ служилые казаки.

лучшихъ коняхъ въ полномъ вооруженіи: съ пиками, длинными ружьями, шашками, боршнями, луками и проч. Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недѣли по двѣ и по мѣсяцу, въ присутствіи войсковаго атамана, продолжались военныя игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быстроту лошадей; другая на всемъ скаку стрѣляла въ цѣль; тамъ удальцы, перекинувъ черезъ сѣдло стремена, стоя неслись во весь опоръ на дикихъ лошадяхъ, отбиваясь шашкою, или цѣлясь ружьемъ; либо разославъ на землю бурку, и бросивъ на нее плѣть, монету и т. п., хватали ихъ на всемъ скаку. Выѣзжали охотники поединщики и разскакавшись другъ на друга начинали бой плѣтьми. За симъ открывалось новое зрѣлище. Большая

часть воиновъ въ полномъ вооруженіи неслися толпою къ рѣкѣ и на всемъ лету, бросившись въ воду, переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые отличались проворствомъ, легкостію, мѣткостію въ стрѣльбѣ, войсковый атаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и проч. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

Масляница у предковъ нашихъ праздновалась великолѣпнымъ образомъ: цѣлую недѣлю отъ малаго до стараго весь городъ веселился. Кромѣ пріятельскихъ *бесѣдъ* мужчинъ и женщинъ, которые въ эту недѣлю почти въ каждомъ домѣ распѣвали псалмы и богатырскія пѣсни, главное отличіе масляннчнаго веселія составляли скачки и пальба. Приготовленія къ сему на-

чинались почти цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе; во все это время молодежъ не выходила изъ конюшенъ, не досыпала ночей, готовя добрыхъ коней. Съ наступленіемъ перваго дня масляницы, вооруженные наѣздники со всего города собирались къ назначенному мѣсту, на лучшихъ скакунахъ съ дорогими наборами, всякій съ желаніемъ блеснуть конемъ, збруею, удальствомъ. Стеченіе было самое многолюдное: сюда выѣзжали и прабабушки наши съ своими красавицами дочками *въ нарядныхъ возкахъ* съ *жаровнями*. На открытомъ мѣстѣ стояла *мишень*, пучекъ камыша, перпендикулярно поставленный, а саженяхъ въ 200 отъ него назначался пунктъ, отъ котораго надлежало скакать. Начиналась скачка: первый несется стрѣлою сѣдой старецъ; бросивъ у самаго пука

поводья, прикладывается онъ короткимъ своимъ ружьемъ и пукъ зажженъ. За нимъ летитъ юноша, который, на всемъ скаку соскочивъ съ лошади и держась одною рукою за гриву, схватываетъ другою изъ за пояса пистолетъ, стрѣляетъ въ пукъ и въ мигъ на лошади; другіе по слѣдамъ его перепрыгиваютъ черезъ огонь. Иный, притворяясь падающимъ съ несущейся лошади, хватаетъ съ земли монету, и бросивъ ее впередъ, ловитъ ее на лету. Такимъ образомъ наѣздничествовали здѣсь Донскіе воины, каждый день до вечера, перемѣняя по нѣскольку пуковъ камыша въ день, и по нѣскольку коней. Уставъ отъ скачки старики подъѣзжали къ *возкамъ* и изъ рукъ бабушекъ подкрѣпляли себя *сабираломъ* (*); а молодежъ

(*) Подъ именемъ *сабирала* извѣстенъ былъ на Дону лучшій медъ.

украдкою ловила взоры сидѣвшихъ въ возкахъ прелестныхъ затворницъ.

Тогда, какъ здѣсь забавлялись *скачкою на мишень*, въ другомъ мѣстѣ собирались охотники на скачку другаго рода, въ которой сильнѣйшая и рѣзвѣйшая лошадь одерживала побѣду. Въ этуто скачку употреблялись *яровыя* лошади, которыхъ каждый разъ собирали отъ 50 до 100: надлежалой пронестись не менѣе 15 верстъ по прямому направленію. Данила Ефремовичь по большей части учреждалъ таковыя скачки отъ *Гирявой* могилы до того мѣста, гдѣ нынѣ Новочеркаскъ; это будетъ болѣе 25 верстъ разстоянія (*). Тремъ

(*) Замѣчательнѣйшая скачка на Дону была 5 мая 1805 года, при заложеніи города Новочеркаска, на которой было болѣе 500 лошадей.

лучшимъ ѣздокамъ полагались призы: первому, конь со всею збруею, или большая серебряная кружка; второму, нѣсколько аршинъ алаго сукна и парча; третьему, тибеньки, стремена и сафьянъ.

Дѣти заводили свои скачки по улицамъ; въ городѣ же въ каждомъ домѣ съ ранней зари и до полуночи производилась безпрерывная пальба изъ ружей и пистолетовъ; дѣти стрѣляли изъ маленькихъ пушечекъ, у кого же не было ихъ, тѣ просверливали въ пустыхъ костяхъ заправки, или заряжали камышинки. На крыльцахъ домовъ, на улицахъ, на мостахъ, вездѣ толпы народа, вездѣ пальба; одни больные были прикованы къ своимъ постелямъ, все прочее веселилось.

Въ будни, въ свободное время, казакъ не оставался дома: его неуго-

монный характеръ требовалъ дѣятельности. На залетномъ конѣ гонялся онъ въ полѣ за дикими козами, оленями, тарпанами, сайгами, или съ борзыми собаками *полевалъ зайцевъ*, лисицъ, волковъ; убить вепря или барса, было дѣломъ славнымъ. Но у насъ бывали еще особеннаго рода охоты, которыми забавлялъ войско самъ атаманъ. Отличные наѣздники на рѣзвыхъ скакунахъ, собравшись по повѣсткѣ, отправлялись за атаманомъ къ курганамъ *Двухъ братьевъ* (*); отсюда открывается обширное *займище*, которое на тотъ разъ всегда окружалось тысячью казаковъ, нарочно для сего собранныхъ; въ разныхъ мѣстахъ разставлены были тенета. Вотъ троекратный ружейный выстрѣлъ подаетъ знакъ

(*) Неподалеку отъ Черкаска.

къ начатію охоты: раздавшійся со всѣхъ сторонъ громкій крикъ пробуждаетъ *займище*; толпы всадниковъ носятся въ различныхъ направленіяхъ; поднимаются устрашенные звѣри. Здѣсь, видите вы, свирѣпый вепрь, посѣкая клыками камышъ, идетъ на сопротивниковъ; его ждутъ мѣткіе охотники съ винтовками на прикладахъ, и подпустивъ на выстрѣлъ, поражаютъ нѣсколькими пулями; разъяренный звѣрь, означая слѣдъ свой пѣною и кровію, устремляется на дымъ, чтобъ отомстить дерзкимъ, или дорого продать жизнь свою; охотники посторонняются, и въ мигъ нѣсколько пикъ повергаютъ его на землю. Тамъ ретивый наѣздникъ, поднявъ чеканъ, преслѣдуетъ волка; добрый конь, *попрашивая* (*) поводья,

(*) Національное у казаковъ слово, означаю-

не выпускаетъ изъ виду звѣря, который, ощетиня шерсть, часто озирается и щелкаетъ зубами, и оба скрываются отъ глазъ. Здѣсь легкая коза, поднявъ гордо шею, стрѣлой несется по гладкой равнинѣ, останавливается, манитъ жаднаго охотника, надѣясь на быстрый свой бѣгъ; но подстрекнутый всадникъ припадаетъ къ сѣдлу, гонитъ борзаго коня, и собравъ арканъ, мѣтко бросаетъ его на шею своей добычи. А здѣсь робкій заяцъ, приложивъ на спину уши, мечется во всѣ стороны ища спасенія: его съ намѣреніемъ, пропускаютъ и у самыхъ ногъ атамана, ударомъ плѣти приковываютъ къ землѣ. Въ сихъ охотахъ молодежъ наша научалась имѣть

щее, что лошадь нетерпѣливо рвется, чтобъ имѣть свободныя поводья.

зоркій глазъ, чуткое ухо, смѣлость, *отважность*. Окончивъ охоту, наѣздники отправлялись къ атаману обѣдать или ужинать; тутъ, за стаканами меда, всякій разсказывалъ какъ нагналъ волка на засаду, или подстерегъ лису, кравшуюся ползкомъ въ густоту камыша, или съ конемъ своимъ перепрыгнулъ черезъ опасный оврагъ.

За охотою обыкновенно слѣдовала дружеская *бесѣда*: убившій оленя, вепря или козу, созывалъ своихъ сосѣдей разъѣсть вмѣстѣ звѣря; нынѣ одному удавалась охота, завтра другому, а послѣ третьему, и такъ далѣе. Бесѣды переходили изъ дома въ домъ; кто не доставалъ дикаго звѣря, тотъ убивалъ что нибудь изъ домашняго скота лишь бы не отстать отъ другихъ въ гостепріимствѣ. Остатками убитаго звѣря хозяинъ дѣлился съ

сосѣдами; ибо продавать съѣстное не было тогда у насъ въ обычаѣ. Прадѣды любили щеголять на званыхъ столахъ, приглашая знакомыхъ на крестины, имянины, свадьбы и проч. Здѣсь бѣдный и богатый ставили на столъ непремѣнно полное число блюдъ. Обѣды начинались обыкновенно *кулебякомъ* (пирогомъ) съ рубленнымъ мясомъ и перепелками; за нимъ слѣдовало 8 или 10 холодныхъ: *студень*, *сѣкъ* (*), *лизни* (**), приправленные солеными огурцами; полотки изъ поросенка, гуся, индѣйки, всѣ на разныхъ блюдахъ; часть дикой свиньи въ разварѣ, лебедь, соленый журавль и проч.; послѣ холодныхъ подавали горячія также до 10 блюдъ: щи, по-

(*) Филейная часть говядины въ разварѣ.

(**) Языки.

хлебку изъ курицы, свареной съ сарацынскимъ пшеномъ и изюмомъ; *морку*, т. е. супъ изъ баранины, приправленной морковью; *шурубарки* (ушки); борщъ со свининой; *думу*, которой было три рода: изъ капусты съ рубленнымъ мясомъ, изъ огурцовъ и изъ баклажановъ; *лапшу*, супъ изъ дикой утки и проч. Всѣ супы были приправлены лукомъ. Соусы вовсе были изключены изъ нашихъ обѣдовъ, а послѣ суповъ тотчасъ подавали жаркія: гуся, индѣйку, поросенка съ *начинкою*, цѣлаго ягненка съ чеснокомъ, часть дикой козы, дрофу, дикихъ утокъ, куликовъ и другую дичину, все также на особыхъ блюдахъ. Телятины предки наши никогда не ѣли, почитая это за грѣхъ. Вмѣсто пирожнаго подавали: *блинцы*, *лапшевникъ*, *кашникъ*, молочную кашу, и наконецъ *уре кашу*

изъ простаго пшена приправленную *сюзьмою*, т. е., кислымъ молокомъ. Оканчивался же столъ десертомъ изъ свѣжихъ и сухихъ фруктовъ. Чтобъ не обидѣть хозяина, всѣ гости должны были непремѣнно отвѣдать каждое блюдо. За всякимъ кушаньемъ пили медъ, а дабы никто не отговаривался и всякой выпивалъ до дна, то съ перваго стакана начинались тосты: первый за здравіе Государя; хозяинъ возглашалъ: «*Здравствуй Царь, Государь въ кременной Москвѣ, а мы Донскіе казаки на тихомъ Дону.*» Потомъ слѣдовалъ тостъ войска Донскаго: *Здравствуй войско Донское съ верху до низу, съ низу до верху.*» Потомъ пили здоровье атамана, всѣхъ гостей и проч. Десертъ нашъ, по изобилію и вкусу фруктовъ, могъ почитаться отличнымъ: персики, абрикосы, виноградъ,

разные роды вишень, грушъ, бергамотовъ, яблоковъ, и *дули* (груши), извѣстныя подъ именемъ Персидскихъ. Сказываютъ будто Императоръ Петръ I, находясь въ Персидскомъ походѣ, далъ бывшему при немъ казаку сѣмя таковой дули, которую самъ кушалъ, сказавши: «когда воротишься домой, посади это сѣмя и разведешь себѣ хорошія груши.» Казакъ исполнилъ это, и плоды сіи до нынѣ сохранились въ садахъ нашихъ.

При Ефремовѣ завелись на Дону экипажи. Въ старину казаки всегда ѣздили верхомъ; сѣсть въ рыдванъ почиталось неприличнымъ; однѣ только женщины употребляли простыя таратайки, покрытыя узорчатымъ войлокомъ. Въ повозки сіи дозволено было запрягать только самыхъ дурныхъ лошадей, калекъ и вообще такихъ,

кои неспособны были къ верховой ѣздѣ: казаки думали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Первый рыдванъ появился въ домѣ атамана Даниилы Ефремовича безъ рессоръ, на ремняхъ, усѣянный мѣдными гвоздями съ большими головками. Экипажъ сей новостію своею такъ удивлялъ тогда всѣхъ жителей, что когда атаманша ѣздила въ немъ по городу, то народъ выбѣгалъ на улицы и къ окнамъ домовъ, крича: *сама ѣдетъ*. Въ подражаніе Ефремовымъ завелись экипажи въ домахъ Поздѣева, Мартынова, Луковкина. Вскорѣ показалась у Ефремовыхъ и коляска тогдашняго фасона, а для зимы возокъ, расписанный яркими красками, обитый войлоками, цвѣтною шелковою матеріею и бархатомъ, со стеклами и съ жаровнею по серединѣ. Хотите ли имѣть поня-

тіе о тогдашнемъ Донскомъ экипажѣ? Онъ запряженъ турецкими лошаками или изувѣченными лошадьми; Калмыкъ занимаетъ мѣсто кучера; дородная дѣвушка или женщина на запяткахъ вмѣсто слуги. Въ то время крестьянъ на Дону еще не было, а казакъ ни за что въ мірѣ не согласился бы поѣхать съ женщинами. Это почиталось такимъ безчестьемъ, котораго ничѣмъ не льзя было загладить. Старшина Павелъ Ѳомичь Кирсановъ (*), уже въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія, первый выѣхалъ въ саняхъ на бѣгунѣ съ пристяжными, что изумило весь городъ. Спустя нѣкоторое время, старшина Дмитрій Мартыновичь

(*) Почтенному сыну его обязанъ я многими любопытными свѣдѣніями о Донской старинѣ, и симъ изъявляю мою признательность.

Мартыновъ показался въ одноколкѣ на гордомъ конѣ.

Старшины обращались съ казаками чрезвычайно просто и совершенно братски. Даже и тогда, когда званіе войсковаго атамана сдѣлалось не избирательнымъ, и власть его въ народѣ была весьма значительна, прежнее обхожденіе не измѣнилось. Данила Ефремовичь Ефремовъ, бывшій генералъ-маіоромъ и послѣ тайнымъ совѣтникомъ, никогда не чуждался *бесѣдъ* казачьихъ. Къ нему всякій приходилъ какъ къ своему товарищу, и запросто говорилъ ему *ты*. Много забавныхъ анекдотовъ можно слышать о подобной простотѣ; такъ напримѣръ: однажды казакъ, донося Ефремову, что войсковые плоты попали на мѣль, заключилъ рѣчь свою со всѣмъ добродушіемъ: *хоть тресни, Данила Ефремо-*

вить, не стащишь. Въ Рождество, старики разными компаніями, не исключая и лучшихъ старшинъ, ходили изъ дома въ домъ *Христа славить*, начиная обыкновенно отъ войсковаго атамана. Самъ атаманъ приставалъ къ компаніи старшинъ, и вмѣстѣ съ ними ходилъ по всѣмъ жителямъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они *Христосъ раждается*, за что хозяинъ обязанъ былъ заплатить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги, иные отдавали на соборъ, другіе покупали на нихъ медъ для бесѣдъ своихъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Изъ частной жизни Донцовъ вы видѣли, что воспитаніе и образъ жизни дѣвицъ и молодыхъ людей на Дону не благопріятствовали ихъ знакомству; мужчины могли видѣть дѣвушекъ только въ хороводахъ, иногда на гуляньяхъ, на свадьбахъ, или на крыльцахъ теремовъ; но всегда вмѣстѣ съ нянюшками или пожилыми родственницами. Иной дѣвицѣ до самаго замужства не удавалось сказать трехъ словъ чужому мужчинѣ. Старые Донцы находили грѣхъ въ томъ, когда холостой мужчина свободно разговаривалъ

съ дѣвушкою. « Не гляди въ глаза муж-
« чинѣ, » твердила бабушка своей внучкѣ; « Богъ не дастъ счастья; » и внучка должна была отворачиваться, или потуплять глаза въ присутствіи мужчинъ. Думать не льзя, чтобы украдкою красавицы не заглядывались на стройныхъ юношей; чтобы мужчина, которому уже намекали о женидьбѣ, не назначалъ въ умѣ своемъ той или другой себѣ въ жены; но рѣдкій Донецъ женился по собственному выбору: большею частію родители назначали ему невѣсту. Почтеніе и послушаніе къ старшимъ всегда составляло у насъ главнѣйшую часть нравственнаго воспитанія; не было примѣра неповиновенія родителямъ. « Сынокъ, тебѣ время жениться, » говорилъ отецъ: « мы съ матерью вы-
« брали тебѣ невѣсту; она умѣетъ

« хозяйничать, изъ хорошаго дому и « *гиберка* » прибавляла мать. « Воля ваша, » отвѣчалъ сынъ, и поклонъ въ ноги. Даже въ такомъ случаѣ, когда самому жениху давалась воля избирать себѣ подругу, вліяніе родителей всегда почти располагало его выборомъ; надобно было, чтобы невѣста имъ также нравилась, какъ жениху.

Дѣло начиналось смотромъ невѣсты. Женихъ съ однимъ или двумя пожилыми родственниками, отправлялся, по большей части вечеромъ, въ домъ невѣсты, гдѣ принимали ихъ ея родители. Гости заводили разговоръ о дочери хозяина, хвалили ея красоту, умъ, называли ее доброю хозяйкою и просили, чтобъ она имъ *поднесла*: по зову матери красавица являлась, одѣтая по домашнему, держа въ рукахъ подносъ съ кубками вина, и разнесши

кубки отходила къ сторонѣ, смиренно ожидая пока гости выпьютъ.

Разумѣется старики съ умысломъ медлили, чтобы дать жениху время всмотрѣться въ невѣсту, и между тѣмъ хвалили вино и *подносщицу*. Принявъ бокалы, она удалялась, а въ слѣдъ за нею гости, которые не переставали хвалить дочку, оканчивая: «Богъ дастъ, она и насъ полюбитъ.» Симъ заключалось первое посѣщеніе жениха, и хотя не объявляли прямо о его намѣреніи, но самый приходъ его уже объяснялъ все.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, присылались со стороны жениха *сваты*, одинъ или два человѣка изъ родственниковъ или постороннихъ. Выбирали для сего людей опытныхъ, которые славились умѣньемъ высватать, и могли насчитать до сотни

соединенныхъ ими паръ. Случалось иногда, что дурной выборъ сватовъ ставили жениху въ укоризну, и единственно потому отказывали ему въ невѣстѣ; объясняться же самимъ родителямъ жениха и невѣсты на счетъ своихъ дѣтей, почиталось неприличнымъ. Сваты начинали дѣло просто: «такой-то и такая-та хотятъ вступить съ вами въ родство,» и разумѣется осыпали похвалами жениха и его семейство. Если имъ отвѣчали *благодарностію за доброе мнѣніе о дочери*; но отговаривались, что *не могутъ выдать ее по неимѣнію всего нужнаго для свадьбы*: то это означало *отказъ*. Въ случаѣ согласія, невѣстинъ отецъ *просилъ дать ему время посовѣтоваться съ роднею и назначалъ день*, въ который сватамъ надлежало прийти за отвѣтомъ. Невѣста въ семъ

случаѣ не имѣла голосу; ей нравилось, или должно было нравиться все, что было угодно батюшкѣ и матушкѣ. Сваты, выходя изъ комнаты старались непремѣнно прикоснуться рукою къ печи, приговаривая: какъ эта печь не сходитъ съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невѣста. Искуснѣйшіе въ сватовствѣ не ограничивались однимъ этимъ и дѣлали много другихъ причудъ, толкуя, что онѣ помогаютъ успѣху.

Въ назначенный день по утру являлись тѣ же сваты, вынимали изъ запазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью, клали на столъ, говоря хозяевамъ: «отецъ и мать такого-то кланяются, и просятъ принять хлѣбъ-соль.» Хозяева вмѣсто отвѣта цѣловали гостинецъ. Сватовство, разумѣется, оканчивалось согласіемъ.

Сваты требовали, въ знакъ онаго руки. « *Дай Богъ въ добрый часъ,* » говорилъ отецъ, осѣнялъ себя крестомъ, и обернувъ полою своего платья руку, подавалъ ее сватамъ. Мать клала земные поклоны, и повторяя: « *въ добрый часъ* » подавала и свою руку. Это называлось у насъ *взять руку.* Подать или взять руку, не завернувъ ее въ полу платья, почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ старину Донцы думали, что голая рука есть символъ бѣдности. Въ заключеніе, невѣста подносила по стакану меду сватамъ, которые и поздравляли ее съ женихомъ.

По большей части въ этотъ же вечеръ дѣлалось *рукобитье.* Женихъ съ отцемъ, матерью и родными приходилъ къ своей суженой, въ домѣ которой собирались ея ближніе род-

ственники. Тамъ встрѣчали жениха поздравленіемъ съ невѣстою, а онъ отвѣчалъ поклономъ въ ноги будущему своему тестю и тещѣ, и становился у порога. Родители двухъ сторонъ, въ знакъ союза, давали другъ другу *руки*, называли одинъ другаго: *сватушка* и *свашинька*, и дѣлали *зарядъ* на случай отказа какой-либо стороны отъ брака.

О приданомъ тогдашніе казаки вовсе не знали: никогда не женили дѣтей по расчету, и для того при сватовствѣ даже не намекали о томъ, опасаясь унизить чистоту брака примѣсью къ оному какой либо корысти. Окончивъ всѣ условія, сватъ, который игралъ здѣсь ролю церемоніймейстера, выводилъ жениха на средину комнаты; невѣсту ставили подлѣ по лѣвой сторонѣ; подносили имъ по

рюмкѣ вина или меду, и молодые, выпивъ, цѣловали другъ друга. Сей первый поцѣлуй уже связывалъ ихъ навсегда; родители соединяли имъ руки приговаривая: «дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ мой сынъ невѣста; да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ.» Иногда при семъ случаѣ, невѣста и женихъ дарили другъ друга. Между тѣмъ выносили огромный серебряный подносъ, уставленный серебряными съ чернью стаканами, полными пѣнистаго меду или вина; женихъ, а послѣ него невѣста, обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, привѣтствовали ихъ желаніемъ *совершить начатое дѣло*. Симъ оканчивалось *рукобитье*, которое на Дону означало тоже, что въ Россіи *помолвка*. Когда соединяли руки новой четѣ, женщины пѣли двѣ пѣсни:

Ой заюшка горностай молодой и *Перепелушка рябыя перушки*; первую для жениха, вторую для невѣсты, повторяя оныя во весь вечеръ.

Совершивъ *рукобитье*, старики удалялись въ другую комнату запивать радостное начало дѣла, а жениха и невѣсту оставляли однихъ съ молодыми, чтобъ ознакомиться и повеселиться. На *рукобитьѣ* обыкновенно гости не оставались долго; назначали день для *сговора* и расходились. Женщины, проходя по улицамъ непремѣнно пѣли *Заюшку* и *Перепелушку*, чтобы извѣстить жителей о происходившемъ.

Сговоръ былъ гораздо торжественнѣе *рукобитья*. Въ назначенный день двѣ *позываты* со стороны жениха, и двѣ со стороны невѣсты, съ самаго утра, ѣздили изъ дома въ домъ съ

приглашеніями къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ. Въ *позыватыя* обыкновенно избирались молодыя женщины, которыя умѣли *хорошо упрашивать*, были веселы, развязны, разговорчивы. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были *сказать поклонъ отъ отца и матери и просить на еговоръ*, непремѣнно прибавляя: «*да пожалуйста же мои родненькія*; въ каждомъ домѣ ихъ угощали сладкимъ винцемъ и также *просили непремѣнно выпить*, такъ что нерѣдко онѣ возвращались домой очень навеселѣ. Въ вечеру, обыкновенно къ 6 и 7 часамъ, собирались въ домъ невѣсты, собственно къ ней дѣвицы, а къ ея родителямъ замужнія женщины и мужчины. Дѣвушки помѣщались въ особой комнатѣ; всѣ прочіе гости, которыхъ всегда называли *старикамы*, въ залѣ, посреди коей былъ

раскинуть большой столъ, покрытый скатертью; угловой столикъ, былъ уставленъ пряниками, орѣхами; сахарными закусками и *сѣмечками*. Все собраніе садилось, въ ожиданіи жениха.

Въ его домѣ собирались его знакомые; здѣсь приготовляли 10 или 20 и болѣе блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками, и *всякими сластями, да нѣсколько* дюжинъ бутылокъ лучшаго меду и вина. Всѣ гости отправлялись съ сею хлѣбомъ солью въ торжествѣ въ домъ невѣсты: впереди несли блюда, за ними шли женатые мужчины, потомъ замужнія женщины, и наконецъ женихъ съ молодежью. Хозяинъ и хозяйка встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали сватушку, свашиньку и родню ихъ въ первыя мѣста; женихъ съ товарищами становился у порога;

принесенными блюдами и напитками уставляли раскинутый по срединѣ столъ, чтобы всѣ видѣли обильную хлѣбъ-соль. Отецъ невѣстинъ, потомъ мать, обносили всѣмъ гостямъ по стакану. За симъ сваты требовали, чтобъ юная чета въ виду всего собранія была сговорена. Жениха и невѣсту ставили посреди залы и повторяли тотъ же обрядъ, который наблюдался при рукобитьѣ: родственники жениха и невѣсты, поздравляя, дарили другъ друга. Свекоръ и свекровь, въ семъ случаѣ, должны были превзойти всѣхъ щедростію. Сговоръ оканчивался тѣмъ, что женихъ и невѣста подносили всѣмъ гостямъ вино или медъ, и принимали отъ всѣхъ по поцѣлую.

Отъ послѣдняго гостя невѣста убѣгала въ другую комнату къ дѣвуш-

камъ, стараясь, чтобъ женихъ не успѣлъ ее упредить и помѣщалась между своими подругами, кои сажались сколько можно тѣснѣе, дабы не дать мѣста жениху. Это было ему наказаніемъ за чѣмъ выпустилъ изъ рукъ невѣсту. Женихъ, опоздавшій занять мѣсто возлѣ своей суженой, долженъ былъ купить его у ея сосѣдокъ. Начинался торгъ; женихъ набавлялъ цѣну по немногу, дѣвицы не уступали ничего, говоря, *что ихъ невѣста золотая, и недешево ему достанется.* Этотъ торгъ забавлялъ всѣхъ: *старики* оставляли свои стаканы и толпились изъ залы, чтобъ посмотрѣть на молодыхъ проказницъ; ихъ шутки приводили въ смятеніе жениха, и часто заставляли его соглашаться на все, чтобъ получить мѣсто подлѣ невѣсты. Молодежъ не отставала отъ жениха;

но ей нельзя было садиться между дѣвицами, а надлежало помѣщаться въ особомъ углу, или стоять у порога; только къ родственницамъ можно было подходить и вступать съ ними въ разговоръ, не нарушая благопристойности. Полчаса, часъ, и болѣе продолжалась тишина: молодежъ въ своемъ углу шептала; черноокія красавицы неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ, не смѣя посмотрѣть въ сторону, и только изрѣдка поглядывая на свой нарядъ, и поправляя полы алыхъ или малиновыхъ кубельковъ и платки на шеяхъ, голубые съ бѣлыми каймами или алые съ зелеными. Всякая щеголиха старалась выказать при семъ случаѣ свои жемчуги, золотыя серьги, чикилики.

Отъ привычки ли, или отъ того, что въ нашихъ обществахъ тогда не

знали еще нынѣшнихъ свѣтскихъ приличій, никто не скучалъ общимъ молчаніемъ. Мало по малу хозяйка, или кто нибудь изъ ея родственницъ заводила игры: въ *короли*, въ *кончики* (*) и т. п. Общество оживлялось: смѣялись, *шутили*, рѣзвились. Въ нѣкоторыхъ домахъ танцовали подъ балалайку, а послѣ подъ звуки оркестра, состоявшаго изъ двухъ скрыпокъ, дудочки, цымбаловъ и баса и привезеннаго на Донъ Малороссіяниномъ Марковичемъ. Сначала *казачекъ*, и *журавель* были у насъ единственными танцами;

(*) Въ *кончики* обыкновенно играютъ четверо, двое мужчинъ и двѣ дѣвицы: одинъ изъ играющихъ сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подноситъ оные прочимъ; каждый выбираетъ для себя любой и развертываютъ платокъ: тѣ, коихъ концы придутся на крестъ, должны цѣловать другъ друга.

потомъ введены: *Барыня, Какъ у нашихъ у воротъ,* и *Хлопушка.* Мужчины танцовали отлично; напротивъ того женщины вовсе не обращали вниманія на танцы: всякая ходила, или прыгала какъ умѣла, и наши прелестныя, не смотря на свою неловкость въ семъ дѣлѣ, умѣли привлекать взоры и сердца. *Журавль, Барыня* и *Уворотъ* танцовались въ четыре пары на подобіе кадрили, только безъ вальса; дѣлали однакожъ круги, шенъ, кресты; противустоящія пары сходились, расходились и кружились, перемѣняя дамъ. Въ *Хлопушкѣ* становились въ два ряда, какъ въ экосезѣ. Не скоро привыкли дѣвицы танцовать въ обществѣ. Въ кругу подругъ своихъ онѣ любили это невинное увеселеніе; но здѣсь, какъ рѣшиться стать рядомъ съ мужчиною, дать ему свою руку, кружиться

съ нимъ? Почти всегда при началѣ бала, лишь только мужчина подходилъ къ ней, она наклоняла голову и закрывала лице руками или платкомъ, такъ что хозяйка принуждена была насильно увлечь ее съ мѣста, и поставить въ пару. Невѣста въ сей вечеръ должна была перемѣнить два, или три нарядныя платья, показывая тѣмъ свой избытокъ.

Но что дѣлали *старики?* У нихъ было свое веселье. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто возлѣ своей невѣсты, родители его просили сватушку, свашиньку, и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ *смотрѣть печи*, какъ они говорили: тамъ посреди залы накрытъ былъ столъ. Всѣ гости садились ужинать. Хозяева, стараясь отличаться изобиліемъ, подавали блюдъ тридцать и болѣе; за каждымъ пили вино и медъ;

и чтобы не было отговорокъ, ко всякому стакану придумывали тостъ: начинали обыкновенно здоровьемъ сватушки, потомъ свашиньки, будущей четы, всѣхъ гостей порознь, и наконецъ пили за упокой умершихъ родственниковъ. Во время десерта веселые гости пѣли пѣсни, сначала *богатырскія*, потомъ плясовыя: *А кто въ моемъ во садику*; *Ахъ матушка жениха*; *Утушка луговая*. *Тутъ была перепелочка* и проч. Женщины пускались въ пляску, двигаясь вокругъ стола и стуча въ ладъ каблуками туфлей. Пиръ продолжался за полночь: женщины уходя пѣли по улицамъ, чтобъ во всѣхъ концахъ города, узнавали о бывшемъ сговорѣ.

Женихъ долженъ былъ платить за всѣ издержки сего вечера, даже въ домѣ невѣсты. Послѣ *сговора*, родствен-

ницы невѣсты оставались при ней безотлучно до самой свадьбы и шили для нее приданое. Если бы какую вещь вздумали отдать въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну *гиберкамъ*. Женихъ съ друзьями бывалъ у невѣсты каждый вечеръ и имѣлъ право оставаться въ ея домѣ ночевать. Невинная молодость рѣзвилась въ этомъ обществѣ: проведя весь день за работой, дѣвицы ввечеру съ нетерпѣніемъ ждали жениха, который, явясь съ узломъ закусокъ, приносилъ съ собою веселіе. До полуночи и далѣе продолжались игры: жмурки, четки, короли, кончики и проч.

За два дня до свадьбы смотрѣли приданое или праздновали *подушки*; на канунѣ *дѣвичникъ*.

Первыя происходили такимъ образомъ: ввечеру собирались въ домъ

невѣсты знакомыя дѣвицы и женихъ съ молодежью. Изъ пожилыхъ мужчинъ и женщинъ участвовали здѣсь одни только родные. Сперва гости, одинъ послѣ другаго, входили въ комнату, гдѣ находилось приданое невѣсты: богатая постель и множество платья въ сундукахъ; *гиберки* предлагали имъ *садиться на подушки*. Женихъ съ невѣстою садились первые; тутъ швеи подносили жениху стаканъ меду, который онъ выпивалъ въ нѣсколько пріемовъ, за каждымъ цѣлуя свою возлюбленную, и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластить*. Осушивъ бокалъ, онъ клалъ *гиберкамъ* деньги на подносъ. Потомъ *садилась* вся молодежь, одинъ послѣ другаго; каждый просилъ къ себѣ въ сосѣдки изъ присутствовавшихъ дѣвицъ ту, которая ему нравилась, также пилъ медъ, цѣловалъ красавицу

сколько хотѣлъ, и платилъ подноще-цамъ деньги. Отпустивъ отъ себя выбранную, могъ онъ просить садиться другую, третью и такъ далѣе. За всякимъ разомъ, когда мужчина оканчивалъ бокалъ, подноще-цы бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая: «*раса сага басенъ* (*).»

При всей застѣнчивости нашихъ красавицъ, ни одна не могла совершенно отказаться отъ *сидѣнія на подушкахъ*; но всякая, или почти всякая, непремѣнно отговаривалась нѣкоторое время изъ стыдливости, и наконецъ какъ будто уступала принужденію. Изъ всѣхъ нашихъ общественныхъ собраній, на одномъ только этомъ дозволялась мужчинамъ нѣко-

(*) По Татарски: и вамъ того желаемъ.

торая свобода въ обращеніи съ дѣвушками. Такимъ образомъ, до полуночи и позже, продолжали *садиться на подушки*. Иногда бывала здѣсь и музыка; но она не препятствовала сидѣнью: пока одни танцовали въ залѣ, другіе не переставали срывать жаркіе поцѣлуи съ свѣжихъ дѣвственныхъ устъ.

Дѣвичникъ былъ для невѣсты послѣднимъ праздникомъ въ ея дѣвическомъ состояніи. Доселѣ она невинно предавалась движеніямъ душевной радости, воображая будущее счастіе. Наконецъ наступилъ тотъ день, который издали казался ей столь благопріятнымъ, и душа ея невольно трепетала при мысли, что завтра она должна оставить семью свою, въ которой образовались ея наклонности и привычки, гдѣ она умѣла быть любимою дочерью; завтра должна она будетъ

вступить въ кругъ новыхъ людей, должна принять на себя обязанности, ей мало извѣстныя. Невольная грусть появлялась на свѣтломъ лицѣ неопытной дѣвы. Невѣста, на канунѣ свадьбы плакала во весь день. Ввечеру, передъ захожденіемъ солнца, одна съ нянюшкою, ходила она на могилы своихъ предковъ; здѣсь въ безмолвіи гробовъ, припавъ къ землѣ, со слезами призывала усопшихъ родныхъ, въ свидѣтельство клятвы, которую завтра произнесетъ предъ олтаремъ Всевышняго; просила отъ нихъ себѣ благословенія, предстательства ихъ у престола небеснаго Отца, да благословитъ Онъ новое поприще ея жизни.

Между тѣмъ невѣстины позыватые звали родственниковъ ея и знакомыхъ мужчинъ и женщинъ на вечеръ, *наволакивать подушки*, и на другой день

на *выданье невѣсты.* Со стороны жениха *свахи* и *дружко* просили гостей къ нему *каравай сажать*, и на завтра *встрѣтить новобрачныхъ.*

У жениха съ самаго утра начинали готовить караваи: когда сажали большой каравай въ печь, все собраніе держалось за лопату; дружко и свахи освѣщали печь, и свѣчи ихъ, обвитыя лентами, на другой день вручались жениху и невѣстѣ для зажженія предъ олтаремъ.

Ввечеру, всѣ гости жениха, набравъ караваевъ, отправлялись въ домъ невѣсты. Здѣсь грустная дѣва въ слезахъ сидѣла посреди подругъ своихъ, въ той же убранной комнатѣ, имѣя на головѣ уже не платокъ, и не челоучь, но высокую шапку изъ черныхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ, или парчевымъ верхомъ, украшенную цвѣ-

шами и перьями; въ косѣ золотой *косникъ*. *Подруги напѣвали ей жалобныя* пѣсни о разлукѣ съ родными и предстоящей перемѣнѣ жизни. Старики въ другой комнатѣ изрѣдка опоражнивали бокалы, въ ожиданіи жениха. Съ его приходомъ пѣсни замолкали, и молодые *садились* опять попарно *на подушки*, какъ на канунѣ. За симъ всѣ гости шли къ столу, послѣ котораго женщины входили въ комнату съ приданымъ и припѣвая: « *Сестрицы, подружки, несите подушки* и проч. » разбирали постель и другія легкія вещи изъ приданаго, и всемъ обществомъ отправлялись къ жениху.

Съ наступленіемъ дня свадьбы (это бывало всегда въ воскресенье), въ домахъ жениха и невѣсты все было въ движеніи. Дѣвицы убирали невѣсту въ брачную одежду: богатый парче-

вой кубилекъ и такую же рубаху; на голову надѣвали ту самую шапку, которую она имѣла на *дѣвичникѣ*, и косу заплетали по *дѣвичьи*; самыя лучшія украшенія изъ жемчуга и золота блистали на ней. Съ благовѣстомъ къ обѣдни, отецъ и мать благословляли святою иконою невѣсту, которая, положивъ передъ иконою три земныхъ поклона, цѣловала святый ликъ, кланяясь въ ноги плачущимъ отцу и матери, и прощалась со всѣми родными и домашними, сама заливаясь слезами. Между тѣмъ женихъ, получивъ отъ своихъ родителей благословеніе, отправлялся къ невѣстѣ: впереди шелъ священникъ со крестомъ; потомъ мальчики несли благословенные образа съ *пеленами*; за ними женихъ между дружкою и свахами въ парчевомъ кафтанѣ, въ алой суконной черкескѣ,

обшитой серебряными позуменшами, въ красныхъ сапогахъ, шитыхъ золотомъ, держа подъ рукою высокую шапку изъ сѣрыхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ верхомъ. Рядомъ съ нимъ *храбрый поѣздъ*, или *поѣзжаные*, т. е., холостые друзья жениха, отдающіе ему послѣдній *молодеческій* долгъ; они сопутствовали ему къ невѣстѣ, въ церковь и назадъ домой, иногда верхомъ на борзыхъ коняхъ въ серебряномъ уборѣ. Впереди или подлѣ жениха шелъ *вѣдунъ* (збережатый), котораго дружко обязанъ былъ пріискать за благовременно, и который не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы на порогахъ и притолкахъ, гдѣ ему надлежало проходить, не было чародѣйства, и чтобы въ пищу и питье не примѣшалъ кто *порчи*. Обыкновеніе наряжать жениха и невѣсту въ бога-

тыя платья было всеобщее; брачная одежда сохранялась въ семействахъ, какъ нѣчто священное и переходила къ потомству. Не рѣдко видали внука и правнука передъ брачнымъ олтаремъ въ дѣдовскомъ вѣнчальномъ кафтанѣ. Во многихъ станицахъ, гдѣ въ старину вовсе не умѣли или не любили наряжаться, было по одному общественному вѣнчальному платью: краснаго сукна чекмень, цвѣтной кафтанъ и красные или желтые сапоги; всѣ жители той станицы вѣнчались въ этомъ платьѣ, возвращая оное по совершеніи брака въ станичную избу.

Женихъ находилъ невѣсту уже на *посадѣ*, въ переднемъ мѣстѣ подъ *святыми*. Подлѣ нее одинъ или два мальчика, братья ея съ *державою*, т. е., съ простою или шелковою плеткою, шитою золотомъ и убранною серебря-

ными бляшками и снурками. Малютки, грозя плѣтью, не допускали жениха къ невѣстѣ; дружко долженъ былъ купить *у нихъ мѣсто.* Отсюда юная *чета въ большомъ торжествѣ отправлялась* въ церковь. Въ церковномъ притворѣ приготовляли невѣсту къ вѣнцу: снимали шапку, расплетали косу, раздѣляли на двое длинные волосы. По окончаніи духовнаго обряда, у новобрачной заплетали косу уже по *женски* на двое, обвивали ими голову, надѣвали ей соболью шапку или *повойникъ*, и прежнимъ порядкомъ всѣ отправлялись въ домъ жениха. Тутъ на крыльцѣ встрѣчали *молодыхъ* родители съ хлѣбомъ и солью, подъ которою вся процессія должна была пройти; когда проходили *молодые*, сыпали на нихъ пшеницу или другія хлѣбныя зерна, перемѣшанныя съ хмѣлемъ, орѣхами, пряниками, мѣл-

кою монетою и проч., дабы новая чета жила въ избыткѣ и счастіи. Угостивъ свиту молодыхъ, отводили послѣднихъ на брачное ложе. Нѣкогда существовалъ у насъ обычай, что новая супруга должна была разуть мужа своего, который въ правомъ сапогѣ имѣлъ плётку, и при снятіи онаго, ласково, не говоря ни слова, грозилъ ею своей любезной.

Между тѣмъ званые гости собирались къ обѣду, въ которомъ хозяйка старалась блеснуть числомъ блюдъ и изобиліемъ. Пили тосты Царя, атамана съ войскомъ Донскимъ, *молодаго князя съ княгинею*, ихъ родителей и каждаго гостя порознь, а потомъ по обыкновенію, доходило дѣло и до покойниковъ. Передъ жаркимъ *поднимали молодыхъ*, обрядъ установленный для женской непорочности, который въ

то время соблюдался у насъ такъ строго, что когда подавали первое жаркое, то все общество требовало, чтобъ имъ показали *честь новобрачной*, а безъ того не разрѣзывали жаркаго. Въ знакъ радости о добромъ имени молодой, дружкѣ навязывали на руки платки, а свахъ окутывали разными матеріями крестообразно черезъ плечи, и всѣ гости прикалывали къ головному убору или къ груди кисточки свѣжей калины, какъ символъ невинности. Дружко и сваха, которые по большей части не садились за столъ, а ходили кругомъ гостей, прося покушать и наблюдая, чтобы заздравные бокалы осушались до дна, начинали пѣть свадебныя пѣсни, прославляющія честь *молодой*: потомъ тотчасъ отправлялись, какъ были въ *перевязкахъ*, къ родителямъ

новобрачной съ извѣстіемъ о торжествѣ дочерней чести и съ приглашеніемъ на общій пиръ и *веселіе*.

И здѣсь также перевязывали ихъ матеріями и платками. Однакожъ не долго сохранялся у насъ сей обычай: скоро стали приглашать родителей *молодой* прямо къ столу, и въ ихъ присутствіи *поднимали молодаго князя съ княгинею*.

Коль скоро уносили столы, вводили въ собраніе *молодыхъ*: впереди дружко несъ на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ или парчевымъ платкомъ, изрѣзанный кусками большой каравай, котораго каждая частичка была украшена серебрянымъ лебедемъ или золоченою сосенкою, и на каждой положено было по немногу сыру; за нимъ сваха вела за руки *молодаго князя и княгиню*. Сошворивъ молитву, дружко откры-

валъ каравай, разносилъ оный по порядку гостямъ, прося именемъ молодаго князя и княгини, *сыръ-каравай принимать и молодыхъ надѣлять*, а молодые въ слѣдъ за нимъ подчивали ихъ виномъ или медомъ. Каждый изъ гостей, принявъ частичку каравая и бокалъ, обнималъ новобрачныхъ, поздравлялъ ихъ, изъявляя различныя желанія и дѣлалъ имъ какой нибудь подарокъ. Дарили новобрачнымъ шабуны, куски богатыхъ матерій, которыя вѣшали молодой на плечо, дорогія вещи, оружіе, деньги. Если тесть хотѣлъ одолжить зятя, то отдавалъ ему своего залетнаго скакуна съ сѣдломъ и ронзыкомъ. Объ этихъ подаркахъ говорилъ цѣлый городъ; разсказывали: такой-то *положилъ на каравай* шабунъ, такой-то 500 овецъ, тотъ домъ съ садомъ, отецъ *покрылъ молодую* парчею, мать роб-

раномъ. Родители *молодой* также получали въ это время подарки отъ сватовъ своихъ: отецъ сукно, а мать бархатъ, или парчу, всѣмъ прочимъ гостямъ дарили: мужчинамъ сафьяны, или платки, а женщинамъ красныя туфли. Остальную часть дня проводили въ самомъ шумномъ пированьѣ: подносили вино гостямъ, то старшій сынъ хозяина, уже славный на поприщѣ военномъ, то малютка внукъ, то дочь красавица, изъ жалованнаго царскаго ковша, или изъ завѣтнаго дѣдовскаго бокала, или изъ прадѣдовской чары, добычи Азовскикъ походовъ. Завистливое время бѣжало для нихъ быстро: разсвѣтъ другаго дня начинался прежде, нежели веселая бесѣда успѣвала окончить нѣсколько разъ повторяемые тосты въ честь живыхъ и усопшихъ. Никто, или почти никто

не выпивалъ своего бокала, не изъявивъ громогласно желанія въ пользу того, чье здоровье онъ пилъ. Для разныхъ случаевъ были различныя поздравленія: « желаю здравствовать *князю молодому съ княгинею*, » говорилъ трепещущимъ голосомъ старый воинъ, кланяясь на всѣ стороны; « княжему отцу, матери, дружку съ свахами и всѣмъ любящимъ гостямъ, или *всей честной компаніи* на бесѣдѣ, не всѣмъ поименно, но всѣмъ поравенно; что задумали, загадали, опредѣли Господи таланъ и счастіе; слышанное видѣть, желаемое получить, въ чести и въ радости нерушимо. » Собраніе отвѣчало ему: « опредѣли Господи! »

На другой день по утру, мать *молодой* присылала новобрачнымъ супъ изъ курицы съ изюмомъ и коренья-ми, и такъ называемое *вареное*, приго-

товленное изъ вина съ сахаромъ и ароматными веществами. Блюда сіи носили: няня молодой и бывшія ея прислужницы; всѣ онѣ были перевязаны штуками матерій, и одна въ карикатурномъ нарядѣ; проходя по улицамъ, онѣ неумолкно пѣли свадебныя пѣсни, часто останавливаясь, чтобъ поплясать и привлечь вниманіе народа. Угощенія продолжались цѣлую недѣлю: участвовавшіе въ брачной церемоніи, переходя изъ дома въ домъ къ каждому изъ гостей по очередно, пировали до самаго *нельзя*.

Наконецъ назначались такъ называемые *отводы*. Родители *молодой* давали у себя для всѣхъ прежнихъ гостей обѣдъ, на который являлись и новобрачные, въ первый разъ послѣ свадьбы показавшіеся тутъ въ чужомъ домѣ въ обществѣ. Разумѣется послѣ обѣда все

собраніе пировало какъ слѣдуетъ: хлѣбосольные хозяева почитали за стыдъ не угостить *честную компанію* такъ, какъ она угощаема была на прежнихъ пирахъ.

Таковы были въ старину главные свадебные обряды у *Низовыхъ казаковъ*, и преимущественно въ Черкаскѣ, гдѣ они исполнялись во всей точности, какъ въ высшемъ сословіи, такъ и между самыми бѣдными казаками. Въ станицахъ *верховыхъ*, обряды сіи имѣли нѣкоторыя измѣненія; въ каждой было что нибудь свое собственное.

ДОНСКІЯ ПѢСНИ.

Здѣсь предлагаются пѣсни для нотъ, приложенныхъ въ концѣ книжки; прочія помѣщены въ текстѣ.

I.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они братцы во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичь,
Есаулъ у нихъ, Асташка, сынъ Лаврентьевичь,
Они думали думушку все единую:
Ужъ-какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,

Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимо-
вать будетъ;
На Яикъ намъ итить, да переходъ
великъ,
Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами
слыть,
Подъ Казань градъ итить, да тамъ
Царь стоитъ,
Какъ грозной-та Царь Иванъ Васильевичь.
У него тамъ силы много-множество.
Да тебѣ Ермаку быть тамъ повѣшену,
А намъ казакамъ быть переловленымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрмамъ поразсо-
женымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимо-
фѣевичь:
Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъмы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется весна красная,

Мы тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ предъ грознымъ Царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка Всецарскаго,
Какъ тово-то вѣдь посланничка Персидскаго.
Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки други во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужь намъ, братцы, въ походъ итти;

Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофѣевичъ:
Ой вы гой еси братцы Атаманы молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
Забивайте вы почета еловые;
Накладайте бабанчки сосновые,
Мы поѣдимте братцы съ Божьей помочью;
Мы пригрянемте братцы вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы братцы горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусорманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы братцы Царю Бѣлому,
А Царя-то Кучума во полонъ возьмемъ,
И за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную,
Ой-ты гой еси Надежа православный Царь,

Не вели меня казнить, да вели рѣчь
говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофѣевичь;
Какъ и я-то воровской Донской Атама-
нушка;
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы,
корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
А теперича Надежа православной Царь
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговорить Надежа православ-
ной Царь,
Какъ и грозной-то Царь Иванъ Ва-
сильевичь:
Ой-ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофѣе-
вичь,
Ой-ты гой еси Войсковой Донской Ата-
манушка,
Я прощаю тебя да и со войскомъ
твоимъ,

Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ Ермакъ славной тихой
Донъ.

2.

Пріуныло, пріумолкло войско Донское,
Пріужаснулась армеюшка Царя Бѣлаго,
Безъ вѣрнаго служителя Государева,
Безъ Ивана Матвѣича Краснощокаго.
Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,
Повели добраго молодца къ Левен-
гауппу.
Какъ и сталъ его Левенгауппъ спра-
шивать:
« Ты скажи, скажи доброй молодецъ,
не утай ничего:
« Ты чѣмъ служилъ Царю Бѣлому,
какъ ты жалованъ,
« Сотникомъ, полковникомъ иль брига-
дирушкой? »
Рѣчь взговорилъ Краснощоковъ Левен-
гауппу:

« Я служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
« И не сотникомъ, полковничкомъ, бригадирушкой,
« Я служилъ Царю Бѣлому рядовой козакъ. »
Нѣтъ, не правду разудалой открываешь мнѣ;
На тебѣ, младецъ, управушка не казачая,
На тебѣ-то управушка командирская,
Я хочу тебя младца просить прозьбою:
Ты служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
Послужи ты Царю Шведскому хоть три года. —
Какъ воскрикнулъ Краснощоковъ Левенгауптту:
« Ахъ, еслибы была при мнѣ сабля острая,
« Послужилъ бы я надъ твоей буйной головушкой.

КОНЕЦЪ.

ССЫЛКИ.

Частная жизнь Императора Петра I.

1) См. мѣру роста Императора Петра I въ Музеумѣ Импер. Академіи наукъ въ кабинетѣ сего Государя.

2) Scheltema Russland en Nederlanden. Amsterdam 1817. II.

3) Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго, рукопись Андрея Нартова § 22. Отрывки помѣщены были въ С. О. 1819 года.

4) Scheltema — III.

5) Scheltema.

6) Нартовъ; Кашинъ; рукопись его помѣщена въ Рускихъ анекдотахъ, изданныхъ С. Глинкою. Москва 1820 года, ч. I. стр. 31.

7) Кашинъ, 31. Нартовъ § 80.

8) Tagebuch von Bergholz 2er Theil; въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. 20, стр. 332.

9) Scheltema III.

10) Bergholz — Busching, ч. XIX; Bassewitz въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. IX.

11) Нартовъ § 60.

12) Извлечено изъ дѣлъ сенатскаго архива.

13) Нартовъ.

14) Нартовъ.

15) Büsching T. XX.

16) Büsching T. IX. Bassewitz; — XXI Bergholz.

17) Нартовъ.

18) Нартовъ.

19) Кашинъ — въ Р. А. стр. 32.

20) Нартовъ.

21) Origina-lanekdoten v. Stählin. — Duclos.

22) Anecdotes sur le règne de Pierre

le Grand, современная рукопись, находящаяся въ библіотекѣ кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Жизнь Петра Великаго, изд. Галема III. 185.

23) Das veränderte Russland, von Weber, II. 23. Нартовъ § 80.

24) Weber, тамъ же.

25) Нартовъ.

26) Тамъ же § 6.

27) Тамъ же.

28) Тамъ же.

29) Галемъ III. 147. Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго.

30) Bruce 5. Reisen 138. Нартовъ § 80. Кашинъ.

31) Галемъ III. 177. Нартовъ.

32) Нартовъ, § 38.

33) Graf Lynar I. 34. Галемъ.

34) Bruce. —— Нартовъ.

35) Bassewitz.

36) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго.

37) Нартовъ § 80.

38) Bruce 138.

39) Тамъ же.

40) Нартовъ. Bergholz.

41) Bergholz.

42) Нартовъ.

43) Нартовъ.

44) Bergholz.

45) Нѣмецкая рукопись изъ библіотеки графа Сухтелена, подъ заглавіемъ: Ueber die veränderungen zu Zeiten Peter's des Grossen.

46) Нартовъ § 88.

47) Bergholz.

48) Нартовъ § 80.

49) Журналъ Ив. Ив. Неплюева въ рукописи.

50) Bruce 138. Weber ч. II.

51) Bergholz. Богдановъ. Описаніе С. Петербурга.

52) Нартовъ.

53) Bassewitz.

54) Stählin.

55) Нартовъ. Bergholz.

56) Образъ сей и рубашка хранятся до сихъ поръ въ семьѣ Гг. Мухановыхъ.

57) Галемъ.

58) Scheltema II.

59) Тамъ же II.

60) Тамъ же II.

61) Тамъ же.

62) Тамъ же.

63) Въ собраніи собственноручныхъ писемъ Петра I, находящемся въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

64) Stählin.

65) Bergholz.

66) Нартовъ.

Статьи объ увеселеніяхъ и первыхъ балахъ почерпнуты изъ Беркгольца, Бассевица, Вебера, и Штелина (Ueber die Musik und Tanzkunst in Russland), Нартова, Кашина, изъ писемъ Гжи Рондо (Letters of an english Lady who

resided many years in Russia), изъ статьи А. Ѳ. Малиновскаго о Россійскомъ театрѣ, помѣщенной въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 года.

Частная жизнь бояръ при Петрѣ I.

1) Нартова рукопись.

2) Bergholz.

3) Weber.

4) Weber.

5) Leben des Grafen Scheremetef, von Müller.

6) См. Сокольничій уставъ въ Древн. Вивліоѳикѣ.

7) Описаніе С. Петербурга Богданова.

8) Bergholz.

9) Тамъ же.

10) Bergholz.

11) Weber.

12) Bergholz.

13) Leben des Gr. Scherem., v. Müller.

14) См. планъ С. П. бурга 1716 года.

15) Нартовъ.

16) An account of Russia as it was in 1708, by Lord Whitworth.

17) Описаніе С. П. бурга Богданова.

18) Bergholz.

19) Mémoires sur Pierre-le-Grand, par un ministre étranger.

20, 21, 22 } Все это заимствовано изъ Беркгольцова журнала: многое также изъ преданій.

Въ статьяхъ о Донскихъ казакахъ помѣщены нѣкоторыя слова національныя, которыя не для всѣхъ читателей, можетъ быть, равно понятны. Здѣсь слѣдуетъ ихъ объясненіе.

Тулма. Такъ называли у казаковъ пришлеца Татарскаго племени, вновь поступившаго въ ихъ общество.

Шертованіе, у Татаръ и Калмыковъ

присяга, совершаемая по обрядамъ Магометанскаго или Ламанскаго законовъ.

Юртъ, всѣ земли и воды, принадлежащія какой нибудь станицѣ.

Чеканъ, родъ молотка съ рукояткою, имѣющею длины около полутора аршина. Съ симъ оружіемъ обыкновенно гонялись за волками.

Тарпанъ, дикій конь.

Чикилики, женское украшеніе, связанное сѣткою изъ жемчуга, которое обвивая чело, спускалось подъ ушами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе..... V

Отдѣленіе I.

О частной жизни Императора Петра I.... 1

Объ увеселеніяхъ Рускаго двора при Петрѣ I. 55

О первыхъ балахъ въ Россіи..... 99

О частной жизни Рускихъ при Петрѣ I..... 127

Отдѣленіе II.

Вступленіе 173

Рыцарская жизнь казаковъ..... 178

Частная жизнь Донцевъ въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка 242

Свадебные обряды..... 298

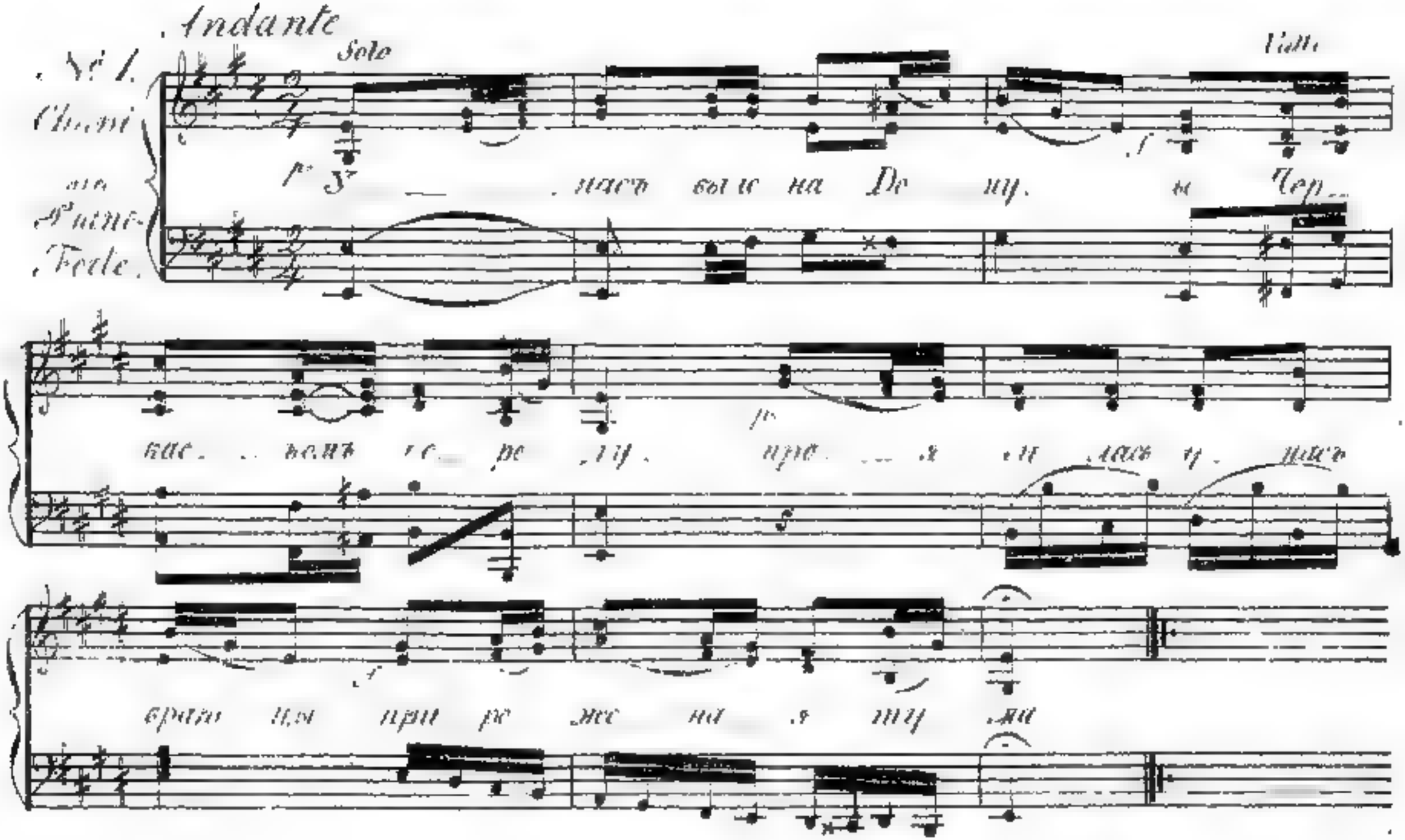
Донскія пѣсни..... 336

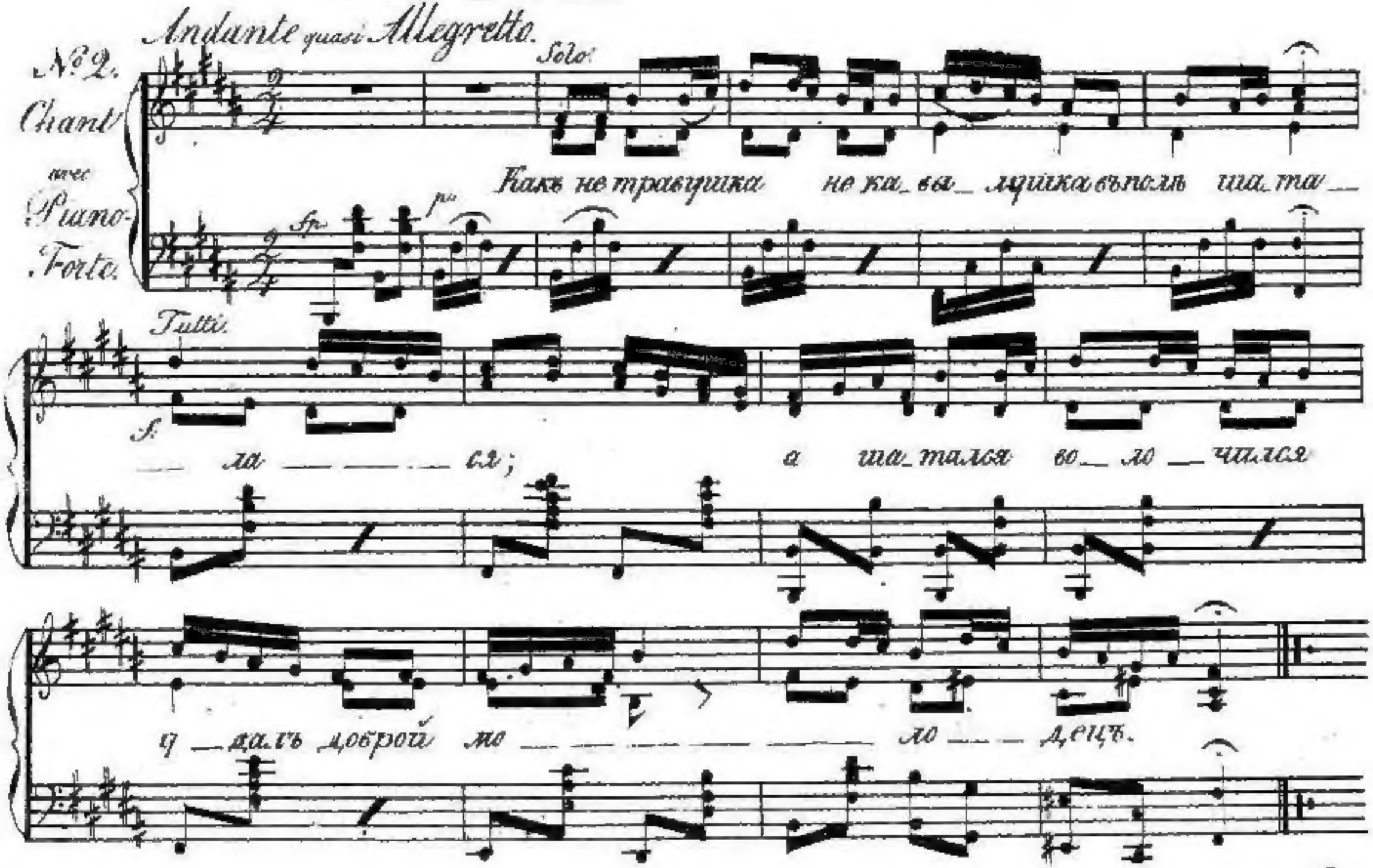
ПЯТЬ

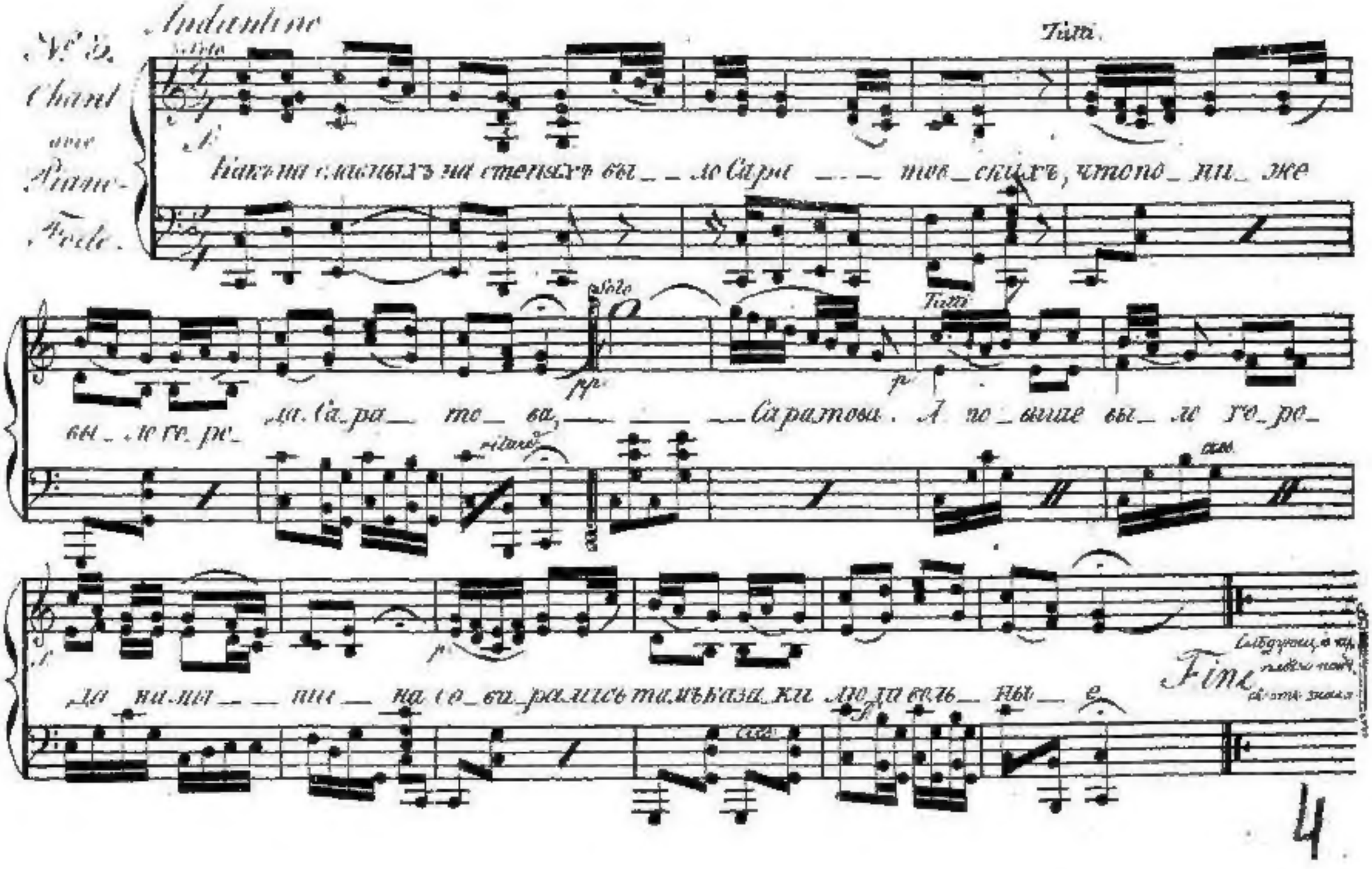
пѣсенъ Донскихъ національныхъ

положены на музыку Г. Кольбе

въ лит. фонѣ Петера.


Andante
Solo
Tutti
Forte


Andante quasi Allegretto.
№ 2.
Chant avec Piano-Forte.
Solo.
Tutti.
Какъ не травушка не ка_вы_лушка въ полѣ ша_та_
_ ла _ _ _ _ ся; а ша_тался во_ ло_ чился
ч_ далъ доброй мо_ _ _ _ _ _ _ _ ло_ _ _ децъ.


Andantino
№ 3.
Chant avec Piano-Forte.
Solo
Tutti
Как на славныхъ на степяхъ вы_ _ ло Сара _ _ _ тов_скихъ, что по_ни_ же
вы_ ло го_ ро_ да Са_ра_ то_ ва, _ _ _ _ Саратова. А по_выше вы_ ло го_ро_
да на мы_ _ ни_ на се_ва_ра_лись тамъ каза_ки лю_да воль_ ны_ е
Fine

Andantino.

№ 4.

Chant avec Piano Forte.

Solo

p

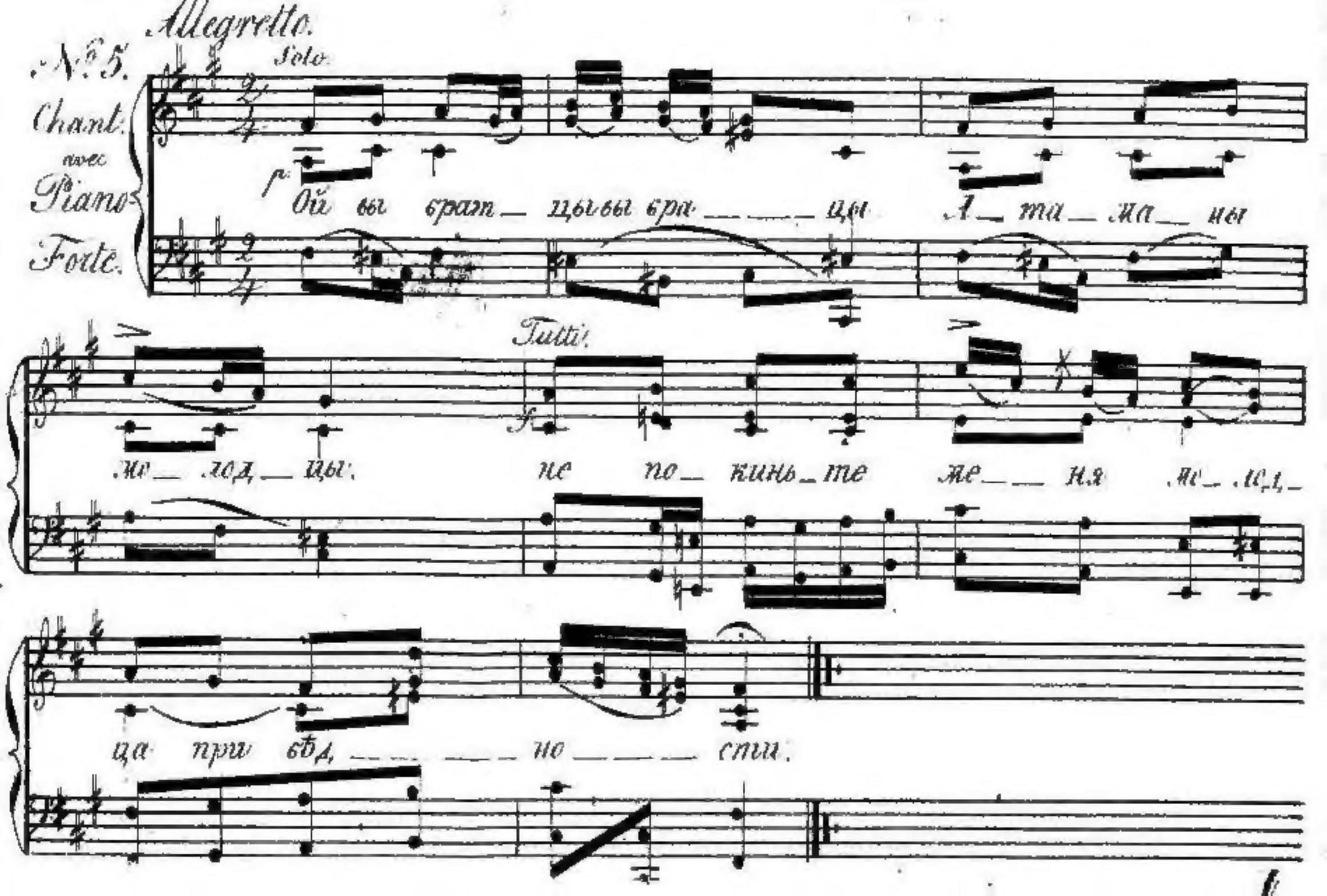
Притихло при — — у — мол — кло Вой — — — ско Дон —

Tutti

f

— — — ско — — е приу — жаснц — лись ар — — — ме — ю — шка

Ца — ря — — —


Allegretto.
№ 5.
Chant.
avec
Piano
Forte.
Solo.
Ой вы брат_цы вы бра_цы А_та_ма_ны
Tutti.
мо_лод_цы. не по_кинь_те ме_ня мо_лод_
ца при бѣд_но_сти.